

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ. 2020. №3 (28)

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Казанский национальный исследовательский технологический университет»

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ

2020 №3 (28)

май-июнь

Основан в 2015 году

Казань

2020

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2020 №3 (28) май-июнь

Основан в 2015 году

Выходит шесть раз в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-62437 от 27 июля 2015 г.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям.

Журнал входит в Научную электронную библиотеку (участвует в программе по формированию РИНЦ), договор №269-05/2016 от 05.05.2016 г.

Подписной индекс 80142. Информация размещена в Объединенном каталоге «Пресса России».

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Казанский национальный исследовательский технологический университет»

Адрес учредителя и издателя: 420015, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 68, тел. 8(843) 231-42-00, office@kstu.ru

Адрес редакции: 420015, Российская Федерация, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 68, ФГБОУ ВО «КНИТУ»,

Редакция журнала «Управление устойчивым развитием», тел. 8(843) 231-95-04, e-mail: development_knrtu@mail.ru.

Главный редактор: Р. И. Зинурова – д-р социол. наук, проф., КНИТУ

Заместители главного редактора: А. Р. Тузиков – д-р социол. наук, проф., КНИТУ,

П. Н. Осипов – д-р пед. наук, проф., КНИТУ

Редакционная коллегия:

Аксянова А. В. – д-р экон. наук, проф., КНИТУ
Алексеев С. А. – канд. социол. наук, доцент, КНИТУ
Ельшин Л. А. – д-р экон. наук, доцент, КНИТУ
Ивченков С. Г. – д-р социол. наук, проф., СГУ
Ильдарханова Ч. И. – д-р социол. наук, проф., АН РТ
Киселев С. В. – д-р экон. наук, проф., КНИТУ
Кондратьев В. В. – д-р пед. наук, проф., КНИТУ

Локосов В. В. – д-р социол. наук, проф., ИСЭПН РАН
Мингалеев Г. Ф. – д-р экон. наук, проф., КНИТУ-КАИ
Сафин Р.С. – д-р пед. наук, проф., КГАСУ
Сафиуллин А. Р. – д-р экон. наук, проф., К(П)ФУ
Сергеев С. А. – д-р полит. наук, проф., К(П)ФУ
Шагеева Ф. Т. – д-р пед. наук, проф., КНИТУ
Шинкевич А. И. – д-р экон. наук, проф., КНИТУ

Ответственный секретарь: Л.З.Фатхуллина

Editor-in-Chief: Zinurova R. I. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., KNRTU

Deputies of the editor-in-Chief: Tuzikov A. R. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., KNRTU

Osipov P. N. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KNRTU

Editorial Board:

Axayanova A. V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU
Alekseev S. A. – Cand. Sci. (Sociol.), KNRTU
Elshin L. A. – Dr. Sci. (Econ.), KNRTU
Ivchenkov S. G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., SSU
Ildarhanova Ch. I. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., TAS
Kiselev S.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU
Kondratyev V. V. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KNRTU

Lokosov V. V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., ISESP RAS
Mingaleev G. F. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU-KAI
Safin R.S. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KSUAE
Safiullin A. R. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KFU
Sergeev S. A. – Dr. Sci. (Polit.), Prof., KFU
Shageeva F. T. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KNRTU
Shinkevich A. I. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU

Executive Secretary: L. Z. Fatkhullina

ISSN 2499-992X © Казанский национальный исследовательский технологический университет, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Вертакова Ю. В., Зарецкая В. Г., Плотников В.А.</i> Covid-19 и европейская интеграция: станет ли пандемия коронавируса триггером распада европейского союза?	5
<i>Джуха В. М., Боев В. Ю., Погосян Р. Р.</i> Гибкие управленческие технологии как триггеры роста российских компаний	17
<i>Клименко Т. И., Ахметшин Р. М.</i> Основные тенденции сферы услуг инновационной инфраструктуры в условиях глобализации	25
<i>Мингалеев Г. Ф., Бабушкин В. М., Никифоров Н. Ю., Богоявленская Е. Е.</i> Формирование методологии платформы мониторинга оплаты труда на промышленных предприятиях	32
<i>Мингалеев Г. Ф., Никифоров Н. Ю., Бабушкин В. М., Богоявленская Е. Е.</i> Интеграция системы мониторинга оплаты труда с концептуальной платформой системы оплаты труда на промышленных предприятиях	40

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Зинурова Р. И.</i> Молодая семья в Татарстане: социальное самочувствие, межэтнические отношения, репродуктивное поведение	48
<i>Тузиков А. Р.</i> Молодая семья: социальное самочувствие и общественно-политические процессы (на примере Республики Татарстан)	56
<i>Бурганова Т. А.</i> Женщины-ученые в структуре региональной научной элиты: накопленный опыт и перспективы исследования	64
<i>Каверина Н. А.</i> Государственная культурная политика в противодействии экстремизму	70
<i>Тимофеева Н. С.</i> Стратегическое планирование устойчивого развития сельских территорий региона	78
<i>Тузиков А. Р., Зинурова Р. И., Алексеев С. А.</i> Особенности стереотипов в отношении мигрантов в городских агломерациях Республики Татарстан	85

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Карташова А. А., Лаврова О. М.</i> Исследовательская деятельность молодежи как инструмент реализации образовательных и практикоориентированных проектов	93
<i>Пичугин А. Б.</i> Особенности развития патриотизма на постсоветском пространстве и его влияние на студентов в образовательной среде высшей школы	98
<i>Шевченко Г. И., Калашникова А. И.</i> Цифровые технологии в подготовке онлайн-тьютора	105
<i>Яковлева Е. В., Макусева Т. Г.</i> Влияние индивидуально-ориентированного обучения на успешность адаптации первокурсников к обучению в вузе	111

JOURNAL CONTENTS

ECONOMICS

<i>Vertakova Yu. V., Zaretskaya V. G., Plotnikov V. A.</i> Covid-19 and European integration: will the coronavirus pandemic trigger the collapse of the European Union?	5
<i>Dzhukha V. M., Boev V. Y., Pogosyan R. R.</i> Flexible management technologies as triggers of growth of the russian companies	17
<i>Klimenko T. I., Akhmetshin R. M.</i> Main trends in the field of services of innovative infrastructure in the conditions of globalization	25
<i>Mingaleev G. F., Babushkin V. M., Nikiforov N. Yu., Bogoyavlenskaya E. E.</i> Integration of the methodology of the remuneration-monitoring platform with the conceptual platform of the remuneration system in industrial enterprises	32
<i>Mingaleev G. F., Nikiforov N. Yu., Babushkin V. M., Bogoyavlenskaya E. E.</i> Integration of the labor remuneration monitoring system with the conceptual platform of the labor remuneration system in industrial enterprises	40

SOCIOLOGY

<i>Zinurova R. I.</i> Young family in tatrstan: social wellbeing, inter-ethnic relations, reproductive behavior	48
<i>Tuzikov A. R.</i> Young family: social well-being and socio-political processes (on the example of the Republic of Tatarstan)	56
<i>Burganova T. A.</i> Women-scientists in the structure of regional scientific elite: experience gained and prospectsof investigation	64
<i>Kaverina N. A.</i> State cultural policy against extremism	70
<i>Timofeeva N. S.</i> Strategic planning of sustainable development of rural areas of the region	78
<i>Tuzikov A. R., Zinurova R. I., Alekseev S. A.</i> Features of stereotypes with respect to migrants in urban agricultures of the Republic of Tatarstan	85

PEDAGOGICS

<i>Kartashova A. A., Lavrova O. M.</i> Research activity of youth as a tool for the implementation in educational and practice-oriented projects	93
<i>Pichugin A. B.</i> Characteristic features of patriotism development in the former soviet union and its influence on students in the educational environment of the university	98
<i>Shevchenko G. I., Kalashnikova A. I.</i> Digital technology in the preparation of the online-tutor	105
<i>Yakovleva E. V., Makuseva T. G.</i> Influence of individual-oriented teaching on the success of adaptation of first-year students to university study	111

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 339.923

Ю. В. Вертакова, В. Г. Зарецкая, В. А. Плотников

COVID-19 И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: СТАНЕТ ЛИ ПАНДЕМИЯ КОРОНАВИРУСА ТРИГГЕРОМ РАСПАДА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА?

Ключевые слова: Covid-19, Европейский союз, экономические интересы, экономическая интеграция, конвергенция, дивергенция, региональная дифференциация

Региональная экономическая интеграция – один из значимых трендов развития, который ярко проявился со второй половины XX века. При этом, безусловным мировым флагманом экономической интеграции является Европейский Союз. В современных условиях, под влиянием пандемии Covid-19 и предпринимаемых для ее нейтрализации на международном и внутривострановом уровнях мер, наблюдается неустойчивость ЕС. Цель статьи состоит в том, чтобы установить: является ли эта неустойчивость закономерной, либо это – следствие случайного стечения обстоятельств. Для достижения этой цели сформулированы две альтернативных (взаимоисключающих) исследовательских гипотезы. Для их проверки проведено эконометрическое исследование с использованием методического аппарата количественной оценки величины конвергенции (сходимости) показателей, характеризующих экономики стран ЕС. В расчетах использовались показатель β -конвергенции (основан на оценке сходимости темпов роста) и показатель σ -конвергенции (основан на оценке сходимости степени отличий по странам). На основе анализа данных за период 2000-2018 гг. по показателям величины ВВП на душу населения и производительности труда, установлено наличие конвергенции по показателю ВВП на душу населения. Т.е. в ЕС доходы на душу населения выравниваются, уровень жизни становится более однородным. В то же время, по показателю производительности труда конвергенции не происходит. Сопоставление показателей β -конвергенции по ВВП и производительности труда показывает, что только у одной страны с догоняющим развитием – Румынии – темп роста ВВП опережает темп роста производительности труда. У всех других стран, присоединившихся в ЕС в 1992-1995 годах, темп роста производительности труда ниже, чем темп роста ВВП на душу населения. Это значит, что потребление в этих странах растет частично не за счет внутренних ресурсов, а за счет перераспределения бюджета ЕС. Следовательно, значимым фактором существования ЕС становятся неэквивалентные перераспределительные отношения в рамках этого интеграционного объединения. В условиях замедления темпов экономического роста, наблюдаемого с начала 2020 года, а также выхода Великобритании из союза, размер внутривострановых бюджетных трансфертов существенно сократится, а ограничительные меры, вызванные необходимостью противодействовать пандемии, ограничат неформальный канал распределения доходов между странами через трудовую миграцию. В результате, высока вероятность того, что Covid-19 сыграет роль триггера в запуске европейских дезинтеграционных процессов.

Yu. V. Vertakova, V. G. Zaretskaya, V. A. Plotnikov

COVID-19 AND EUROPEAN INTEGRATION: WILL THE CORONAVIRUS PANDEMIC TRIGGER THE COLLAPSE OF THE EUROPEAN UNION?

Keywords: Covid-19, European Union, economic interests, economic integration, convergence, divergence, regional differentiation

Regional economic integration is one of the significant development trends. This trend has been clearly manifested since the second half of the twentieth century. The European Union is the undisputed world leader in economic integration. In modern conditions, under the influence of the Covid-19 pandemic and the measures taken to neutralize it at the international and domestic levels, the EU is unstable. The purpose of the article is to establish: Is this instability logical or is it a consequence of an accidental combination of circumstances. To achieve this goal, two alternative research hypotheses are formulated. To verify them, an econometric study was conducted using the methodological apparatus for quantifying the convergence of indicators characterizing the economies of the EU countries. In the calculations, the β -convergence indicator (based on the assessment of convergence of growth rates) and the σ -convergence indicator (based on the assessment of conver-

gence of the degree of differences across countries) were used. Based on the analysis of data for the period 2000-2018 on the indicators of per capita GDP and labor productivity, it is established that there is convergence in terms of per capita GDP. In the EU, per capita incomes are equalized, living standards are becoming more uniform. At the same time, convergence does not occur in terms of labor productivity. A comparison of the β -convergence indicators for GDP and labor productivity shows that only one country with catch-up development - Romania - has a GDP growth rate that is faster than labor productivity growth. All other countries that joined the EU in 1992-1995 have a lower productivity growth rate than per capita GDP growth. This means that consumption in these countries is partly growing not due to domestic resources, but due to the redistribution of the EU budget. Consequently, non-equivalent redistributive relations within the framework of this integration association become a significant factor in the existence of the EU. With the slowdown in economic growth observed since the beginning of 2020, as well as the withdrawal of Britain from the Union, the size of intra-European budget transfers will significantly decrease. Restrictive measures caused by the need to counter pandemics will limit the informal channel of income distribution between countries through labor migration. As a result, it is highly likely that Covid-19 will play a trigger role in launching European disintegration processes.

Введение

Одним из серьезных современных вызовов устойчивости социально-экономического развития как отдельных стран, так и мира в целом является пандемия новой коронавирусной инфекции Covid-19 [1-3 и др.]. Распространение этого заболевания официально началось с 31 декабря 2019 года, с территории Китайской Народной Республики, где в г. Ухань провинции Хубэй была зарегистрирована группа случаев заболевания пневмонией.

Очень быстро, несмотря на предпринятые китайскими медиками и властями меры, заболевание стало распространяться, в результате чего 30 января 2020 года Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила, что мир имеет дело с «чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение» (цит. по официальному Интернет-сайту ВОЗ: <https://www.who.int/ru/news-room/detail/27-04-2020-who-timeline---covid-19>, дата обращения 15.04.2020), а еще спустя месяц с небольшим, 11 марта 2020 года, ВОЗ была объявлена пандемия.

Механизм передачи данного коронавируса еще до конца не изучен, но предварительные данные говорят о том, что основной путь передачи – респираторный, вероятно также заражение от вирусоносителей через пользование общими предметами. К сожалению, для этого заболевания «эффективное лечение [пока – прим. авт.] недоступно... В настоящее время согласованные усилия по реализации мер инфекционного контроля и других требований, таких как социальное дистанцирование, являются единственной тактикой, применяемой для замедления распространения этого высокоинфекционного заболевания» [4, p. 16].

Следуя этим мерам, во многих странах мира, которые оказались охвачены заболеванием, власти стали предпринимать энергичные

меры по осуществлению социального дистанцирования и ограничению перемещения людей. Следствием этого стало закрытие границ, официальные рекомендации людям находиться дома (порой подкрепленные жесткими санкциями за их нарушение), а также введение запретов на массовое скопление людей, независимо от цели этого скопления.

При этом, порог «массовости» трактуется весьма широко: от 2-х человек в Германии и Чехии (см.: <https://www.bbc.com/russian/features-52043908>, дата обращения 30.03.2020), до 1 тыс. человек в некоторых российских регионах, например, в городе федерального значения Санкт-Петербург (см.: <https://tass.ru/obschestvo/7971203>, дата обращения 30.03.2020). Естественно, что в этих условиях, в рамках предпринимаемых ограничительных мер, были остановлены многие предприятия, за исключением стратегически и социально значимых, что инициировало спад в экономике.

Рассматриваемые ограничительные меры, таким образом, привели к возникновению множества новых границ, ограничивающих перемещение людей (следовательно, и экономических ресурсов) на различных уровнях пространственного деления: от порога собственного жилища до государственных границ. Особым испытанием они стали для региональных интеграционных группировок, основной идеей создания и драйвером развития которых как раз и является снижение (вплоть до полной ликвидации) барьеров между странами и регионами – участниками интеграции [5-7 и др.]. Covid-19, таким образом, стал триггером мощных процессов дезинтеграции.

В центре внимания здесь, естественно, оказывается Европейский Союз, как наиболее развитая интеграционная группировка в мире. Как указывают в этой связи И.А. Максимцев и Н. М. Межевич, «мощные общеевропейские

институты, регулирующие кривизну огурцов, оказались абсолютно неэффективными в ситуации реальных вызовов. Кризис ... поставил вопрос об эффективности европейских институтов ... Основой европейской интеграции являлись принципы свободы передвижения людей, товаров и капитала. Все три принципа ... работали до пандемии Covid-19» [8, с. 25].

Неудивительно, что в постпандемической реальности многие специалисты предрекают если и не распад ЕС, то, по крайней мере, его существенное ослабление. Ослабление это, как ожидается, будет вызвано тем, что феномен «новых границ», по-видимому, будет иметь пролонгированный характер, в результате чего положительные интеграционные эффекты (прежде всего – экономические) могут существенно уменьшиться. Соответственно, воздействие стимулов для стран-участниц интеграционного объединения, ориентирующих на сохранение активного членства в нем, может снизиться до критического уровня.

Теоретические аспекты региональной интеграции

Ретроспективный анализ показывает, что экономические системы развиваются по пути укрупнения и структурного усложнения.

Если обратиться к экономической истории, то мы можем наблюдать как на микроуровне ремесленное производство превращается в мануфактуру, сначала мелкую, потом крупную, затем возникают промышленные предприятия, в дальнейшем бизнес укрупняется вплоть до появления в XX веке транснациональных корпораций. Это, конечно, не значит, что с развитием экономики исчезают мелкие агенты, но, всё же, следует признать, что ключевую роль в экономике играют крупные компании. В то же время, малые фирмы не прекращают своего существования, но многие из них выбирают сателлитную модель функционирования, встраиваясь в экосистемы крупных предприятий и их объединений [9].

Такой же процесс укрупнения и интеграции идет и на более высоких уровнях иерархии социально-экономических систем: регионов и даже отдельных государств [10]. Например, когда-то раздробленные удельные княжества, постоянно конфликтовавшие между собой, в результате интеграционных процессов образовали Русское государство, предтечу современной Российской Федерации. Аналогичные процессы интеграции проходили и в нынешних Франции, Италии, Германии и т.д. Конечно, во все времена, как исторические, так и современные, сохраняются и мелкие государственные единицы, но их роль незначительна. Нехватка собственных ресурсов и неспособность их надежно за-

щитить приводят к тому, что они вступают в формальные или неформальные союзы между собой или с более крупными странами.

Следует отметить некоторую цикличность в развитии экономической интеграции [11]. Так, XV-XIX века характеризовались возникновением, развитием и процветанием крупных империй – государств, включавших большие территории, населенные разными народами с разнообразными хозяйственными укладами, отличающиеся уровнями развития региональных экономик, условиями жизни.

Двадцатый век изменил ситуацию. Первая Мировая война положила конец или произвела надлом (в данном контексте этот термин использован нами в смысле, который вкладывал в него А. Тойнби [12]) большинства империй, которые окончательно прекратили существование после Второй Мировой войны. На карте мира появилось большое количество новых самостоятельных государств. Пожалуй, лишь СССР, как преемнику Российской Империи, пережившей кардинальную модернизацию, удалось продлить существование империи еще на 70 лет.

Однако цикличность истории, в том числе политической, социальной и хозяйственной, диалектическая логика развития приводят к повторению процессов объединения, пусть и в других политических и географических рамках и других масштабах. Сразу же после Второй Мировой войны в различных регионах мира начинаются сначала довольно слабые, но постепенно набирающие силу интеграционные процессы.

Наиболее успешной интеграция оказалась в Европе, где в 1952 году Бельгией, Италией, Люксембургом, Нидерландами, Францией и ФРГ был подписан договор о создании Европейского объединения угля и стали. Эта интеграционная группировка непрерывно развивалась, меняя свою конфигурацию, вплоть до образования в 1992 году Европейского Союза (ЕС). Между его странами сняты ограничения для функционирования рынков товаров, услуг, капиталов и труда, в ЕС действуют общие законы, реализуется общая (наднациональная) экономическая политика, имеются совместные органы управления.

Страны, вступившие в ЕС, получили ряд преимуществ от объединения имеющих у них ресурсов, но при этом существенно ограничили свой национальный суверенитет, передав часть государственных полномочий на наднациональный уровень управления, уровень ЕС в целом. Значительная часть стран-членов ЕС даже отказалась от национальной валюты, перейдя к наднациональной денежной единице – евро. У

Евросоюза есть общий бюджет, который формируется странами-участницами, а затем перераспределяется согласно общей политике Евросоюза его органами управления.

Успешность модели европейской интеграции до недавнего времени служила эталоном для создававшихся в других регионах мира интеграционных объединений, в том числе тех, в которых принимает участие Россия (СНГ, ШОС, ЕАЭС и др.). Заметим, что интеграционные объединения, в общем случае, могут отличаться по уровню интеграции, который оценивается степенью кооперированности на микроуровне национальных экономик, интенсивностью взаимодействия внутри объединения, наличием и действенностью механизмов координации национальных политик и т.д. [13].

Следует также отметить и различную степень устойчивости интеграционных группировок. Причем эта устойчивость (или неустойчивость) до сих пор рассматривалась в литературе, преимущественно, как результат влияния неких внутренних факторов. Характерным примером здесь является Brexit, когда одна из стран-членов ЕС – Великобритания пришла к выводу об экономической нецелесообразности продолжения своего членства в ЕС и вышла из него. ЕС при этом сохранил устойчивость.

Первый квартал 2020 года показал, что мощным дезинтеграционным потенциалом обладают и внешние факторы. Пандемия Covid-19 (как внешний фактор) и введенные для ее пресечения ограничительные меры (внутренний фактор, усиливший действие внешнего) спровоцировали ослабление ЕС, выявили его неустойчивость, наличие противоречий интересов стран-членов. В этой связи, возникает вопрос: является ли наблюдаемая сегодня неустойчивость ЕС, как мирового флагмана экономической интеграции, чем-то закономерным, либо это следствие случайного стечения обстоятельств?

Материалы и методы

Исходя из обозначенного выше проблемного поля исследования, мы сформулировали две противоположные гипотезы:

H1 – интеграционные процессы в ЕС устойчивы, т.к. определяются объективными экономическими предпосылками, влияние Covid-19 и вызванных пандемией ограничительных мер является случайным шоком, который будет быстро преодолен непосредственно после их отмены;

H2 – интеграционные процессы в ЕС неустойчивы, т.к. определяются не только объективными экономическими предпосылками, но и политическими или каким-то иными субъективными факторами, влияние Covid-19 и вы-

званных пандемией ограничительных мер может послужить триггером для запуска процесса дезинтеграции в ЕС.

Для проверки данных гипотез мы проведем исследование степени однородности экономического развития стран-членов ЕС, наличия или отсутствия тенденций к выравниванию (гомогенизации) экономического поля, уровней развития и уровней жизни стран-членов.

В частности, предметом данного исследования является динамика уровней ВВП на душу населения, а также уровней производительности труда стран-членов Евросоюза. Для подтверждения одной из высказанных ранее гипотез будет использована численная оценка наличия или отсутствия конвергенции в показателях, характеризующих экономическое развитие стран-членов Евросоюза, которая рассматривается нами как условие долгосрочной успешной интеграции [14, 15].

Нами разработан методический подход, позволяющий решать задачу количественной оценки процессов интеграции и дезинтеграции, базирующийся на расчете показателей конвергенции, показывающей степень сближения, и дивергенции, которая характеризует неоднородность или дифференциацию экономических параметров.

Под конвергенцией в экономике понимается процесс сближения во времени уровней развития стран, регионов, отраслей. Противоположный процесс называется дивергенцией.

По официальным данным, в 2019 году бюджет ЕС составил €165,8 млрд. (см.: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_18_6381), причем свыше трети (35,6 %) этой суммы намечалось израсходовать на реализацию программ и мер выравнивания, ориентированных на стимулирование экономического роста и занятости в наименее развитых регионах и странах ЕС, а также на поддержку межрегионального сотрудничества.

О том, что дифференциация между отдельными регионами в ЕС по уровню их социально-экономического развития сохраняется на высоком уровне, свидетельствуют данные, представленные в таблице 1, где приведены показатели среднедушевого ВРП наиболее и наименее развитых еврорегионов. Помимо программ выравнивания, значимая часть бюджета ЕС (42,5 %) расходуется на управление природными ресурсами в рамках реализации единой сельскохозяйственной политики, развития сельских территорий и реализации экологических программ. По своей сути, эти расходы также идут на поддержку и помощь наиболее бедным странам, в экономике которых сельское хозяйство играет значительную роль, а уровень урбанизации ниже среднеевропейского.

Таблица 1 – Дифференциация регионов Европейского Союза, ВРП на душу населения, тыс. евро

Страна	Регион	2004	2008	2015
Великобритания	Западный Внутренний Лондон	113.9	135.2	167.5
Люксембург	Люксембург	53.6	67.6	76.2
Германия	Гамбург	49.5	53.9	59.5
Венгрия	Северная Венгрия	8.9	10.1	12.9
Румыния	Северо-Восток	5.2	7.9	9.9
Болгария	Юг и Центр	6.0	7.9	9.6

Источник: [16, p. 19].

Ярко выраженная перераспределительная функция бюджета ЕС, а также его целевая ориентация на снижение дифференциации социально-экономического развития стран-участниц подтверждается результатами анализа основных доноров и реципиентов бюджета.

Основными донорами бюджета до недавнего времени являлись Германия, Франция, Великобритания (согласно достигнутым в рамках Vrexit договоренностям, эта страна продолжает вносить платежи в общий бюджет до конца 2020 года), Италия, Нидерланды, Швеция, т.е. страны достаточно развитые. Основные реципиенты – недавно принятые в ЕС государства, либо входившие в состав СССР, либо находившиеся в зоне его политического и экономического влияния: Эстония, Литва, Латвия, Венгрия, Болгария, Польша. В предшествующие годы среди крупнейших реципиентов были Португалия, Греция, Испания.

Дифференциация стран ЕС по уровню экономического развития довольно высока. Например, Германия, Дания, Люксембург, Швеция имеют ВВП на душу населения в год (по паритету покупательной способности – ППС) свыше \$54 тыс., а находящаяся на последнем месте в интеграционном объединении Болгария – \$22,7 тыс. Дифференциация между странами ЕС по абсолютным показателям выше, чем между макрорегионами России. Так, соотношение среднедушевого ВВП Люксембурга и Болгарии составляет 5,13 раз (см.: <https://data.oecd.org/gdp/gross-domestic-product-gdp.htm>), тогда как в России – между Уральским и Северо-Кавказским федеральными округами – 4,17 раза [16, p. 18].

По нашему мнению, базирующемуся на теоретических положениях общей теории систем [17], устойчивость системы, состоящей из однотипных элементов-подсистем (в данном случае стран) характеризуется однородностью их основных показателей, а в случае их неоднородности – наличием тенденций, развитие которых приводит к сходимости этих показателей в перспективе.

В этой связи, совокупность государств, объединенных общим рынком, системой общих налогов, единой валютой и т.д. должна образовывать не только единое, но и однородное экономическое пространство, в противном случае, асимметрия в развитии неизбежно приведет к противоречиям экономических интересов, что пагубно скажется на устойчивости всего интеграционного объединения. Т.е. интеграционное объединение должно обладать свойством супераддитивности [там же], в противном случае выгоды от участия в нем не будут значимыми, что будет являться источником оппортунистического поведения [18], разрушающего интеграцию.

С позиций системного анализа, отдельные подсистемы единой системы (суперсистемы) не должны иметь целей, противоречащих ее генеральным целям. Это значит, что экономическое развитие и экономический рост отдельных стран-членов ЕС не должны приводить к ухудшению экономических показателей стран-доноров. Другими словами, от союза должны выигрывать все – и богатые и бедные. Перераспределение бюджета должно обеспечивать экономический рост стран-реципиентов, они должны начать догонять богатые страны, а не жить за их счет.

Если описанные условия не будут выполнены, мы будем наблюдать «проедание» бюджетно-перераспределенных денег, нарастание иждивенческих настроений и, в конечном итоге, появление стимула для выхода из ЕС наиболее богатых стран (и Великобритания уже пошла на этот шаг). Существование же Евросоюза без богатых стран, стран-доноров сразу станет бессмысленным, так как для бедных стран не всегда декларируемая, но всегда приоритетная цель вступления в интеграционный союз состоит в том, чтобы получить помощь от стран более развитых, в явном или неявном виде. В случае ЕС – получить деньги из бюджета Евросоюза по программам регионального выравнивания.

Для количественной оценки степени дифференциации стран и динамики ее измене-

ния в ЕС в нашем исследовании предложено использовать оценку тенденций конвергенции (сходимости) или дивергенция (ситуация, когда наблюдается расхожимость показателей).

Наша методика строится на использовании двух количественных методов:

– первый метод – расчет β -конвергенции.

В данном случае сравниваются темпы роста аналогичных показателей разных стран, входящих в Евросоюз. Если темпы роста стран с относительно низкими показателями (страны-аутсайдеры) опережают темпы роста стран-лидеров, то это говорит о наличии процессов конвергенции и наоборот;

– второй метод – расчет σ -конвергенции.

Он подразумевает расчет стандартного отклонения и коэффициента вариации показателя по всем странам, входящим в союз. Если стандартное отклонение и коэффициент вариации уменьшаются, то наличествуют процессы конвергенции, т.к. отличия по странам постепенно сглаживаются, наблюдается процесс сходимости в уровнях производительности труда, уровне жизни и других показателях.

Для проведения расчетов использованы данные ОЭСР по всем странам ЕС. Расчеты выполнялись по показателям: ВВП на душу населения и производительность труда (за отработанный час) в странах Евросоюза, оцененные по ППС. По нашему мнению, эти показатели достаточно объективно характеризуют два основных процесса – валовый выпуск и внутрисанное потребление.

Использовались данные с 2000 по 2018 гг. (в постоянных ценах 2015 года), т.к. это последние полные доступные статистические данные на момент проведения авторского исследования. Хотя ЕС образовался в 1992 году, мы не использовали более ранние данные, для достижения их сопоставимости, т.к. состав стран-участниц ЕС за этот период менялся. Также мы не учитывали данные по Кипру и Мальте, по нашему мнению, это не отразится существенно на результатах исследования.

Результаты и их обсуждение

Исходные данные для расчетов и рассчитанные в ходе исследования показатели β - и σ -конвергенции представлены в таблицах 2 и 3. Все исходные показатели в таблицах показаны по паритету покупательной способности в ценах 2015 года, то есть полностью сопоставимы. В таблице 4 приведены итоговые данные по величине β -конвергенции по рассмотренным странам.

Проведем анализ данных, представленных в таблицах. Сначала рассмотрим процессы

конвергенции по показателю ВВП на душу населения. Коэффициент вариации этого показателя по странам ЕС на 2000 год составлял 0,542, и все 18 лет наблюдений он неуклонно снижался. На данный момент его значение составляет 0,425, то есть однородность экономик стран союза, оцениваемая по показателю ВВП на душу населения, увеличилась более чем на 20 %. В Евросоюзе явно идет выравнивание по этому показателю. Доходы на душу населения выравниваются, уровень жизни становится более однородным.

В то же время, анализ данных таблицы 3 не дает нам возможности сделать такие же выводы по показателю производительности труда. Конвергенции по этому показателю не наблюдается. Вернее, с 2000 до 2008 гг. мы видим некоторую конвергенцию, но далее, после кризиса 2008 года, эти процессы прекращаются, «бедные» страны, вернее страны, отстающие по уровню своего экономического развития, перестают догонять более развитые, они фактически останавливаются в своем развитии по данному показателю.

Косвенный (не имеющий прямого отношения к теме нашего исследования, но достаточно важный, чтобы его игнорировать) вывод из полученных данных состоит в том, что, несмотря на формальные показатели посткризисного восстановления слабых экономик стран ЕС, судя по показателям конвергенции по производительности труда, не произошло до настоящего времени.

Сопоставление показателей β -конвергенции по ВВП и производительности труда (таблица 4) показывает, что только у одной страны с догоняющим развитием – Румынии – темп роста ВВП опережает темп роста производительности труда. У всех других стран, присоединившихся в ЕС в 1992-1995 годах, темп роста производительности труда ниже, чем темп роста ВВП на душу населения. Это значит, что потребление в этих странах растет частично не за счет внутренних ресурсов, а за счет перераспределения «общего бюджетного пирога ЕС».

Как уже упоминалось выше, на выравнивание уровней развития национальных экономик и дотирование отдельных отраслей и программ уходит около $\frac{3}{4}$ бюджета союза. Такая ситуация приводит к тому, что к экономическому союзу стремятся страны с более низким уровнем экономического развития, которые заинтересованы, прежде всего, в прямых экономических выгодах в форме дотаций от богатых стран. Т.е. ориентируются они, прежде всего, не на собственное развитие, но на внешнюю поддержку.

Таблица 2 – ВВП на душу населения в странах Евросоюза, ИПС, деньги 2015 года, тыс. долл. США

Страна	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	β
Австрия	43,8	44,2	44,7	45,0	45,9	46,6	48,0	49,6	50,2	48,2	48,9	50,2	50,3	50,0	49,9	50,0	50,4	51,3	52,3	1,192
Бельгия	40,2	40,5	41,0	41,3	42,6	43,3	44,1	45,4	45,3	44,0	44,8	45,0	45,1	45,0	45,6	46,2	46,7	47,4	47,9	1,191
Чехия	23,3	24,1	24,5	25,4	26,7	28,3	30,2	31,7	32,2	30,5	31,1	31,7	31,4	31,3	32,1	33,7	34,5	35,9	36,8	1,578
Дания	45,4	45,6	45,6	45,7	46,8	47,8	49,5	49,7	49,1	46,5	47,1	47,6	47,5	47,8	48,3	49,1	50,2	50,9	51,9	1,144
Эстония	16,7	17,8	19,2	20,7	22,3	24,5	27,1	29,3	27,9	23,9	24,6	26,5	27,5	27,9	28,9	29,4	30,2	31,9	33,3	1,993
Финляндия	37,6	38,5	39,1	39,8	41,3	42,3	43,8	45,9	46,1	42,1	43,3	44,2	43,4	42,8	42,4	42,5	43,5	44,8	45,4	1,207
Франция	37,5	37,9	38,1	38,1	38,9	39,3	39,9	40,7	40,5	39,2	39,7	40,4	40,3	40,4	40,6	40,8	41,1	41,9	42,5	1,135
Германия	40,3	40,9	40,8	40,5	41,1	41,4	43,1	44,5	45,0	42,6	44,5	46,3	46,4	46,4	47,3	47,7	48,4	49,4	50,0	1,241
Греция	27,7	28,7	29,7	31,3	32,8	32,9	34,7	35,8	35,5	33,9	32,0	29,1	27,2	26,5	26,8	26,9	27,0	27,4	28,0	1,012
Венгрия	18,9	19,7	20,7	21,6	22,7	23,8	24,8	24,8	25,2	23,5	23,7	24,2	24,0	24,5	25,6	26,7	27,3	28,6	30,1	1,590
Ирландия	46,6	48,3	50,2	50,9	53,4	55,2	56,5	57,7	54,0	50,7	51,4	51,4	51,3	51,7	55,8	69,1	70,9	75,8	81,0	1,740
Италия	39,5	40,2	40,2	40,1	40,3	40,4	41,0	41,3	40,6	38,3	38,8	38,9	37,6	36,7	36,6	36,9	37,5	38,1	38,5	0,975
Латвия	12,0	13,0	14,1	15,4	16,9	18,9	21,3	23,6	23,1	20,1	19,6	21,3	22,4	23,2	23,8	24,8	25,5	26,7	28,1	2,330
Литва	13,0	14,0	15,0	16,8	18,1	19,8	21,6	24,3	25,2	21,7	22,5	24,3	25,6	26,8	28,0	28,8	29,9	31,7	33,1	2,547
Люксембург	89,9	91,2	93,7	94,0	96,1	97,6	101,1	107,8	104,5	98,2	101,1	101,3	98,6	99,6	101,5	103,8	105,8	105,4	106,6	1,185
Нидерланды	45,0	45,7	45,5	45,4	46,1	47,0	48,5	50,2	51,1	49,0	49,4	49,9	49,2	49,0	49,6	50,3	51,1	52,3	53,4	1,185
Польша	15,6	15,8	16,2	16,8	17,6	18,2	19,4	20,8	21,6	22,0	22,8	24,0	24,3	24,7	25,5	26,5	27,4	28,7	30,2	1,932
Португалия	29,0	29,3	29,4	29,0	29,5	29,6	30,1	30,7	30,8	29,8	30,3	29,8	28,8	28,6	29,0	29,7	30,4	31,5	32,3	1,116
Словакия	16,3	16,9	17,7	18,6	19,6	20,9	22,7	25,1	26,4	24,9	26,3	27,2	27,7	27,8	28,6	29,9	30,5	31,4	32,6	2,001
Словения	24,6	25,3	26,2	27,0	28,1	29,1	30,7	32,7	33,8	30,9	31,2	31,4	30,5	30,2	31,0	31,6	32,6	34,2	35,5	1,442
Испания	32,5	33,6	33,9	34,3	34,8	35,5	36,3	36,9	36,6	35,0	34,9	34,5	33,4	33,1	33,6	34,9	36,0	36,9	37,7	1,159
Швеция	39,0	39,5	40,2	40,9	42,5	43,6	45,4	46,6	46,1	43,8	46,1	47,1	46,5	46,6	47,4	49,0	49,5	50,0	50,6	1,297
Великобритания	36,1	37,0	37,7	38,8	39,5	40,5	41,3	42,0	41,5	39,5	39,9	40,2	40,5	41,1	41,9	42,5	43,0	43,5	43,9	1,215
Болгария	9,5	10,2	10,9	11,5	12,3	13,3	14,3	15,3	16,3	15,8	16,0	16,8	17,0	17,1	17,5	18,3	19,2	20,0	20,8	2,176
Хорватия	16,9	18,3	19,2	20,3	21,2	22,0	23,1	24,4	24,8	23,0	22,7	22,7	22,2	22,2	22,2	22,9	23,9	24,9	25,8	1,524
Румыния	10,9	11,5	12,6	12,9	14,3	15,1	16,4	17,9	19,9	18,9	18,3	18,7	19,2	20,0	20,7	21,6	22,8	24,6	25,7	2,354
Ст. отклонение	16,8	16,9	17,0	16,8	16,9	16,9	17,2	17,9	17,0	16,2	16,7	16,6	16,1	16,2	16,5	17,3	17,6	17,6	17,9	
Сред. значение	31,1	31,8	32,5	33,2	34,3	35,3	36,7	38,2	38,2	36,0	36,6	37,1	36,8	37,0	37,7	39,0	39,8	41,0	42,1	
Коэф. вариации	0,542	0,530	0,523	0,506	0,493	0,480	0,468	0,467	0,445	0,449	0,457	0,448	0,438	0,438	0,437	0,445	0,441	0,429	0,425	

Рассчитано авторами на основе данных ОЭСР (https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=PDB_LV#, дата обращения 12.04.2020 г.).

Таблица 3 – Производительность труда за отработанный час в странах Евросоюза, ИПС, цены 2015 года, долл. США

Страна	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	β
Австрия	55,6	56,3	57,4	57,9	59,0	60,4	62,0	63,6	63,6	63,1	64,1	64,8	65,4	65,9	66,1	67,1	67,0	67,6	68,1	1,224
Бельгия	62,9	63,0	64,4	65,3	67,2	68,1	68,8	70,0	69,3	69,0	70,6	70,2	70,4	71,1	72,0	73,2	73,4	73,7	71,7	1,141
Чехия	26,0	27,9	28,3	29,7	31,0	32,4	34,5	36,0	36,1	35,2	35,9	36,5	36,7	36,7	37,2	39,0	38,9	39,8	40,4	1,554
Дания	60,0	59,8	60,3	61,2	63,2	64,1	64,9	65,0	64,1	63,5	66,0	66,2	67,4	68,0	69,1	70,0	70,9	71,5	73,4	1,225
Эстония	21,0	22,2	23,7	24,9	26,5	28,1	29,5	31,7	30,6	31,3	33,1	32,6	33,7	34,1	34,9	34,7	35,5	36,5	38,7	1,846
Финляндия	50,9	52,1	52,6	53,8	55,6	56,6	57,9	59,7	59,1	56,6	58,5	59,2	58,3	58,6	58,7	59,1	60,5	61,8	61,5	1,207
Франция	57,2	58,3	60,0	60,3	61,0	61,5	63,0	62,7	62,3	61,7	62,5	63,1	63,3	64,2	64,8	65,3	65,5	67,1	68,0	1,189
Германия	56,0	57,4	57,9	58,4	58,9	59,8	60,8	61,5	61,5	59,7	61,1	62,6	63,0	63,3	64,0	64,5	65,4	66,3	66,4	1,187
Греция	34,4	35,8	36,5	38,1	39,2	38,1	39,8	40,8	40,2	39,2	39,2	37,9	37,2	36,9	37,5	36,9	36,6	36,4	36,4	1,059
Венгрия	24,3	25,7	27,2	28,1	29,8	31,7	33,1	33,9	34,8	33,7	34,0	34,9	34,3	34,7	34,3	34,9	34,1	35,1	36,5	1,500
Ирландия	54,0	55,4	58,4	59,6	61,9	62,1	62,5	63,6	61,8	64,8	72,4	73,6	74,1	72,7	76,2	91,4	91,7	95,7	99,7	1,845
Италия	52,8	53,1	52,7	52,3	52,8	53,0	52,9	52,8	52,5	51,5	52,7	53,0	52,7	53,2	53,2	53,2	53,1	53,4	53,3	1,010
Латвия	17,4	18,1	19,6	21,2	23,6	25,5	26,9	29,0	26,5	27,2	28,1	29,2	30,2	30,3	31,2	32,3	33,0	34,5	35,4	2,032
Литва	20,2	22,6	23,6	25,8	26,4	28,2	30,5	32,7	33,5	32,0	33,9	36,3	37,1	38,2	38,9	38,7	38,4	41,1	42,0	2,076
Люксембург	92,9	91,0	92,2	92,1	93,3	95,3	96,4	99,2	93,4	91,3	94,1	93,8	91,7	93,6	95,0	96,1	97,7	96,6	96,0	1,033
Нидерланды	59,7	60,3	60,8	61,6	62,6	64,1	65,1	65,7	66,0	64,5	65,9	66,3	66,2	66,7	67,2	67,9	67,7	68,3	68,6	1,148
Польша	22,1	22,9	24,1	25,2	26,2	26,6	27,4	28,1	28,3	29,2	31,2	32,6	33,2	33,8	34,2	34,8	35,6	37,3	39,5	1,784
Португалия	33,6	33,9	34,2	34,3	35,1	35,5	36,1	36,7	36,9	36,8	37,9	38,5	38,9	39,4	39,0	39,0	39,1	39,1	39,3	1,169
Словакия	24,0	24,8	26,6	28,7	29,5	30,4	32,3	34,7	35,5	34,4	36,5	37,1	37,9	38,8	39,6	40,8	41,0	42,0	43,1	1,799
Словения	31,3	32,4	32,5	33,5	34,6	36,9	39,1	40,8	40,8	38,2	39,5	40,9	40,7	40,3	40,8	41,0	42,4	44,0	45,0	1,440
Испания	45,0	45,0	45,1	45,3	45,4	45,6	45,8	46,3	46,5	47,6	48,8	49,5	50,5	51,2	51,4	51,8	52,0	52,5	52,4	1,164
Швеция	53,6	54,1	56,0	58,1	60,1	61,9	63,8	64,0	63,1	62,1	64,4	65,0	64,7	65,1	66,0	67,9	67,7	68,3	68,5	1,277
Великобритания	49,3	50,3	51,6	53,2	54,3	54,8	56,0	56,8	56,9	55,6	56,9	57,0	56,8	56,9	56,9	57,8	57,5	58,1	58,4	1,184
Болгария	14,7	15,2	16,1	16,6	16,9	17,7	18,4	19,0	19,2	19,4	20,3	21,3	21,9	22,1	22,4	23,2	24,0	24,4	25,2	1,716
Хорватия	25,3	26,3	27,4	28,3	29,2	30,1	30,6	31,2	31,1	29,1	29,5	30,7	31,4	32,3	31,7	33,2	34,1	34,6	35,2	1,389
Румыния	12,3	13,0	15,2	15,8	17,7	18,8	19,9	21,2	23,7	23,5	23,1	24,0	24,6	25,8	26,7	28,2	29,5	31,2	32,3	2,637
Ст. отклонение	19,3	18,9	18,8	18,6	18,7	18,7	18,6	18,5	17,7	17,5	18,1	17,9	17,6	17,6	18,0	19,0	19,1	19,1	19,0	
Сред. значение	40,63	41,43	42,47	43,43	44,65	45,67	46,85	47,95	47,59	46,93	48,46	49,11	49,32	49,76	50,34	51,61	52,01	52,96	53,65	
Коэф. вариации	0,48	0,46	0,44	0,43	0,42	0,41	0,40	0,39	0,37	0,37	0,37	0,36	0,36	0,35	0,36	0,37	0,37	0,36	0,36	

Рассчитано авторами на основе данных ОЭСР (https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=PDB_LV, дата обращения 08.04.2020 г.).

Таблица 4 – Сопоставление показателей β -конвергенции стран ЕС по производительности труда и ВВП на душу населения

Страна	ВВП на душу населения	Производительность труда
Австрия	1,192	1,224
Бельгия	1,191	1,141
Чехия	1,578	1,554
Дания	1,144	1,225
Эстония	1,993	1,846
Финляндия	1,207	1,207
Франция	1,135	1,189
Германия	1,241	1,187
Греция	1,012	1,059
Венгрия	1,590	1,500
Ирландия	1,740	1,845
Италия	0,975	1,010
Латвия	2,330	2,032
Литва	2,547	2,076
Люксембург	1,185	1,033
Нидерланды	1,185	1,148
Польша	1,932	1,784
Португалия	1,116	1,169
Словакия	2,001	1,799
Словения	1,442	1,440
Испания	1,159	1,164
Швеция	1,297	1,277
Великобритания	1,215	1,184
Болгария	2,176	1,716
Хорватия	1,524	1,389
Румыния	2,354	2,637

Составлено авторами.

Изначально, при принятии решения о вхождении в союз, расчет идет на неэквивалентные перераспределительные отношения в рамках интеграционного объединения. Именно указанными обстоятельствами можно объяснить тот энтузиазм, с которым вступали в ЕС страны бывшего СССР и советского блока. Правящие элиты стран-«старожилов» ЕС не могли не понимать этой мотивации и либо рассчитывали на быстрый переход новых членов ЕС к бурному экономическому росту, либо изначально преследовали неэкономические цели (например, политические).

Низкую вероятность первого сценария и высокую – второго можно аргументировать тем обстоятельством, что к моменту массового приема в ЕС новых стран, основной донор бюджета ЕС – Германия уже столкнулась с проблемами интеграции Восточной и Западной Германии. Этот опыт говорит о том, что надежды на быстрый рост не могли быть состоятельными. Следовательно, основным мотивом экономической интеграции был мотив политический, что не могло не привести, по мере исчерпания запасов ресурсов, предназначенных для стимулирования интеграции, к кризису.

Рост количества стран, нуждающихся в протекционистской политике и прямых бюджетных вливаниях из общего бюджета, привел к тому, что привлекательность членства в Евросоюзе для стран с относительно высоким уровнем социально-экономического развития снизилась.

В Европе параллельно стали сосуществовать две тенденции: центристская для стран европейской «периферии» (данный термин здесь может быть употреблен не только в смысле терминологии мир-системного анализа [19], но и в прямом географическом смысле): Украина, Грузия, Молдавия, Сербия, а также центробежная, главным представителем которой является Великобритания. На фоне происходящего в Европе, невероятным нам кажется вхождение в ЕС таких благополучных стран, которые ранее отказались от вхождения в ЕС, как Швейцария, Норвегия, Исландия.

Вернемся к анализу ситуации существенной неодинаковости показателей β -конвергенции стран ЕС по производительности труда и ВВП на душу населения. Здесь отмечается интересная зависимость, объяснению которой способствовала пандемия Covid-19 и сопровождающие ее огра-

ничительные меры. Во многих бедных странах ЕС производительность труда растет медленнее среднедушевых доходов, а в богатых – наоборот.

Помимо описанного выше масштабного перераспределения в рамках Евросоюза бюджетных ресурсов от богатых к бедным странам, у этого явления, как выяснилось, есть еще одно экономическое объяснение. Оно связано с трудовой миграцией из бедных стран в богатые, зачастую нелегальной или полунелегальной.

Согласно данным И. С. Сенициной [20, с. 106], «за первое десятилетие XXI в. численность мигрантов из Восточной Европы в страны ЕС-15 возросла в 5 раз (с чуть более 1 млн в 2001 г. до примерно 5,3 млн человек в 2011 г.), составив около 19 % от общего числа нерезидентов в странах Западной Европы ... к 2020 г. общая численность мигрантов из стран ЕС-8 [Чехия, Эстония, Венгрия, Литва, Латвия, Польша, Словакия, Словения – *прим. авт.*], проживающих в ЕС-15, может составить 4,4 млн человек (5,2% населения ЕС-8), а из стран ЕС-2 [Болгария, Румыния – *прим. авт.*] – 4,0 млн человек (13,4% населения ЕС-2)».

Более современные данные подтверждают отмеченные тенденции (см.: <https://www.kommersant.ru/doc/4125446>, дата обращения 30.11.2019). «По данным Евростата, в Западную Европу перебрались 4,5 млн украинцев, 3 млн румын, 2,5 млн поляков и почти миллион белорусов ... за последние пять лет». При этом, «перемещения рабочей силы с востока на запад континента обусловлены главным образом экономическими мотивами». «Польшу ... числят страной с одним из самых высоких миграционных потенциалов ... сегодня 69 процентов поляков имеют членов семьи или близких друзей, живущих за границей, около 24 процентов намерены эмигрировать в ближайшем будущем». «С 1990 по 2012 год 20 млн человек покинули Центральную, Восточную и Южную Европу, переместившись в Северную и Западную». «Украинцев за рубежом [после подписания соглашения об ассоциации с ЕС – *прим. авт.*] ... осело почти 5 млн, или четверть трудоспособного населения страны. Но это только «видимый эшелон» ... на заработки подались от 7 до 10 млн граждан, а это – почти половина трудовых ресурсов ... мигранты [украинские – *прим. авт.*] присылают на родину до 30 млрд долларов ежегодно (МВФ предоставил помощь только на 3,4 млрд долларов)».

Приведенные цифры и факты позволяют сделать вывод, объясняющий выявленную нами выше разницу в темпах роста душевого дохода и производительности труда. Источник этого разрыва, в том числе, – денежные средства трудовых мигрантов, поступающие в бедные страны ЕС из богатых по легальным и нелегальным каналам.

И. С. Сеницина [20, с. 114], со ссылкой на официальную статистику, приводит следующие сведения: «Немаловажную роль в экономике стран ЦЮВЕ ... играют денежные переводы трудовых мигрантов в страны выезда. В зависимости от доли таких переводов в ВВП все страны региона можно подразделить на три группы: с высокой зависимостью экономики от переводов (9–11 % ВВП на 2013–2014 гг. в странах Западных Балкан, кроме Хорватии и Македонии); со средней зависимостью (3–4,5 % ВВП в Литве, Македонии, Венгрии и Болгарии) и все остальные страны, где доля переводов в ВВП составляет от 2,6 % (в Хорватии) до 0,6 % (в Польше) ... Статистика Всемирного банка, на которой основана эта классификация, учитывает лишь переводы, сделанные по официальным каналам. Объем же неофициальных переводов ... может даже превышать официальные трансферты и составлять 50–80 % от общего объема денежных средств, пересылаемых мигрантами на родину».

Ограничительные меры, введенные в связи с Covid-19, существенно сократили миграционные потоки в ЕС, нанеся серьезный удар по эффективности процессов выравнивания и, следовательно, по стимулам бедных стран к интеграции. Одновременно с этим, как выяснилось, пострадали от этих ограничений и более богатые страны ЕС. Недекларируемый, но как подтвердил «коронакризис», серьезный экономический мотив для них в интеграции с бедными странами в рамках ЕС состоял в возможности массового привлечения трудовых мигрантов из новых стран союза и извлечения из этого дополнительных доходов.

Во-первых, оказалось возможным заполнить ими рабочие места с низкими требованиями к квалификации и, соответственно, низкой по меркам принимающих стран) оплатой труда: «Иммигранты из стран ЕС-10 [ЕС-8 и ЕС-2 в совокупности – *прим. авт.*] в основном представлены в секторах, где требуется средне- (около 55 %) или низкоквалифицированный (30 %) персонал, и лишь 15 % заняты на местах, требующих высокой квалификации» [там же, с. 109].

Во-вторых, мигранты из бедных стран ЕС активно использовались в «серых» секторах экономики, на сезонных работах, без должного оформления и т.д. «Из-за пандемии коронавируса фермеры в Европе и США столкнулись с проблемой нехватки сезонных рабочих-мигрантов для уборки урожая... В Испании, Италии и на юге Франции портятся урожаи клубники и спаржи, позднее могут возникнуть проблемы с выращиванием других агрокультур. Две трети сезонных работников в ЕС обычно составляют приезжие из Центральной и Восточной Европы, Туниса и Марокко, однако Евросоюз закрыл границы шенгенской зоны, также ужесточен контроль на нацио-

нальных границах» (цит. по: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/news/33497-agrosektoru-ne-khvataet-migrantov>). «В Евросоюзе бьют тревогу: без украинцев, румын и граждан других стран местные фермеры могут потерять весь урожай» (цит. по: <https://news.ru/europe/koronavirus-vygonyaet-italyancev-i-francuzov-v-polya>).

В условиях «коронакризиса» этот мотив для богатых стран, таким образом, ослабевает, т.к. миграционные потоки не только существенно сокращаются, но и требуют «вывода из тени». Например, «Германия ... разрешила въезд на свою территорию для сбора урожая... Ожидается, что в ближайшие два месяца в страну въедут 80 тысяч человек... Для мигрантов создадут специальный пропускной режим с предварительным медицинским осмотром и 14-дневным карантинном» (см.: <https://360tv.ru/news/mir/evrosojuzlishilsja-trudovyh-migrantov-iz-za-koronavirusa-ubirat-urozhaj-v-etom-godu-nekomu>).

Т.е. ограничения на въезд, устанавливаемые на границах, пресекут потоки нелегальных трудовых мигрантов в богатые страны ЕС из бедных, чем ослабят экономическую выгоду от их привлечения. В этой связи, например, Франция и Италия склоняются к тому, что экономически выгоднее привлечь к сезонным работам в сельском хозяйстве не умеющих их исполнять студентов, временно безработных людей из сферы услуг (официантов, парикмахеров и т.д.), пенсионеров и пр.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило, что в современных условиях, под влиянием пандемии Covid-19 и предпринимаемых для ее нейтрализации на международном и внутристрано-

вом уровнях мер, наблюдается неустойчивость Европейского Союза. Для оценки возможных последствий этой неустойчивости было проведено эконометрическое исследование с использованием методического аппарата количественной оценки величины конвергенции (сходимости) показателей, характеризующих экономики стран ЕС. В расчетах использовались показатель β -конвергенции (основан на оценке сходимости темпов роста) и показатель σ -конвергенции (основан на оценке сходимости степени отличий по странам). В дальнейшем, полученным количественным результатам была дана качественная интерпретация.

На основе анализа данных за период 2000-2018 гг. по показателям величины ВВП на душу населения и производительности труда, а также качественного и количественного анализа внутриевропейских миграционных потоков, формальных и неформальных перераспределительных финансовых процессов, авторы пришли к выводу, что исследовательская гипотеза Н1 («интеграционные процессы в ЕС устойчивы...») не подтверждается. Напротив, подтверждается гипотеза Н2 («интеграционные процессы в ЕС неустойчивы...»). Следовательно, влияние Covid-19 и вызванных пандемией ограничительных мер может послужить триггером для запуска процессов дезинтеграции в ЕС.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ НШ-2702.2020.6 «Концептуальные основы новой парадигмы экономического развития в эпоху технологической и социальной трансформации».

Литература

1. Зюкин Д. В. Covid-19 или рестарт экономики // Наука и практика регионов. 2020. № 1 (18). С. 74-80.
2. Малышева А. Д. Влияние Covid-19 на торгово-экономические отношения России и Китая // Наука и образование сегодня. 2020. № 4 (51). С. 16-19.
3. Чжао Дань. Анализ логистической системы Китая в условиях эпидемии Covid-19 // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 3 (123). С. 180-184.
4. Al-Qahtani A.A. Severe Acute Respiratory Syndrome Coronavirus 2 (SARS-CoV-2): Emergence, History, Basic and Clinical Aspects // Saudi Journal of Biological Sciences. 2020. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sjbs.2020.04.033>
5. Кротов М. И., Бляхман Л. С. Структурные реформы и экономическая интеграция: опыт и проблемы СНГ / Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 1996. 288 с.
6. Экономическая интеграция территорий: теоретические и прикладные аспекты / Бородин В.А., Бородин Д.В., Голощапова И.А., Жидких А.А., Ерохин А.В., Колосова Е.А.; Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова. Барнаул, 2016. 125 с.
7. Oplotnik Z.J., Vojinović B., Acharya S. Cross border economic convergence and EU integration process // Lex Localis. 2011. Vol. 9 (2). P. 181-205.
8. Максимцев И. А., Межевич Н. М. Мировая экономика после шока первого полугодия 2020 года: старые проблемы в новых условиях // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 3 (123). С. 22-27.

9. Шинкевич М. В., Шинкевич А. И. Институционализация устойчивого инновационного развития мезосистем: модели и технологии управления: монография / Казанский нац. исслед. технологический ун-т. Казань, 2011. 331 с.
10. Стратегические приоритеты регионального развития: монография / Михайлов А. Н., Зубарев А. С., Емельянов С. Г., Вертакова Ю. В., Харченко Е. В. М.: Альфа-М, 2011. 480 с.
11. Бедакова М. С. Управление процессами интеграции и дезинтеграции в сфере электроэнергетики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2015. № 5 (95). С. 107-112.
12. Тойнби А. Исследование истории. Возникновение, рост и распад цивилизаций. М.: АСТ, 2009. 670 с.
13. Нежметдинова Ф. Т. Роль междисциплинарных исследований социально-экономической и гуманитарной направленности в устойчивом развитии современного общества (обзор мировых тенденций науки и технологий) // Управление устойчивым развитием. 2015. №1. С. 36-41.
14. Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Управление воспроизводственным процессом региона на основе гармонической пропорции // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2010. № 5. С. 89-93.
15. Зарецкая В. Г., Дремова Л. А., Осиневич Л. М. Отраслевая конвергенция производительности труда как залог восприимчивости экономики РФ к инновациям // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 33. С. 38-44.
16. Vertakova Y., Plotnikov V., Polozhentseva Y. Differentiation of the Economic Space: Measurement, Significance, Consequences // The USV Annals of Economics and Public Administration. 2018. Vol. 18. № 1 (27). P. 15-22.
17. Ван Гиг Дж. Прикладная общая теория систем. Том 2. М.: Мир, 1981. 734 с.
18. Уильямсон О. И. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // Thesis. 1993. Вып. 3. С. 39-49.
19. Амин С. Россия: долгий путь от капитализма к социализму. СПб.: ИНИР; М.: Культурная революция, 2017. 148 с.
20. Синицина И. С. Международная трудовая миграция в Центральной и Юго-Восточной Европе // Россия и современный мир. 2017. № 1 (94). С. 103-119.
21. Bedakova M., Vertakova Yu., Shirokova L. Integration as the tendency of development of business in Russia // Procedia Economics and Finance (International Conference on Applied Economics (ICOAE)). 2014. № 14. P. 644-649.
22. Преображенский Б. Г., Трещевский Ю. И., Хрипченко М. А. Резистентность российских регионов к интеграции и конвергенции // Регион: системы, экономика, управление. 2008. № 2. С. 26-35.

Сведения об авторах:

©**Вертакова Юлия Владимировна** – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, директор Курского филиала, профессор кафедры региональной экономики и менеджмента Юго-Западного государственного университета, e-mail: yvvertakova@fa.ru.

©**Зарецкая Вера Григорьевна** – кандидат экономических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, доцент кафедры менеджмента и информационных технологий Курского филиала, e-mail: zar.59@mail.ru.

©**Плотников Владимир Александрович** – доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли, e-mail: plotnikov_2000@mail.ru.

Information about the authors:

©**Vertakova Yulia Vladimirovna** – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Director of the Kursk Branch, Professor, Department of regional Economics and management, South-west state University, e-mail: yvvertakova@fa.ru.

©**Zaretskaya Vera Grigoryevna** – Candidate of Economics, Ass. Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Ass. Professor, Department of Management Information Technology of the Kursk Branch, e-mail: zar.59@mail.ru.

©**Plotnikov Vladimir Aleksandrovich** – Doctor of Economics, Professor; St. Petersburg State University of Economics, Professor, Department of General Economic Theory and History of Economic Thought, e-mail: plotnikov_2000@mail.ru.

УДК 338.24

В. М. Джуха, В. Ю. Боев, Р. Р. Погосян

ГИБКИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ТРИГГЕРЫ РОСТА РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ

Ключевые слова: управленческие технологии, экономическая эффективность бизнеса, бизнес-модели, триггеры роста российских компаний, бизнес-стратегии, кадровая политика, управление персоналом, холакратия

Статья посвящена оценке и выявлению основных черт управленческих технологий российских компаний, установлению влияния бизнес-стратегии компании на набор управленческих технологий, а также формирования кадровой политики и стратегии управления кадрами, в целях поиска путей наиболее эффективно внедрения в отечественную практику лучших управленческих технологий, используемых в экономических системах западных и восточных стран. Методологическая база исследования включает основные положения макро и микро экономики, а также имеющиеся наработки в области управленческих технологий на отечественном и зарубежном научном поле. В работе используются эмпирический, экономико-аналитический и иные методы исследования. В рамках проведенного исследования выявлены и систематизированы факторы, влияющие на формирование управленческих технологий, а также определены характерные черты управленческих технологий, присущих российским компаниям. Определена взаимосвязь бизнес-стратегии компании, стратегии управления кадрами и кадровой политики. Обосновывается важность данной взаимосвязи для достижения поставленных перед компанией целей и необходимость приведения бизнес-стратегии организации в соответствие с кадровой политикой по причине того, что без такого согласования в организации действуют две стратегии, которые ведут организацию к разным целям и разными путями. В ходе дальнейшего анализа были определены и сегментированы по видам влияние бизнес-стратегии компании на набор управленческих технологий и формирование кадровой политики. В заключении исследования для минимизации и устранения негативных последствий, возникших вследствие недоработок российской модели управления персоналом, предложены мероприятия и сформулированы коррективы к стратегии управления кадрами, основанные на гибких моделях управления персоналом организаций и позволяющие, при успешном внедрении в организации, стать триггерами роста российских компаний.

V. M. Dzhukha, V. Y. Boev, R. R. Pogosyan

FLEXIBLE MANAGEMENT TECHNOLOGIES AS TRIGGERS OF GROWTH OF THE RUSSIAN COMPANIES

Keywords: management technologies, economic efficiency of business, business models, triggers of growth of Russian companies, business strategies, personnel policy, personnel management, holocracy

The article is devoted to the assessment and identification of the main features of the management technologies of Russian companies, the impact of the company's business strategy on the set of management technologies, as well as the formation of personnel policy and personnel management strategy, in order to find ways of the most effective implementation in domestic practice of the best management technologies used in the economic systems of Western and Eastern countries. The methodological base of the study includes the main provisions of macro and micro Economics, as well as existing developments in the field of management technologies in the domestic and foreign scientific field. The paper uses empirical, economic-analytical and other research methods. The study identified and systematized the factors affecting the formation of management technologies and the characteristics of management technologies inherent in Russian companies. The relationship between the company's business strategy and HR management strategy and HR policy was also determined. The article substantiates the importance of this relationship to achieve the company's goals and the need to bring the business strategy of the organization in line with the personnel policy due to the fact that without such coordination in the organization there are two strategies that lead the organization to different goals and in different ways. In the course of further analysis, the impact of the company's business strategy on the set of management technologies and the formation of personnel policy were identified and segmented by types. In conclusion, the study to minimize and eliminate the negative consequences arising from the shortcomings of the Russian model of personnel management, proposed measures and formulated adjustments to the strategy of personnel management, based on flexible models of personnel management organizations and allowing, with successful implementation in the organization, to become the triggers of growth of Russian companies.

Говоря о российских управленческих технологиях или моделях, следует отметить тот факт, что они не похожи ни на одну из технологий или моделей, используемых другими государствами. Россия в этой сфере движется по «особому пути». Этому способствуют различные факторы, такие как неравномерность развития регионов, собственные традиции в организационной культуре, особенности в структуре экономики, технократический подход к управлению, российский менталитет, а также специфика внешней среды российских компаний, связанная с большой масштабностью российских территорий. Следует сказать и о влиянии мировой внешней среды, т.к. Россия, находясь между Европой и Азией, постоянно пытается объединить и интегрировать свойственные той или иной территориальной системе модели управления.

Обладая территориальным, климатическим и ресурсным разнообразием, считаем, что Россия могла бы наилучшим образом использовать наиболее эффективные наработки западных и восточных стран в сфере управления, при этом сохраняя как свою самобытность, так и уникальность. Следует упомянуть и об особенностях исторического развития страны, в частности, неоднократные изменения экономического строя, что и определяет современную реальность в различных сферах, в том числе и в управлении. С историческим фактором тесно связан следующий фактор – социальные ценности, генерирующиеся исторически и влияющие на все отношения между людьми.

Все вышеназванные факторы и обстоятельства позволяют выделить ряд характерных особенностей управленческих технологий, присутствующих российским предприятиям в настоящий момент.

Одной из таких особенностей, отрицательно влияющих на экономическую результативность деятельности российских компаний, можно назвать отсутствие мотивации труда у персонала. Большинство российских предприятий размер оплаты труда наемных работников не определяют в зависимости от итогов и результатов проделанной работы, а в основном устанавливают фиксированный размер оплаты труда. Можно утверждать, что данный принцип определения оплаты труда не формирует стимулов персоналу предприятия для продуктивной работы, а также оптимизации рабочих процессов и как следствия повышения полезного результата на выходе. Как правило, сотрудники компании не заинтересованы в улучшении и повышении экономических показателей, а работают «от звонка до звонка». При таком низком уровне мотивации, в первую очередь, па-

дают показатели производительности труда, что отрицательно влияет в конечном итоге на результаты деятельности компании. Естественно, при данных обстоятельствах можно говорить об упущенной выгоде как для организации, так и для работников, но, если отрицательные последствия для компании, как неполучение доходов, очевидно, то для персонала негативные последствия кроются гораздо глубже. Отсюда, как следствие, профессиональный застой кадров, что при современном динамическом развитии технологий можно рассматривать не только как остановку в развитии, но и как шаг назад для компании-работодателя. Неизбежный результат – снижение мотивации сотрудников, падение эффективности работы и другие последствия.

Ранее в представленных нами исследованиях [1] говорилось, что характерной чертой российской модели управления персоналом также является ярко выраженная дистанцированность руководящих органов от подчиненных сотрудников. В организациях доминируют строгие правила и инструкции, субординационные отношения гипертрофированы, а действия аппарата управления компанией иногда доходят до произвола. Однако в последние годы организации, в особенности организации частного сектора экономики, стали проводить работу по командообразованию или, как чаще называют, тимбилдингу в форме корпоративных тренингов, деловых игр, совместного отдыха и прочих методов, что впоследствии снижает остроту данной проблемы.

Следующая особенность в поведении персонала – стремление избегать какую-либо неопределенность. Менталитет, сформированный на базе прошлого негативного исторического опыта, влияет на модель экономического поведения в части стремления избегать финансовых рисков и довольствоваться хоть и не высоким, но стабильным доходом. Этот фактор снижает уровень креативности и инициативности персонала. При этом следует отметить, что предприимчивость и инициативность молодых кадров начинает значительно стала расти лишь в последние годы, что способствует активному развитию, в том числе сектора малого и среднего бизнеса [2].

Также важно отметить, что компаниям, участниками которых является государство или муниципальные образования, вышеназванные черты присущи в большей степени. Такие организации отличаются консервативностью в своей деятельности, в частности, в сфере управления персоналом. При этом, компании частного сектора экономики стремятся перенимать опыт успешных зарубежных моделей построения

бизнеса, использовать как проверенные временем, так и новые инструменты взаимодействия с персоналом, налаживать благоприятный микроклимат внутри коллектива, осознавая важность правильно спланированной и реализованной модели управления персоналом и кадровой политики в целом [1, с. 91].

По мнению Ф. И. Бессонова [3, с. 236-251] после проведенного анализа деятельности российских предприятий, а также социально-экономического положения регионов можно утверждать, что в настоящее время в России не существует единого подхода к решению вопросов, связанных с целеполаганием и формированием кадровой политики. Это формирует условия, при которых сохраняется низкое качество жизни населения, обостряются проблемы в социально-экономическом развитии, а в конечном итоге российская экономика оказывается неконкурентоспособной в мировом масштабе.

Не случайно в последнее десятилетие компании, как правило, частного сектора экономики, все чаще задумываются об эффективности проводимой ими кадровой политики и формировании высокого уровня кадрового потенциала с помощью современных гибких управленческих технологий.

Положительно повлиять на такую сложную ситуацию способны только кардинальные, революционные решения, гибкость управленческого аппарата организации и способность оперативно адаптироваться к изменяющимся условиям внешней среды. Соблюдение указанных требований способствует созданию баланса спроса и предложения на рынке труда, и, что не менее важно, развитию кадрового потенциала российских предприятий.

Следует заметить, что в последнее время в России значительно возросло внимание к кадровой политике организации вообще, и к стратегии управления кадрами, в частности. Это вызвано, в первую очередь, тем, что персонал в понимании многих российских компаний становится основным активом организации, его возможным конкурентным преимуществом; во-вторых, весьма заметной становится взаимосвязь и взаимовлияние кадровой политики и бизнес-стратегии организации, которая выражается в корреспонденции целей персонала и целей компании, направленных на повышение эффективности и результативности работы организации в целом. Бизнес-стратегии и кадровая политика в компании имеют тем более важное значение, если они существенно дополняют друг друга.

Так, некоторые компании планируют свою кадровую политику и, соответственно, стратегию управления кадрами для поддержки

и реализации ранее созданной бизнес-стратегии. Однако, некоторые компании предпочитают действовать иным способом, а именно, составляя и планируя свою бизнес-стратегию в соответствии с имеющимся трудовыми ресурсами и кадровой политикой. Но в том и в другом случае роль кадровой политики в реализации бизнес-стратегии имеет первостепенное значение, т.к. без персонала, который будет непосредственно реализует стратегию организации, сама стратегия развития организации бесполезна.

Таким образом, кадровая политика и стратегия управления кадрами напрямую связана с бизнес-стратегией организации. При этом важно учитывать, что кадровая политика компании не может существовать обособленно от общей стратегии развития организации. Скорее это средство достижения стоящих перед компанией задач посредством оптимизации работы персонала и максимизации положительных результатов деятельности сотрудников. Поэтому важно привести бизнес-стратегию организации в соответствие с кадровой политикой, без такого согласования в организации действуют разные стратегии, которые ведут организацию к разным целям и разными путями. Рассмотрим взаимосвязь общей стратегии организации и ее кадровой политики.

Предпринимательскому типу бизнес-стратегии присущи такие характеристики, как высокий риск реализуемых проектов и оперативное реагирование на текущую ситуацию. Как правило, данным типом ведения бизнеса руководствуются малые и средние предприниматели на начальных этапах работы компании или при ведении деятельности в специфических сегментах, подразумевающих нестабильность или стремительные изменения рынка. Из базовой концепции деятельности таких организаций и складывается кадровая политика, отличающаяся рядом особенностей. Так, поиск и найм на работу сотрудников осуществляется с использованием критериев инициативности и креативности, способности к риску, и предпочтение отдается кандидатам, планирующим работать в организации продолжительное время. Отношение в таких компаниях к ведущим специалистам, наработавших определенный опыт в данной сфере и знающих тонкости деятельности как конкретной компании, так и всего сегмента рынка в целом, достаточно бережное и их стараются сохранить в компании. Как правило, организации, придерживающиеся рассматриваемой бизнес-стратегии, используют оценку труда основанную на результатах и такой инструмент мотивации сотрудников как вознаграждение, назначаемое объективно с

учетом конкуренции. Очевидно, что компании данного типа осознают важность влияния удовлетворенности сотрудников на результат деятельности, и, как следствие, стремятся к улучшению условий труда ради развития компании и роста прибыли.

Следующим типом бизнес-стратегии компаний можно назвать стратегию прибыльного типа, которая основывается на хорошо развитой управленческой системе, удержании существующего уровня рентабельности, прежде всего, за счет снижения расходов. Данный тип свойственен малым и средним организациям, закрепившимся на рынке и завоевавшим доверие потребителей. Такие компании отличаются стабильностью и готовностью к постепенному росту и развитию. Кадровой политике организаций прибыльного типа свойственна ориентация на определение критериев эффективности работы персонала и его количества. При достижении компанией устойчивых рыночных позиций, проводится работа по найму и расширению штата сотрудников, а также работа над качеством их деятельности. Такие компании в качестве работодателя являются привлекательными для потенциальных соискателей и обладают высоким уровнем конкуренции на рынке труда, в связи с чем, имеют возможность осуществлять жесткий отбор сотрудников на замещение вакантных должностей. В компаниях, реализующих данную бизнес-стратегию, оценка результатов труда имеет системный и хорошо продуманный характер, и основывается на итогах проделанной сотрудником работы, а вознаграждение персонала устанавливается с учетом имеющихся заслуг и внутрикорпоративных представлений о справедливости. Организации подобного типа осуществляют профессиональное развитие персонала, опираясь на такой ориентир, как высокая компетентность, используя формальные методы обучения и повышения квалификации.

Следующим типом бизнес-стратегии является бизнес стратегия сетевого типа. Данные компании часто используют технологию так называемого вирусного маркетинга, эти компании имеют развитую иерархическую сетевую структуру, в которой высока доля контактов низового звена структуры с клиентами компании. Оплата труда персонала компаний сетевого типа зависит от совершения сотрудниками конкретных действий (сделанных телефонных звонков, проведенных презентаций, объемов продаж). Помимо этого, организации подобного типа отличает высокая степень регламентированности действий персонала. Использовать стратегию сетевого типа имеют возможность только крупные компании, зани-

мающие устойчивые позиции на рынке, зачастую имеющие большое количество филиалов. Все это требует формирования кадровой политики, ориентированной на численность персонала и эффективность действий работников, а также соблюдения сотрудниками требований управляющей команды. Кадровая политика в таких компаниях достаточно продуманна и требует дательного регулирования по мере ее реализации. Отбор и найм персонала осуществляется достаточно лояльно, при этом учитываются такие качества соискателей, как коммуникабельность и исполнительность. Инструменты вознаграждения применяются в соответствии с личными заслугами сотрудника с опорой на внутреннюю политику компании, ее ценностные ориентиры и представления о справедливости.

Компаниям с динамическим типом бизнес-стратегии свойственна средняя степень риска, а также характерно постоянное и систематическое сопоставление оперативных, текущих целей компании со стратегическими целями развития. При этом, следует сказать, что в данных компаниях письменно фиксируется и регламентируются любые процедуры с целью дальнейшего строго контроля и будущего развития организации. Компании данного типа, как правило, представлены на рынке в виде среднего и крупного бизнеса, а также имеют устойчивое положение, быстро ориентируются в нестабильной рыночной среде и оперативно адаптируются к появившимся инновациям на рынке. Для компаний такого рода характерен продуманный и отработанный механизм деятельности, именно поэтому в таких компаниях при отборе персонала отдают предпочтение ответственным, гибким к возникающим изменениям и проблемно-ориентированным сотрудникам, которые нацелены на долгосрочные трудовые отношения. Оценка труда осуществляется объективно и базируется исключительно на профессиональных заслугах и достижениях сотрудников, Оценка труда в данных компаниях основывается на четких определенных руководством критериях, также проводится работа по повышению профессионализма и квалификационного уровня сотрудников. С такой характерной чертой компаний динамического типа как систематическое сопоставление оперативных и стратегических задач коррелирует кадровая политика организации. Так, уполномоченными сотрудниками компании своевременно проводятся корректировки планов и программ с учетом реальных возможностей компании, а также по результатам работы осуществляется реализация различных форм карьерного продвижения персонала.

Для компаний, использующих бизнес-стратегию циклического типа, характерно, максимально возможное сокращение численности сотрудников, уменьшение издержек производства и применение иных крайних мер в своей деятельности. При подборе персонала данные компании предпочитают принимать на работу верных, лояльных, проблемно-ориентированных сотрудников, нацеленных работать в организации в течение продолжительного времени, также следует сказать, что предпочтение при отборе потенциальных работников отдается соискателям-универсалам, обладающим разнообразными компетенциями в различных сферах деятельности. Оплата труда персонала в компаниях циклического типа осуществляется с учетом результатов работы согласно четко разработанной системе стимулов. В данном случае система мотивации довольно прозрачна и ясна как для руководящего состава, так и для самих сотрудников. Оценка труда производится по итогам работы с опорой на реальные результаты трудовой деятельности. В компаниях циклического типа осуществляется активное развитие персонала, но меры развития направлены не на весь персонал, а на определённую целевую группу, составленную из наиболее перспективных сотрудников, что приводит, в первую очередь, к высокой конкуренции среди сотрудников компании, а также предусматривает жесткий отбор претендентов в целевую группу. Организации циклического типа предусматривают различные формы карьерного продвижения, что дает возможность руководству компании маневрировать и адаптироваться к различным изменениям внутри коллектива и корректировать кадровую политику.

Помимо вышеперечисленных, выделяют также экстремальный тип бизнес-стратегии. Отличительными чертами компаний, применяемых данный тип бизнес-стратегии, можно назвать привлечение низкооплачиваемого персонала, максимально возможное снижение издержек на персонал, очень частое и систематическое нарушение управляющим аппаратом компании законодательства, в том числе, трудового, а также принятие иных экстремальных мер в процессе своей деятельности. Такие особенности компаний экстремального типа отражаются на процессе отбора персонала, который осуществляется чаще всего из числа малообразованных слоев населения или людей, попавших в трудную жизненную ситуацию, что гарантирует для компании наибольшую зависимость сотрудников от работодателя. Оплата труда осуществляется на основе принципа минимизации издержек и не зависит от реальных трудовых заслуг работника. Оценка труда хотя

и осуществляется по итогам работы, но мало влияет на механизмы поощрения сотрудников. Подобные компании не заинтересованы в развитии сотрудников, поэтому не проводят мероприятий по повышению квалификации персонала. Кадровая политика в данных компаниях подвижна, адаптивна и меняется в зависимости от потребностей организации.

И, наконец, заключительный тип бизнес-стратегии, который мы рассмотрим, это ликвидационный тип. Для него характерны продажа активов, минимизация убытков, максимальное сокращение персонала и падение прибыли. К данному типу относятся компании, которые находятся на стадии ликвидации и прекращают свою хозяйственную деятельность. Причины ликвидации компании могут быть различными: низкие показатели прибыли и рентабельности, достижение цели деятельности компании, а также решение суда о принудительной ликвидации или банкротстве. Независимо от причин использования данной бизнес-стратегии, она носит временный характер: в период от принятия решения о ликвидации и до полного прекращения деятельности. Естественно, что компаниями, находящимися на стадии ликвидации, не осуществляется набор новых сотрудников. В исключительных случаях на работу могут быть приняты специалисты узкого профиля на непродолжительное время. Система вознаграждения за труд не носит мотивирующего характера и может реализовываться лишь с учетом имеющихся заслуг без дополнительного стимулирования. Результаты трудовой деятельности оцениваются формально. Компания не заинтересована в развитии персонала ввиду отсутствия перспектив дальнейшего сотрудничества, что порождает минимизацию обучающих мероприятий для сотрудников, основанных, при этом, исключительно на корпоративной необходимости. Карьерный рост возможен при наличии навыков, полезных для проведения ликвидационных мероприятий, без долгосрочной перспективы сотрудничества. Кадровая политика не подвергается корректировкам, так как деятельность компании носит временный характер.

Стратегия управления кадрами и кадровая политика направлены на управление человеческими ресурсами для достижения целей организации, а соответственно, отбор, найм, расстановка персонала, оплата труда, оценка труда должна осуществляться с учетом бизнес-стратегии компании, что позволит достичь целей компании и повысить ее эффективность с помощью использования человеческих ресурсов – персонала компании. Таким образом, основной задачей стратегии управления кадрами

является установление оперативных связей в управлении персоналом с целью достижения соответствия стратегической направленности организации.

Разработка и реализация стратегии управления кадрами и кадровой политики обеспечивает соответствие управления персоналом конкурентным требованиям, которые отражаются в стратегическом планировании. Бизнес-стратегия и стратегия управления кадрами неразрывно связаны друг с другом и взаимно дополняют друг друга. Бизнес-стратегия определяет возможную стратегию управления кадрами и кадровую политику компании, а без стратегии управления кадрами, которые связаны с бизнес-целью компании, вряд ли удастся добиться высокого уровня организационной эффективности организации. Таким образом, бизнес-стратегия прокладывает путь, по которому будет идти организация в будущем, а управление персоналом выступает в качестве инструмента практически для каждого аспекта реализации стратегии.

В заключение следует сказать, что для снижения отрицательных последствий, которые возникли как следствие несовершенства российской модели управления персоналом и устойчивого развития регионов, предлагается осуществления комплекса мер и внесения изменения в стратегию управления кадрами, основываясь на гибких моделях управления персоналом организаций. Так, нами и ранее в проведенных исследованиях [1, с. 91-92] были выделены ряд мер.

1. Стимулирование и мотивация труда посредством создания прямой зависимости доходов сотрудника от качества, количества и результата проделанной работы. Формирование условий, при которых у персонала появляется возможность собственными силами увеличить свой доход, будет создавать мотивацию для оптимизации трудовых процессов работником самостоятельно в целях увеличения показателей продуктивности и, как следствие, роста благосостояния как сотрудника, так и компа-

нии. Дополнительными стимулами, как негативными, так и позитивными, могут выступать поощрения в виде премий, надбавок, знаков отличия или санкции: выговоры, штрафы, понижение в должности.

2. Улучшение организации труда и отдыха может выражаться в совершенствовании помещений, где размещаются сотрудники, создании благоприятной и комфортной обстановки, достаточном обеспечении необходимыми материалами высокого качества, предоставлении возможности для кратковременного отдыха персонала.

3. Осуществление кадровой политики и управления персоналом квалифицированными сотрудниками, имеющими необходимое образование, подтвержденное дипломами государственного образца. При этом, в организации должна быть разработана и приведена в исполнение единая модель управления персоналом, включающая в себя перечень требований, предъявляемых к кандидатам, претендующим на замещение вакантных должностей, порядок организации внутреннего обучения и дальнейшей работы принятых сотрудников, в том числе систему распределения функций и полномочий персонала, методику повышения квалификации кадров, а также инструменты увольнения работников, не соответствующих предъявляемым к ним требованиям.

4. Создавать условия для развития самоуправления в организациях. Цель самоуправления — сократить бюрократию и порожденные ею бесконечные согласования решений. В традиционных организациях из-за запутанных систем должностей и подчинения, размытых должностных инструкций порой трудно понять, кто за что отвечает. В компаниях, освоивших более новые модели вроде холакратии [4], каждому видно, кто какую роль играет и за что отвечает. Процедуры и правила принятия решений также упрощены. Сотрудникам не надо дожидаться, когда идея дойдет до верхов и вернется обратно: они могут прямо обратиться к тем, кого идея затрагивает.

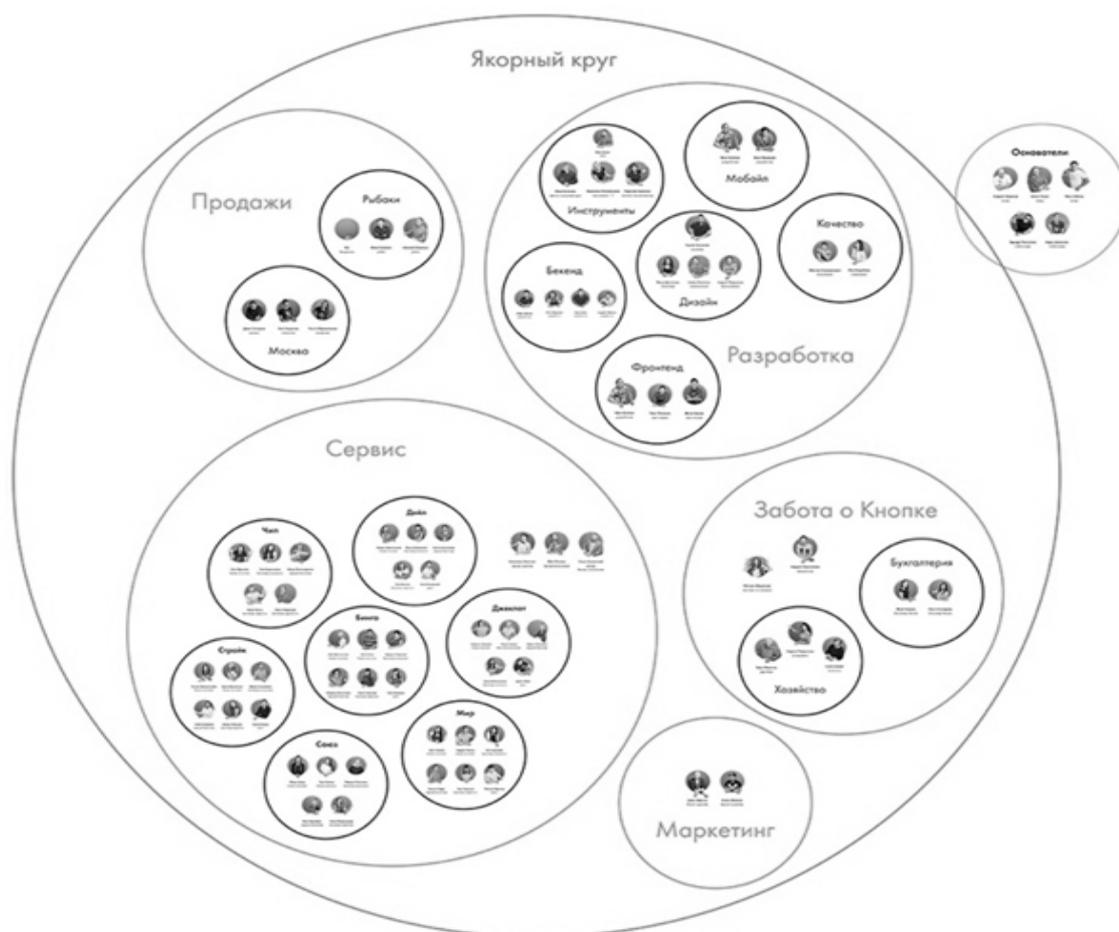

Рис. 1 – Пример построения связей в компании с высокой информационной нагрузкой по принципу холакратии

5. Создавать условия для самоорганизующихся систем. Следует заметить, что самоорганизующиеся системы позволяют не только уйти от прежних методов управления, но также помогают сотрудникам встраиваться в новую структуру и организовывать ее, что снижает или делает невозможным возврат к прошлому. Можно привести следующий пример, так, через год после перехода Zappos на принципы холакратии (и за пару месяцев до предложения несогласным уволиться) 400 сотрудников прошли трехдневный тренинг по основам холакратии, а 90 — стали «сертифицированными ведущими» совещаний, в том числе с руководством. Однако тренинги сами по себе не устранили про-

блемы вроде «мелочной опеки или нарушения автономности бывших подчиненных». Старые правила управления обычно глубоко встроены в организационную культуру, корпоративное мышление и требуют постоянного совершенствования и видоизменения [4].

Модели управления персоналом, преимущественно используемые российскими компаниями, безусловно, нуждаются в доработке, совершенствовании и апробации. На наш взгляд, реализация предложенных в работе рекомендаций окажет положительный эффект как на деятельность самих компаний и их сотрудников, так и на развитие экономики в целом.

Литература

1. Боев В. Ю., Замурий И. А. Современные модели управления персоналом организаций для устойчивого развития российских регионов // В сборнике: Современные тенденции развития экономики России в условиях глобализации Материалы межрегиональной научно-практической конференции. 2018. С. 90-93.

2. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р. Корпоративная социальная ответственность российских компаний за персонал: управление и технологии обучения // Управление устойчивым развитием. 2018. №3. С. 50-62.
3. Бессонов Ф. И. Подходы к формированию кадровой политики // Экономика. Бизнес. Информатика. 2016. №3. С. 236-251.
4. Робертсон Брайан. Холакратия. Революционный подход в менеджменте. М.: ЭКСМО, 2018. 256 с.
5. Балдин К. В., Воробьев С. Н., Уткин В. Б. Управленческие решения: Учебник. М.: Дашков и К, 2007. 230 с.
6. Голянич В. М., Кудрявцева Е. И. Инновационные технологии в кадровом менеджменте // Управленческое консультирование. 2013. № 2(50). С. 5-16.
7. Сайдман Д. Отношение определяет результат / Дов Сайдман; пер. с англ. Светланы Чигринец. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 400 с.
8. Инновационный менеджмент: учебник / [Джуха Владимир Михайлович и др.] ; под общ. ред. В. М. Джухи; М-во образования и науки Российской Федерации, Ростовский гос. экономический ун-т (РИНХ). 2-е изд., перераб. и доп. Москва : РИОР: ИНФРА-М, 2016. 376 с.

Сведения об авторах:

© **Джуха Владимир Михайлович** – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой Инновационного менеджмента и предпринимательства, Заслуженный работник высшей школы РФ, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Российская Федерация, Ростов-на-Дону, e-mail: dvm58@yandex.ru.

© **Боев Василий Юрьевич** – кандидат экономических наук, доцент кафедры Экономики региона, отраслей и предприятий, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Российская Федерация, Ростов-на-Дону, e-mail: B_V_U@bk.ru.

© **Погосян Рузанна Робертовна** – кандидат экономических наук, доцент кафедры Инновационного менеджмента и предпринимательства, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Российская Федерация, Ростов-на-Дону, e-mail: RuzannaRP@mail.ru.

Information about the authors:

© **Dzhukha Vladimir Mikhailovich** – Doctor of Economic Sciences, Professor, head of the Department of Innovation management and entrepreneurship, Honored worker of higher school of Russia, Rostov State University of Economics (RINH), Russian Federation, Rostov-on-Don, e-mail: dvm58@yandex.ru.

© **Boev Vasilii Iurevich** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Economy, Industries and Enterprises, Rostov State University of Economics (RINH), Russian Federation, Rostov-on-Don, e-mail: B_V_U@bk.ru.

© **Pogosyan Ruzanna Robertovna** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Innovation management and entrepreneurship, Rostov State University of Economics (RINH), Russian Federation, Rostov-on-Don, e-mail: RuzannaRP@mail.ru.

УДК 338.2

Т. И. Клименко, Р. М. Ахметшин

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СФЕРЫ УСЛУГ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ № НШ-2600.2020.6.

Ключевые слова: сфера услуг, инновационная инфраструктура, глобализация, инновационно-активные предприятия, индустриальные парки

Статья посвящена актуальной теме развития сферы услуг инновационной инфраструктуры. Целью статьи является оценка состояния инновационной инфраструктуры и ее влияние на инновационную активность федеральных округов России. В исследовании использованы методы экономического и математического анализа, многомерного статистического анализа, методы прогнозирования. Полученные результаты позволяют в лучшей степени и большей адресностью совершенствовать сферу услуг инновационной инфраструктуры и могут использоваться в программах регионального развития, разрабатываемых министерствами и ведомствами, направленных на инновационное управление. В статье отражена сущность и субъекты инновационной инфраструктуры, перечислены основные виды услуг. Представлен обзор научных трудов, посвященных изучению проблем эффективного формирования инновационной инфраструктуры. Дан обзор уровня инновационного развития федеральных округов РФ, который не позволил однозначно выделить лидеров и аутсайдеров. В связи с этим, предложена методика расчета агрегированного индикатора инновационной активности. Обосновано влияние развития инновационной инфраструктуры на инновационное развитие региона. Проведена оценка эффективности услуг инновационной инфраструктуры России, в виде деятельности индустриальных парков, которые представляют собой специально организованные для размещения новых производств особые экономические зоны, с соответствующей инфраструктурой, административно-правовыми условиями, государственной поддержкой. Рассмотрены основные причины динамичного развития инновационной инфраструктуры России. Первая причина обусловлена новизной формата, которая характеризуется удобным и профессиональным оказанием услуг в области рациональной организации производств, что представляет интерес для инвесторов. Вторая причина заключается в серьезной государственной поддержке, а также вливании финансовых ресурсов бюджетов субъектов РФ и частных инвесторов. Доля государственной финансовой поддержки создания инновационной инфраструктуры составляет более половины, однако управляющих организаций частных индустриальных парков в два раза больше государственных, что также говорит о привлекательности развития услуг инновационной инфраструктуры, поскольку оказание услуг по организации производства и обслуживанию инженерных сетей – характерная для бизнеса деятельность.

T. I. Klimenko, R. M. Akhmetshin

MAIN TRENDS IN THE FIELD OF SERVICES OF INNOVATIVE INFRASTRUCTURE IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

The research was carried out within the framework of the grant of the President of the Russian Federation for state support of leading scientific schools of the Russian Federation, project number NSH-2600.2020.6.

Keywords: services, innovation infrastructure, globalization, innovatively active enterprises, innovation

The article is devoted to the urgent topic of the development of the innovative infrastructure services sector. The purpose of the article is to assess the state of innovation infrastructure and its impact on the innovation activity of the federal districts of Russia. The study uses the methods of economic and mathematical analysis, multivariate statistical analysis, forecasting methods. The results obtained make it possible to improve the scope of services of innovation infrastructure to a better degree and with greater targeting and can be used in regional development programs developed by ministries and departments aimed at innovative management.

The article reflects the essence and subjects of innovative infrastructure, lists the main types of services. A review of scientific papers devoted to the study of the problems of effective formation of innovative infrastructure is presented. A review is given of the level of innovative development of the federal districts of the Russian Federation, which did not allow us to unambiguously identify leaders and outsiders. In this regard, a methodology for calculating the aggregated indicator of innovative activity is proposed. The influence of the development of innovative infrastructure on the innovative development of the region is justified. The effectiveness of the services of the innovation infrastructure of Russia was assessed in the form of industrial parks, which are special economic zones specially organized for the placement of new industries, with the corresponding infrastructure, administrative and legal conditions, and state support. The main reasons for the dynamic development of the innovation infrastructure of Russia are considered. The first is due to the novelty of the format, which is characterized by convenient and professional provision of services in the field of rational organization of production, which is of interest to investors. The second reason is serious government support, as well as serious financial resources of the budgets of the constituent entities of the Russian Federation and private investors. The share of state financial support for the creation of innovative infrastructure is more than half, however, the management organizations of private industrial parks are twice as large as the state, which also speaks of the attractiveness of the development of innovative infrastructure services, since the provision of services for the organization of production and maintenance of utility networks is a characteristic activity for business.

Важным фактором экономического развития страны в условиях глобализации является развитие сферы услуг инновационной инфраструктуры. Инновационная инфраструктура – это совокупность организаций, которые предоставляют услуги в области продвижения инноваций. Субъектом инновационной инфраструктуры является юридическое лицо, которое предоставляет:

- услуги инновационно-активным предприятиям, которые функционируют в России;
- уникальные услуги инновационно-активным предприятиям;
- комплекс услуг инновационно-активным предприятиям, находящимся на ограниченной территории, без которых невозможна или ограничена реализация инновационной политики в данном субъекте России.

Инновационная инфраструктура включает следующие виды услуг:

- производственно-технологические – технологические, технические, организационные, производственные услуги, которые реализуются на территории иннополисов, технополисов, особых экономических зон, инновационно-промышленных кластеров, технологических кластеров и др.;
- консалтинговые – услуги консультирования инновационно-активных предприятий по широкому кругу вопросов, в том числе юридической, маркетинговой, логистической деятельности;
- финансовые – услуги консультирования инновационно-активных предприятий в области улучшения финансовых показателей, привлечения инвестиций, бухгалтерского учета и аудита, которые оказываются различными

финансовыми организациями, в том числе бюджетные и внебюджетные фонды, иностранные инвестиционные организации и др.;

- кадровые – услуги консультирования инновационно-активных предприятий в области повышения квалификации персонала, подготовки высококвалифицированных сотрудников в соответствии с требованиями профессии, которые оказываются различными образовательными учреждениями;

- информационные – услуги консультирования инновационно-активных предприятий в области внедрения современных информационно-коммуникационных технологий, программного обеспечения (IT-компании, статистические ресурсы, интернет ресурсы);

- продвижение – организация эффективного взаимодействия инновационно-активных предприятий для достижения синергетического эффекта и обеспечение доступа к научно-техническим исследованиям и разработкам (проведение научно-практических конференций, выставок, работа со средствами массовой информации и др.)

Организация инновационной инфраструктуры, ее государственная и финансовая поддержка осуществляется при создании особой финансово-кредитной системы, которая включает следующие инструменты: ссуды, льготное кредитование, лизинг, государственное субсидирование, специальное налогообложение, т.е. формирование благоприятной среды для развития инновационно-активных предприятий.

Изучению проблем эффективного формирования инновационной инфраструктуры посвящены труды ученых Ф. Ф. Галимулиной А. Н. Дырдоновой, И. А. Зарайченко, И. Д. Лифанова, А. А. Лубниной, И. В. Лущика, Т. В. Малышевой, Ч. А. Мисбаховой, С. Ш. Остани-

ной, М. М. Шарафутдиновой, Н. Ю. Фомина, А. И. Шинкевича, М. В. Шинкевич в следующих трудах [1-11]: совершенствование управления инновационным развитием нефтегазохимического комплекса Республики Татарстан; специфика потенциала инновационных форм сотрудничества промышленных предприятий; предпосылки возникновения институциональных ловушек в рамках инновационного процесса в России; управление процессом интеграции экономических субъектов в инновационно ориентированные конкурентоспособные кластеры; интеграция в рамках территориально-производственных кластеров как эффективное

направление повышения конкурентоспособности и инновационного развития отечественных предприятий; подходы к оценке экономической эффективности инновационных кластеров в промышленности; открытые инновации как ресурс управления высокотехнологичными предприятиями; концепция формирования отраслевых инновационных кластеров; инновационное развитие сферы услуг в области производственной инфраструктуры; специфика и перспективы развития инжиниринговых услуг в инновационной сфере.

Таблица 1 – Показатели инновационной активности в разрезе федеральных округов РФ в 2018 гг. [12]

Названия федеральных округов	Удельный вес персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в общей численности населения, %	Внутренние затраты на научные исследования и разработки на одного работающего, млн. руб.	Объем инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %	Число разработанных передовых производственных технологий на 1000 занятых научными исследованиями и разработками, ед.	Агрегированный индикатор уровня инновационной активности	Ранг
Центральный	0,9	1,5	6,2	1,6	2,7	3
Северо-Западный	0,7	1,6	5,8	2,0	2,5	4
Южный	0,2	1,0	5,6	4,3	1,9	5
Северо-Кавказский	0,1	0,7	4,4	4,3	1,6	8
Приволжский	0,4	1,6	13,3	2,5	2,8	1
Уральский	0,4	1,6	4,3	6,1	2,7	2
Сибирский	0,3	1,5	2,2	2,5	1,9	6
Дальневосточный	0,2	1,3	3,4	3,0	1,8	7

Рассмотрим инновационную активность федеральных округов РФ. Анализ данных, представленных в таблице, показывает, что доля численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в пересчете на душу населения колебалась в пределах одного процента, что свидетельствует о верной траектории инновационного развития экономики страны. Лидируют по численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в общей численности населения Центральный и Северо-Западный федеральные округа (0,9 % и 0,7 % соответственно), а именно Московская и Ленинградская области. Регионами аутсайдерами являются Северо-Кавказский, Южный и Дальневосточный федеральные округа (0,1 %, 0,2 % и 0,2 % соответственно).

Между тем, лидерами по объему затрат на научные исследования и разработки в пересчете на одного работающего являются Северо-Западный, Приволжский и Уральский федеральные округа, где на одного работающего приходится около 1,6 млн. рублей затрат на научные исследования и разработки. Меньше всего тратят на научные исследования и разработки в Северо-Кавказском федеральном округе (0,7 млн. рублей на одного работающего).

По объему инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг безусловным лидером является Приволжский федеральный округ, а именно Республика Татарстан, которая выделяется сильной инновационной политикой. Доля инновационной составляющей Приволжского федерального округа равна 13,3 %, что более, чем в 2 раза выше уровня ближайшего

конкурента Приволжского федерального округа. Самые низкие показатели производства инновационной продукции демонстрирует Сибирский федеральный округ (2,2 % инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг).

Ведущим регионом по числу разработанных передовых производственных технологий в пересчете на 1000 занятых научными исследованиями и разработками является Уральский федеральный округ с показателем 6,1 единиц, что в 1,5 раза превышает значения показателей ближайших конкурентов – Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. Явным аутсайдером является Центральный федеральный округ, где на 1000 занятых научными исследованиями и разработками приходится 1,6 единиц разработанных передовых производственных технологий.

Анализ регионов не позволил однозначно выделить лидеров и аутсайдеров, в связи с этим, рассчитаем агрегированный индикатор

инновационной активности, который представляет сумму нормированных показателей, характеризующих инновационную активность регионов, который предлагается рассчитывать по следующей формуле:

$$A_{ИИА} = P_{знпр} + Z_{знпр} + O_{и} + P_{птг}, \quad (1)$$

где $A_{ИИА}$ – агрегированный индикатор инновационной активности;

$P_{знпр}$ – удельный вес персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в общей численности населения, %;

$Z_{знпр}$ – внутренние затраты на научные исследования и разработки на одного работающего, млн. руб.;

$O_{и}$ – объем инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %;

$P_{птг}$ – число разработанных передовых производственных технологий на 1000 занятых научными исследованиями и разработками, ед.

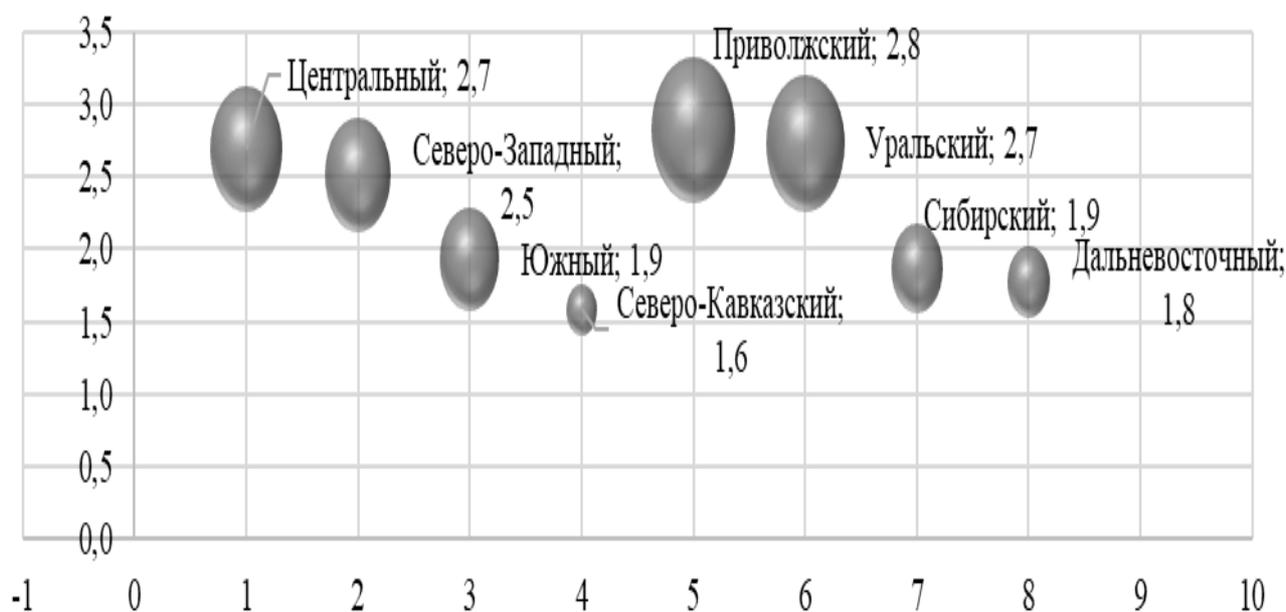

Рис. 1 – Агрегированный индикатор инновационной активности в разрезе федеральных округов

Расчет агрегированного индикатора инновационной активности распределил федеральные округа в следующей последовательности: на первом месте – Приволжский с коэффициентом 2,8, за ним Уральский (2,7), Централь-

ный (2,7), Северо-Западный (2,5), Южный (1,9), Сибирский (1,9), Дальневосточный (1,8) и замыкает рейтинг Северо-Кавказский федеральный округ с коэффициентом 1,6.

Рис. 2 – Агрегированный индикатор уровня инновационной активности и число промышленных парков, единиц на 1 млн. населения в разрезе федеральных округов РФ

Рассмотрим влияние инновационной инфраструктуры на инновационное развитие региона. В контексте данного исследования инновационная инфраструктура рассматривается в виде промышленных парков, которые представляют собой специально организованные для размещения новых производств особые экономические зоны, с соответствующей инфраструктурой, административно-правовыми условиями, государственной поддержкой. По уровню развития инновационной инфраструктуры лидирует Центральный федеральный округ, где на 1 млн. человек населения приходится 2,5 промышленных парка, за ним Приволжский (1,7), Северо-Западный (1,5), Уральский (1,1), Северо-Кавказский (1,0), Дальневосточный (1,0), Сибирский (0,8) и регионом аутсайдером является Южный федеральный округ (0,5).

Согласно рисунку 2 очевидно влияние инновационной инфраструктуры на уровень инновационной активности региона. В связи с

Таблица 2 – Динамика показателей эффективности услуг промышленных парков в 2014-2018 гг. [13]

Наименование показателя	2014	2015	2016	2017	2018
Общее число резидентов, единиц	1153	1674	1870	2121	2882
Общее число регионов, единиц	40	42	46	51	60
Созданные рабочие места, единиц	70943	83368	104872	125601	148766
Инвестиции в производство, млрд. рублей	745	858	983	1111	1217
Инвестиции в инфраструктуру, млрд. рублей	145	163	178	220	244
Средняя заполняемость территории парка, %	53	50	53	53,4	58,4

этим особый интерес представляет обзор основных тенденций сферы услуг инновационной инфраструктуры в условиях глобализации. Число промышленных парков выросло на 37 % к 2018 г. и в 2,5 раза по сравнению с 2014 г., что составило 227 парков (150 из них действующие) в 60 регионах страны (в 1,5 раза выше уровня 2014 г.). Данные показатели свидетельствуют о перспективности развития инновационной инфраструктуры. Динамичный рост инновационной инфраструктуры обусловлен новизной формата, который характеризуется удобным и профессиональным оказанием услуг в области рациональной организации производств, что вызывает интерес инвесторов [13].

Ключевым показателем эффективности услуг инновационной инфраструктуры является эффективность инвестиций. Так, в 2018 г. на 1 рубль, вложенный в организацию инновационной инфраструктуры, приходится 8 рублей прямых инвестиций в производство, что на 15 % превышает уровень 2017 г.

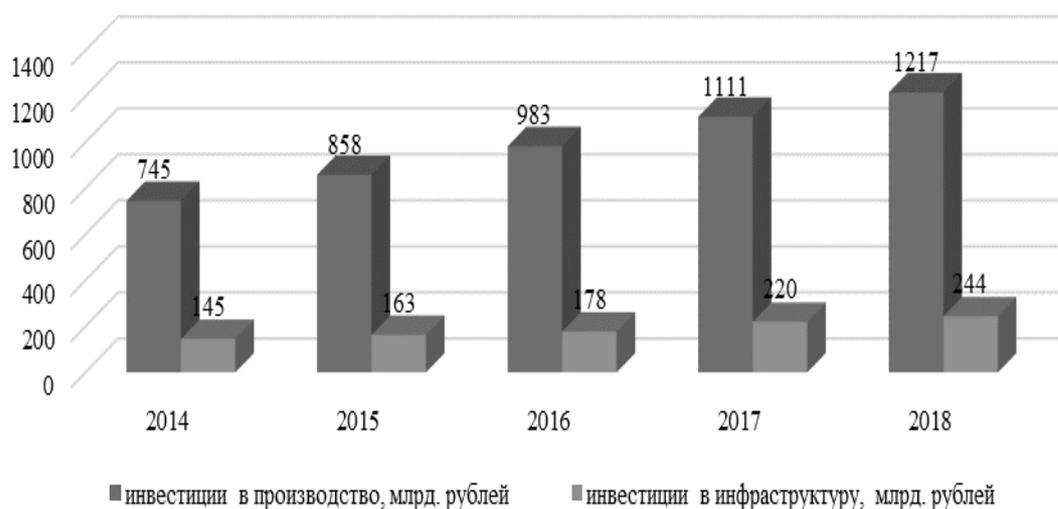

Рис. 3 – Динамика показателей инвестиционного развития промышленных парков в 2014-2018 гг. [12]

Другая причина динамичного развития услуг инновационной инфраструктуры, заключается в серьезной государственной поддержке. Из средств федерального бюджета ежегодно выделяется свыше 6 млрд. рублей, а также выделяются серьезные финансовые ресурсы из бюджетов субъектов РФ и частных инвесторов. Доля государственной финансовой поддержки создания инновационной инфраструктуры составляет более половины, однако управляющих организаций частных промышленных парков составляет 144, что в два раза больше государственных, что также говорит о привлекательности развития услуг инновационной инфраструктуры, поскольку оказание услуг по организации производства и обслуживанию инженерных сетей – характерная для бизнеса деятельность.

В 2018 г. отмечен рост числа новых резидентов, а именно 2882 предприятия вошли в состав промышленных парков, которые привлекли 1,2 трлн. рублей прямых инвестиций. Уровень заповняемости площадей в 2018 г. приблизился к 60 %. С 1998 по 2018 гг. вложе-

но более 1217 млрд. рублей в создание 227 промышленных парков и особых экономических зон промышленно-производственного значения. Из них 498 млрд. рублей приходится на отечественные предприятия, также значительно участие Германии, США, Японии и Турции. 96 % всех инвестиций в создание инновационной инфраструктуры приходится на 21 субъект РФ, 70 % из которых приходятся на Калужскую область, Республику Татарстан, Липецкую, Московскую и Ульяновскую область [13].

Основные тенденции сферы услуг инновационной инфраструктуры в условиях глобализации свидетельствуют о прямой зависимости уровня инновационной активности региона от количества промышленных парков. В последние годы, благодаря государственной поддержке и верно выбранному формату реализации концепции, наблюдается первенство промышленных парков по динамике роста среди других видов инфраструктуры и по прогнозам экспертов аналогичный рост продлится на протяжении 5-6 лет.

Литература

1. Лубнина А. А. Совершенствование управления инновационным развитием нефтегазохимического комплекса Республики Татарстан // Экономический вестник Республики Татарстан. Казань. 2015. №4. С. 40-44.
2. Лубнина А. А. Специфика потенциала инновационных форм сотрудничества промышленных предприятий/ А.А. Лубнина, С.Ш. Останина, М.М. Шарафутдинова, И.В. Лущик // Вестник Волгоградского института Бизнес. Образование. Право. 2017. 1(38). С. 51-55.

3. Лубнина, А. А. Предпосылки возникновения институциональных ловушек в рамках инновационного процесса в России / А.А. Лубнина, Ф.Ф. Галимулина, Ч.А. Мисбахова // Экономический вестник Республики Татарстан. 2015. №3. С. 11-16.
4. Шинкевич А.И. Управление процессом интеграции экономических субъектов в инновационно ориентированные конкурентоспособные кластеры / А.И. Шинкевич, М. В. Шинкевич, Т. В. Малышева // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2017. № 2 (96). С. 2.
5. Дырдонова А. Н., Фомин Н. Ю. Интеграция в рамках территориально-производственных кластеров как эффективное направление повышения конкурентоспособности и инновационного развития отечественных предприятий // Научное обозрение. 2014. № 9-1. С. 149-152.
6. Шинкевич М.В. Подходы к оценке экономической эффективности инновационных кластеров в промышленности // Вестник Казанского технологического университета. 2005. № 1. С. 85-89.
7. Шинкевич А. И., Барсегян Н. В. Особенности инновационного развития высокотехнологичных секторов в России // Сборник трудов международной научно-практической конференции «Интеллектуальный город: устойчивость, управление, архитектура, реновация, технологии». SMARTpolis: Sustainability, Management, Architecture, Renovation, Technology. КГАСУ, 2018. С. 60-64.
8. Шинкевич А. И., Малышева Т. В., Зарайченко И. А. Концепция формирования отраслевых инновационных кластеров // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 22. С. 299-305.
9. Шинкевич М. В. Инновационное развитие сферы услуг в области производственной инфраструктуры // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16. № 24. С. 245-248.
10. Лифанов И. Д., Шинкевич А. И. Специфика и перспективы развития инжиниринговых услуг в инновационной сфере // Российское предпринимательство. 2014. № 19 (265). С. 16-27.
11. Дырдонова А. Н. Формирование территорий опережающего социально-экономического развития на основе кластерного подхода // Управление устойчивым развитием. 2019. №2. С. 26-31.
12. Росстат. Официальный сайт. URL: <https://www.gks.ru/folder/14036> (дата обращения 3.04.2020).
13. Ассоциация индустриальных парков. Официальный сайт. URL: <https://indparks.ru/materials/analytics/review-2019.php> (дата обращения 3.04.2020).

Сведения об авторах:

©**Клименко Татьяна Игоревна** – кандидат экономических наук, доцент, Казанский национальный технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: dlogscm@kstu.ru.

©**Ахметшин Ренат Максutowич** – кандидат экономических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: dlogscm@kstu.ru.

Information about the authors:

©**Klimenko Tatyana Igorevna** – Candidate of Economic Sciences, associate professor, Kazan National Technological University, Kazan, Russian Federation, e-mail: dlogscm@kstu.ru.

©**Akhmetshin Renat Maksutowich** – Associate Professor, Kazan Federal University, Russian Federation, Kazan, e-mail: dlogscm@kstu.ru.

Г. Ф. Мингалеев, В. М. Бабушкин, Н. Ю. Никифоров, Е. Е. Богоявленская

ФОРМИРОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ ПЛАТФОРМЫ МОНИТОРИНГА ОПЛАТЫ ТРУДА НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ¹*Ключевые слова: платформа мониторинга, невыплата заработной платы, архитектура, комплексный показатель мониторинга*

В статье рассмотрена методология предложенной авторами платформы мониторинга оплаты труда на промышленных предприятиях. Анализ публикаций и статистической информации по данной тематике показал, что в РФ существует проблема своевременной оплаты труда и государственные органы заинтересованы в ее решении. Авторами сформирована методология платформы мониторинга оплаты труда, разработаны научно-методические положения, позволяющие формировать рейтинги по результатам мониторинга на основании комплексного показателя (индикатора) мониторинга. В качестве индикатора мониторинга оплаты труда авторами предложен комплексный показатель, учитывающий экономические и правовые аспекты, характеризующие положение с оплатой труда на предприятиях в разрезе региона, отраслей промышленности. Разработанные методические положения позволили установить предельные значения показателей (индикаторов) мониторинга оплаты труда на промышленных предприятиях, оценить значимость данных показателей и нормативных значений, установленных законодательством. На основе выбранных первичных индикаторов мониторинга оплаты труда, их предельных значений предложен вариант зонирования комплексного показателя, рассчитаны минимальные и максимальные границы зон комплексного показателя, позволяющие оценить положение с оплатой труда в определенной отрасли промышленности выбранного региона, предприятия. Результаты анализа научных трудов свидетельствуют об отсутствии аналогов методических положений, процедур оценки, методов и средств мониторинга, в совокупности представляемых в виде методологии платформы мониторинга оплаты труда. Разработанная методика расчета комплексного показателя (индикатора) мониторинга оплаты труда на промышленном предприятии, алгоритмы реализации расчета в информационной системе, рекомендации по применению методики мониторинга оплаты труда на предприятиях позволяют создать цифровую платформу по проведению мониторинга системы оплаты труда, показатели которой в условиях реализации нацпроекта «Цифровая экономика Российской Федерации» являются значимыми индикаторами экономического положения предприятий, отрасли и региона в целом.

G. F. Mingaleev, V. M. Babushkin, N. Yu. Nikiforov, E. E. Bogoyavlenskaya

INTEGRATION OF THE METHODOLOGY OF THE REMUNERATION-MONITORING PLATFORM WITH THE CONCEPTUAL PLATFORM OF THE REMUNERATION SYSTEM IN INDUSTRIAL ENTERPRISES*Keywords: monitoring platform, non-payment of wages, architecture, complex monitoring indicator*

The article considers the methodology of the authors' platform for monitoring labor remuneration in industrial enterprises. The analysis of publications and statistical information on this subject has shown that in the Russian Federation, there is a problem of timely payment of labor and government agencies are interested in solving it. The authors formed the methodology of the platform for monitoring labor remuneration, developed scientific and methodological provisions that allow forming ratings based on the results of monitoring on the basis of a complex indicator (indicator) of monitoring. As an indicator of labor remuneration monitoring, the authors propose a comprehensive indicator that takes into account economic and legal aspects that characterize the situation with labor remuneration at enterprises in the context of the region and industries. The developed methodological provisions made it possible to set the maximum values of indicators (indicators) for monitoring labor remuneration in industrial enterprises, to assess the significance of these indicators and the normative values established by legislation. Based on selected primary indicators for monitoring wages, their limits with the zoning of the complex index calculated from the minimum and maximum boundaries of the

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-410-160019.

zones of an integrated indicator to assess the status of wages in certain industries selected region and enterprise. The results of the analysis of scientific papers indicate that there are no analogs of methodological provisions, evaluation procedures, methods and monitoring tools, collectively represented as the methodology of the remuneration monitoring platform. The developed method of calculation of the integrated indicator (led) monitoring of payment of labour at an industrial enterprise, the implementation algorithm of the calculation in the information system, recommendations on the application of the monitoring methodology of payment at the enterprises allow to create a digital platform for the monitoring of the remuneration system, which in the conditions of realization of the national project «Digital economy of the Russian Federation» are important indicators of the economic situation of enterprises and the region as a whole.

Проблемы невыплаты заработной платы возникали в РФ со времен 90-х годов в разной степени сложности. В настоящее время проблемы своевременной выплаты заработной платы приобретают особую актуальность в связи с глобальным экономическим кризисом, одной из причин которого явилась пандемия. Среди других причин можно выделить проблемы, связанные с недостаточным вниманием, уделяемым вопросам стимулирования и организации оплаты труда на промышленных предприятиях, что рассмотрено в работе [1]. Складывающаяся в стране ситуация не может не привести к серьезным задержкам в заработной плате уже в текущем году. В связи с этим актуальность мониторинга своевременной оплаты труда возрастает.

Развитие методов исследования в области оценки состояния с выплатами заработной платы на промышленных предприятиях может производиться на национальном отраслевом, региональных уровнях. Любое исследование оценки состояния с выплатами заработной платы на промышленных предприятиях должно сопровождаться анализом организации взаимодействия всех элементов системы. Концептуальная платформа мониторинга оплаты труда на промышленных предприятиях представленная в работе [2], описывает элементы

рассматриваемой системы. Цель исследования – сформировать методологию платформы мониторинга оплаты труда на промышленных предприятиях региона. Материалом исследования послужил анализ трудового законодательства, анализ существующих экономических и организационно-технических систем мониторинга предприятий, статистическая информация по оплате труда на предприятиях региона [3].

Методология разработки платформы мониторинга оплаты труда включает в себя общенаучные методы и методы статистики, использование которых позволило разработать комплекс методических положений. Данный методический инструментарий позволил количественно и качественно определить показатели мониторинга оплаты труда, комплексный показатель (индикатор) и их предельные значения. Платформа мониторинга оплаты труда на промышленных предприятиях представляет собой совокупность взаимодействующих элементов организационно-технической системы мониторинга, использующих широкий набор методов и методических положений по оценке экономических, правовых и других показателей оценки. В общем виде используемые, в рамках платформы методы и основанные на них методики, представлены на рис 1.

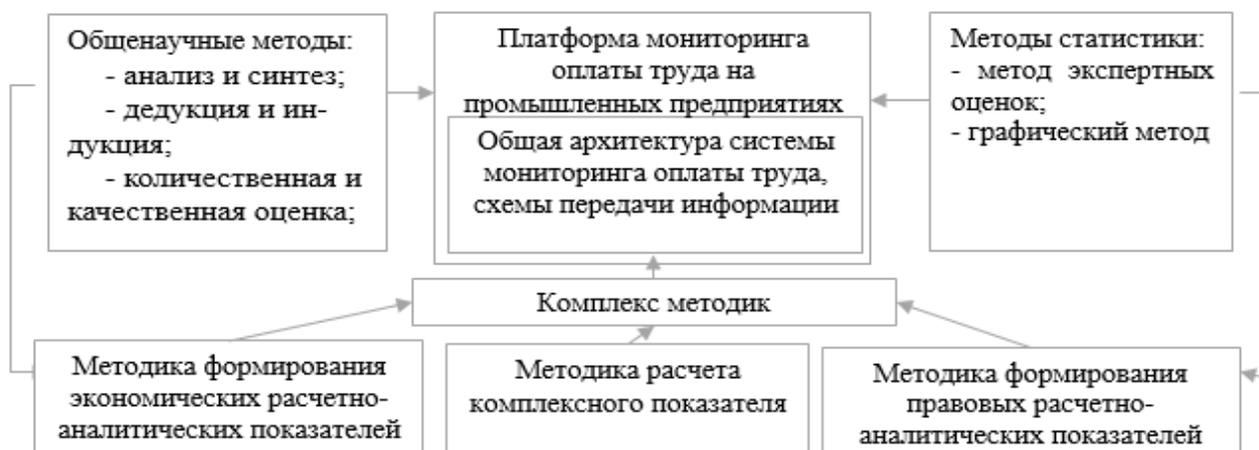

Рис. 1 – Схема используемых методов и методик при разработке платформы мониторинга оплаты труда на промышленных предприятиях

Методические положения, разработанные в рамках проекта сформированной платформы мониторинга оплаты труда, включают в себя:

- методику формирования экономических расчетно-аналитических показателей;
- методику формирования правовых расчетно-аналитических показателей;
- методику расчета комплексного показателя, характеризующего уровень нарушений в сфере оплаты труда, в том числе невыплат заработной платы.

В методике формирования экономических и правовых расчетно-аналитических показателей, и расчета комплексного показателя использовались следующие методы:

- метод экспертных оценок, при определении весовых коэффициентов первичных расчетно-аналитических показателей мониторинга, для расчета обобщенных первичных показателей мониторинга;
- нормативно-ценностной метод, метод количественных и качественных оценок, анализ и синтез при определении интервалов значений первичных расчетно-аналитических показате-

лей мониторинга, необходимых для определения интервалов значений обобщенных первичных показателей мониторинга;

- графический метод, для представления полученных результатов на основе проведенного анализа.

В методике расчета комплексного показателя использованы следующие методы: анализ и синтез, дедукция и индукция, метод количественных и качественных оценок.

В исследовании для мониторинга оплаты труда определен ряд критериев, определяющих нарушения требований действующего законодательства в сфере оплаты труда и отражающих территориальную и отраслевую специфику.

Результатом исследования стали интегральные оценки, которые в процентном соотношении отображают, соответствие совокупности количественных и качественных показателей оплаты труда требованиям законодательства и установленным ограничениям. Матрица результатов мониторинга оплаты труда представлена на рис. 2.

Вид отрасли, отраслевой признак - *o*

Субъект РФ, территориальный признак - <i>r</i>	$Z_{p_{11}} / \Delta Z_p$					
				$Z_{p_{or}} / \Delta Z_p$		

Рис.2 – Матрица результатов мониторинга оплаты труда

Показатель Z_p – комплексный показатель, учитывающий первичные экономические и правовые критерии мониторинга оплаты труда в территориальном -*r* и отраслевом -*o* разрезах. На основе первичных критериев формируются обобщенные первичные показатели, необходимые для расчёта комплексного показате-

ля. Первичные критерии - это количественные и качественные показатели, характеризующие состояние с оплатой труда на конкретном предприятии, в регионе и отрасли. Часть первичных критериев получаем в виде входной информации, часть формируется в самой платформе, на основе полученных данных.

Определения и формулы расчета первичных и комплексных критериев мониторинга

оплаты труда приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Расчет первичных и комплексных критериев мониторинга оплаты труда

Определения и формулы для расчета комплексных показателей	Определения и формулы для расчета обобщенных первичных показателей	Определения и формулы для расчета первичных показателей	Первичные критерии			
			Характеристика	Вес		
<p>Комплексный показатель, сочетает экономическую и правовую стороны проблем в сфере оплаты труда</p> $Z_P = Z_{PE} + Z_{PR}$	$Z_{PE} = \lambda_4 K_{E4} + \lambda_5 K_{E5} + \lambda_6 Z_{PEP}$ $\lambda_4 + \lambda_5 + \lambda_6 = 1$ <p>экономический расчетно-аналитический показатель мониторинга оплаты труда</p>	<p>Экономический показатель по i-му предприятию</p> $Z_{PEP_i} = \delta_1 K_{E1_i} + \delta_2 K_{E2_i} + \delta_3 K_{E3_i}$ $\delta_1 + \delta_2 + \delta_3 = 1$	K_{E1} – доля работников с просроченной заработной платой в общей численности работников	0,4		
			K_{E2} – количество месяцев в среднем составляющих период задержки заработной платы	0,27		
			K_{E3} – количество МРОТ не выплаченных, приходящихся на одного человека (средний размер просроченной задолженности/МРОТ) [4]	0,33		
				Z_{PEP} – среднее обобщенное значение экономического показателя по выбранной отрасли региона	0,5	
			<p>Нет расчетов, показатели напрямую, с учетом весов включаются в показатель Z_{PE}</p>	K_{E4} – доля невыплаченной оплаты труда в общем объеме просроченной задолженности по региону, по отрасли	0,3	
				K_{E5} – доля организаций, не своевременно выплачивающих заработную плату по региону, по отрасли	0,2	
			$Z_{PR} = \beta_1 K_{R1} + \beta_2 K_{R2} + \beta_3 K_{R3} + \beta_4 K_{R4}$ $\sum_{j=1}^4 \beta_j = 1$ <p>Правовой расчетно-аналитический показатель мониторинга оплаты труда</p>		K_{R1} – доля организаций, имеющих нарушения трудового законодательства (невыплата или частичная выплата заработной платы);	0,4
					K_{R2} – доля проверок по жалобам работников на нарушение трудового законодательства, приведших к административной ответственности;	0,3
					K_{R3} – количество и процент проверок по жалобам работников на нарушение трудового законодательства, приведших к уголовной ответственности;	0,3
					K_{R4} – количество и процент организаций, находящихся в процессе конкурсного производства.	0,1

Первичные критерии — это количественные и качественные показатели, характеризующие состояние с оплатой труда на конкрет-

ном предприятии, в регионе и отрасли. Часть первичных критериев получаем в виде входной информации, часть формируется в самой платформу, на основании полученных данных. Ка-

ждому первичному критерию экспертным путем были определены весовые значения, приведенные в таблице 1.

Первичные экономические критерии K_{E1} , K_{E2} , K_{E3} являются входными, они формируются системой мониторинга на основе информации, поданной предприятиями. Первичные экономические критерии K_{E4} , K_{E5} являются обобщающими и формируются в системе мониторинга путем обработки информации по предприятиям соответствующих регионов в разрезе отраслей.

Правовые критерии K_{R2} , K_{R3} , K_{R4} формируются компетентными органами через систему мониторинга оплаты труда. Здесь, по сути, идет обратный поток информации, контролирующие органы выступают в роли клиентов, вводящих информацию в систему. Первый правовой показатель K_{R1} формируется системой мониторинга по информации, поданной предприятиями.

Авторами проведено исследование по определению зон комплексного показателя, характеризующего положение предприятия, региона, отрасли. Результаты данного исследования носят предварительный характер и в дальнейшем при работе системы мониторинга оплаты труда должны быть скорректированы на основе обработки статистического материала.

В ходе расчетов были предложены пять зон значений комплексного показателя для оценки состояния предприятия, отрасли региона.

Нулевая зона характеризует предприятие, отрасль региона без нарушений в сфере оплаты труда. Если и есть отклонения, они носят единичный случайный характер и укладываются в 1 % от максимального значения комплексного показателя. Само значение показателя, говорит о нарушении. Нулевое значение комплексного показателя свидетельствует о том, что нарушения отсутствуют полностью, чем выше значение, тем больше нарушений. Первая зона характеризует предприятие отрасли региона с небольшими нарушениями по своевременной оплате труда. Вторая зона нарушения носят значительный характер, затрагивают почти половину предприятий отрасли региона. Третья зона свидетельствует об очень высоком уровне нарушений и затрагивает до 70 % предприятий отрасли региона. Четвертая зона – большинство предприятий отрасли имеют серьезные нарушения в сфере оплаты труда. Более детальное описание нарушений, их количественная и качественная оценка представлены в исследовании отдельно по каждому критерию.

Для определения численных значений каждой зоны комплексного показателя проведен расчет границ (интервалов) попадания каждого критерия и параметра в заданные зоны.

Интервалы зон по критериям выбраны следующим образом:

Выбор интервала зон для критерия K_{E1} , K_{E2} и K_{E3} .

В нулевую зону попадают те предприятия, у которых:

- доля работников с просроченной заработной платой в общей численности работников не превышает 10 % от возможных 100 %;
- количество месяцев задержки заработной платы, не более одного;
- размер невыплаченной заработной платы составляет менее трех минимальных размеров оплаты труда, установленных законодательством. Эта величина выбрана из расчета средней заработной платы по Республике Татарстан [5].

Соответственно первая зона - предприятия, у которых:

- доля работников с просроченной задолженностью от 10 до 20 %;
- зарплата не выдается от 1 до 6 месяцев;
- средний размер просроченной заработной платы составляет от 1 до 6 минимальных размеров оплаты труда.

При определении границ критериев учитывалось действующее законодательство в сфере труда. Частичная невыплата свыше трех месяцев, либо полная невыплата свыше двух месяцев заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных установленных законом выплат, совершенная из корыстной или иной личной заинтересованности руководителем организации, работодателем – физическим лицом, руководителем филиала, представительства или иного обособленного структурного подразделения организации влечет уголовную ответственность по ч.1 либо по ч.2 ст. 145.1 УК РФ [6].

Вторая зона – предприятия, у которых доля работников с просроченной задолженностью составляет от 26 % до 50 %;

- зарплата не выдается от 6 до 12 месяцев;
- средний размер просроченной заработной платы составляет от 6 до 12 минимальных размеров оплаты труда.

Третья зона – предприятия, у которых:

- доля работников с просроченной задолженностью составляет от 51 % до 75 %;
- зарплата не выдается более 12 месяцев до 18 месяцев;

– средний размер просроченной заработной платы составляет от 12 до 24 минимальных размеров оплаты труда.

Четвертая зона – предприятия, у которых:

– доля работников с просроченной задолженностью составляет от 76 % до 100 %.

– зарплата не выдается более 18 месяцев до 24 месяцев;

– средний размер просроченной заработной платы составляет от 24 до 36 минимальных размеров оплаты труда.

Для критериев K_{E4} и K_{E5} интервал распределения по зонам несколько иной.

Нулевая зона - зона, включающая конкретную отрасль промышленности рассматриваемого региона, в которой невыплаченная заработная плата в общем объеме просроченной задолженности региона не превышает одного процента, а также доля предприятий в данной отрасли с невыплаченной вовремя заработной платой от общего их количества в регионе не превышает 1 %.

Первая зона – зона, включающая отрасль промышленности рассматриваемого региона, в которой невыплаченная заработная плата в общем объеме просроченной задолженности

ности по оплате труда региона составляет от 1 до 15 %, а также доля предприятий рассматриваемой отрасли в конкретном регионе с невыплаченной своевременно заработной платой составляет от 1 до 15 %.

Вторая зона – зона, включающая отрасль промышленности рассматриваемого региона в которой невыплаченная зарплата в общем объеме просроченной задолженности по оплате региона, и доля предприятий с невыплаченной своевременно заработной платой составляет более 15 % и не превышает 45 %.

Третья зона – зона, включающая отрасль промышленности рассматриваемого региона, в которой невыплаченная зарплата в общем объеме просроченной задолженности по оплате региона, и доля предприятий с невыплаченной своевременно заработной платой составляет более 45 % и не превышает 80 %.

Четвертая зона - это зона, включающая отрасль промышленности рассматриваемого региона, в которой невыплаченная зарплата в общем объеме просроченной задолженности по оплате региона, и доля предприятий с невыплаченной своевременно заработной платой составляет от 80 % до 100 %. Результаты расчетов представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Расчет комплексного показателя

зоны	экономический показатель $Z_{PE}, ед.$		правовой показатель $Z_{PR}, ед.$		комплексный показатель $Z_P, ед.$	
	min	max	min	max	min	max
0	0	0,495	0	0,058	0,000	0,553
1	0,496	9,65	0,059	3,7	0,554	13,350
2	9,651	26,82	3,71	7,4	13,351	34,220
3	26,821	46,455	7,41	12,92	34,221	59,375
4	46,456	59,2	12,93	18,4	59,376	77,600

Нулевая зона – практически нулевые показатели или в пределах статистической погрешности.

Первая зона – значения показателя незначительные, необходимо отслеживать динамику.

Вторая зона – показатели говорят о периодически возникающих затруднениях с выплатой заработной платы, необходимо определить конкретные отрасли, регионы, предприятия, которые требуют пристального внимания и принятия мер воздействия.

Третья зона – нарушения в сфере оплаты труда значительные, требуется вмешательство в работу контролирующих органов и руководящих органов предприятий.

Четвертая зона – нарушения с выплатами заработной платы затрагивают практически все предприятия региона, возможно надо менять руководителей.

Результаты расчетов диапазонов комплексного показателя можно представить в виде гистограммы, рис. 3

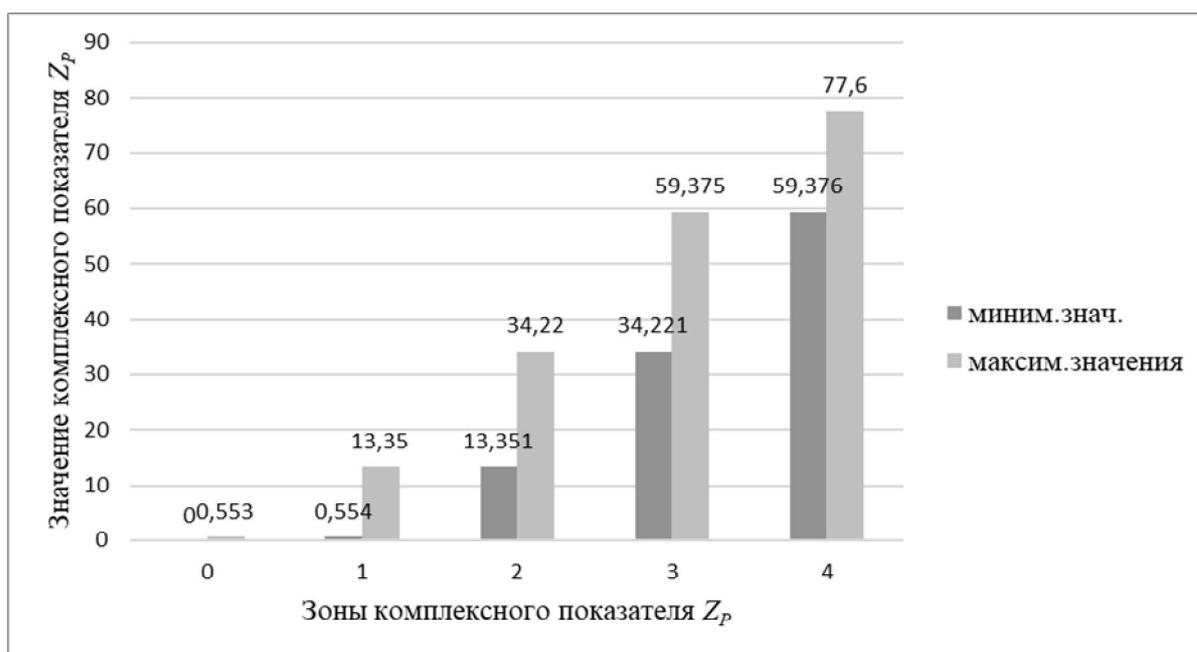

Рис. 3 – Максимальные и минимальные значения комплексного показателя по зонам

Результаты визуализации комплексного показателя говорят о том, что если значение комплексного показателя лежит в диапазоне минимальных и максимальных значений определенной зоны, то выбранная отрасль промышленности заданного региона попадает в эту зону. Чем больше значение комплексного показателя, тем сложнее положение в оплате труда в выбранной отрасли промышленности конкретного региона.

Таким образом, в исследовании представлены положения методологии платформы мониторинга оплаты труда применительно к промышленным предприятиям, реализация ко-

торых позволит проводить мониторинг оплаты труда и формировать комплекс мероприятий по выработке управленческих воздействий с целью корректировки показателей оплаты труда, как на предприятии, так и по интересующим отраслям промышленности региона. Разработанные методики, рекомендации, сформулированные выводы и предложения могут быть использованы при оценке оплаты труда на предприятии с использованием обозначенной платформы, в законотворчестве, а также в практической деятельности органов прокуратуры, государственных и иных органов.

Литература

- Надреева Л. Л., Абрамов В. А., Гарифуллин Р. Ф., Костерин А. В. Направления совершенствования нормирования труда в современных условиях // Вестник Казанского государственного технического университета им. А. Н. Туполева. 2017. Т. 73. № 3. С. 91-96.
- Мингалеев Г. Ф., Багаутдинов Ф. Н., Бабушкин В. М., Шарафеев И. Ш., Трутнева А. А. Анализ производственных и бизнес-процессов в концептуальной платформе организации и мониторинга оплаты труда на промышленном предприятии // Вестник Казанского государственного технического университета им. А. Н. Туполева. 2018. Т. 74. № 3. С. 58-65.
- Бабушкин В. М., Богоявленская Е. Е., Трутнева А. А. Мониторинг невыплат заработной платы по предприятиям Российской Федерации и регионах // В сборнике: Инновационная экономика Материалы Региональной научной конференции-школы для молодежи. 2018. С. 11-20.
- Федеральный закон «О минимальном размере оплаты труда» от 19.06.2000 N 82-ФЗ.
- Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики Республики Татарстан. URL: http://tatstat.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/ru/ (дата обращения 23.06.2020).
- Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020).

Сведения об авторах:

©**Мингалеев Газиз Фуатович** – доктор экономических наук, профессор, Казанский национальный исследовательский технический университет (КНИТУ-КАИ), Российская Федерация, Казань, e-mail: mingaleevgaziz@yandex.ru.

©**Бабушкин Виталий Михайлович** – кандидат экономических наук, доцент, Казанский национальный исследовательский технический университет (КНИТУ-КАИ), Российская Федерация, Казань, e-mail: babushkinV@yandex.ru

©**Никифоров Н. Ю.** – аспирант кафедры экономики и управления на предприятии, Казанский национальный исследовательский технический университет (КНИТУ-КАИ), Российская Федерация, Казань, e-mail: kafedra@eupkai.ru.

©**Богоявленская Елена Евгеньвна** – старший преподаватель кафедры экономики и управления на предприятии, Казанский национальный исследовательский технический университет (КНИТУ-КАИ), Российская Федерация, Казань, e-mail: kafedra@eupkai.ru.

Information about the authors:

©**Mingaleev Gaziz Fuatovich** – Doctor of Economics, Professor, Kazan National Research Technical University (KNRTU-KAI), Russian Federation, Kazan, e-mail: mingaleevgaziz@yandex.ru.

©**Babushkin Vitaly Mikhailovich** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Kazan National Research Technical University (KNRTU-KAI), Russian Federation, Kazan, e-mail: babushkinV@yandex.ru

©**Nikiforov N. Yu.** – Postgraduate student of the Department of Economics and Enterprise Management, Kazan National Research Technical University (KNRTU-KAI), Russian Federation, Kazan, e-mail: kafedra@eupkai.ru.

©**Bogoyavlenskaya Elena Evgenovna** – Senior Lecturer, Department of Economics and Enterprise Management, Kazan National Research Technical University (KNRTU-KAI), Russian Federation, Kazan, e-mail: kafedra@eupkai.ru.

УДК 338

Г. Ф. Мингалеев, Н. Ю. Никифоров, В. М. Бабушкин, Е. Е. Богоявленская

ИНТЕГРАЦИЯ СИСТЕМЫ МОНИТОРИНГА ОПЛАТЫ ТРУДА С КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ПЛАТФОРМОЙ СИСТЕМЫ ОПЛАТЫ ТРУДА НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ¹*Ключевые слова: платформа мониторинга, невыплата заработной платы, архитектура, комплексный показатель мониторинга*

Цель данной работы заключается в проведении исследования вопросов интеграции, разработанной авторами методологии платформы мониторинга оплаты труда с концептуальной платформой системы оплаты труда на промышленных предприятиях. Существующие способы мониторинга невыплат заработной платы основаны на сборе и обработке информации из подаваемой субъектами бизнеса статистической отчетности. Информация о состоянии расчетов по оплате труда формируется в органах статистики в общем виде и публикуется в виде таблиц, информационно-аналитических отчетов. Подаваемая субъектами бизнеса финансовая, налоговая и статистическая отчетность в контролирующие органы обрабатывается каждым контролирующим органом отдельно, по установленным в организациях методикам. Проводимый мониторинг оплаты труда государственными контролирующими и регулирующими органами в основном затрагивает вопросы размера оплаты труда в разных сферах деятельности регионов. Вопросы оплаты труда тесно связаны с правовыми аспектами, поэтому федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий проводится мониторинг правоприменения в сфере оплаты труда. Авторами рассмотрена существующая схема передачи финансовой, статистической и прочей информации контролирующим органам и предложена схема интеграции системы мониторинга оплаты труда в общую схему передачи отчетности предприятий контролирующим органам. Представлена общая архитектура системы мониторинга оплаты труда, в которой используются разработанные авторами методические положения по формированию показателей мониторинга. Описаны функции блоков системы мониторинга оплаты труда. Конечный результат мониторинга оплаты труда – расчет комплексного показателя по отраслям в разрезе регионов, на основе которого формируется расчетно-аналитическая матрица. Часть показателей, формирующих комплексный расчетно-аналитический показатель, вводится контролирующими органами. Таким образом, представленная система объединяет в единую систему контролирующие и регулирующие органы, проверяемые субъекты бизнеса и работников предприятий, заинтересованных в решении проблем своевременной оплаты труда.

G. F. Mingaleev, N. Yu. Nikiforov V. M. Babushkin, E. E. Bogoyavlenskaya

INTEGRATION OF THE LABOR REMUNERATION MONITORING SYSTEM WITH THE CONCEPTUAL PLATFORM OF THE LABOR REMUNERATION SYSTEM IN INDUSTRIAL ENTERPRISES*Keywords: monitoring platform, non-payment of wages, architecture, complex monitoring indicator*

The purpose of this work is to conduct research on the integration of the methodology developed by the authors of the platform for monitoring labor remuneration with the conceptual platform of the labor remuneration system in industrial enterprises. Existing methods for monitoring non-payment of wages are based on collecting and processing information from statistical reports submitted by business entities. Information about the status of payments for wages is generated in the statistical bodies in General form and published in the form of tables, information and analytical reports. Financial, tax and statistical reports submitted by business entities to the Supervisory authorities are processed by each Supervisory authority separately, according to the methods established in organizations. The monitoring of remuneration by state control and regulatory bodies mainly concerns issues of remuneration in different areas of regional activity. Issues of remuneration

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-410-160019.

are closely related to legal aspects, so Federal Executive authorities and state authorities of the Russian Federation regions within their powers monitor law enforcement in the field of remuneration. The authors consider the existing scheme for transmitting financial, statistical and other information to regulatory authorities and propose a scheme for integrating the system for monitoring labor remuneration into the General scheme for transmitting enterprise reports to regulatory authorities. The General architecture of the remuneration monitoring system is presented, which uses the methodological provisions developed by the authors on the formation of monitoring indicators. The functions of the blocks of the remuneration monitoring system are described. The final result of monitoring labor remuneration is the calculation of a complex indicator by industry in the context of regions, on the basis of which a calculation and analytical matrix is formed. Some of the indicators that form a complex calculation and analytical indicator are introduced by regulatory authorities. Thus, the presented system combines controlling and regulatory bodies, audited business entities and employees of enterprises interested in solving problems of timely payment of labor into a single system.

Несвоевременная выплата заработной платы является одним из экономических индикаторов, сигнализирующих о проблемах в деятельности предприятия. В научной литературе проблемы невыплаты заработной платы не имеют широкого отклика. В основном рассматриваются различные критерии экономической безопасности, вопросы мониторинга социально-трудовой сферы [1-3]. Мониторинг оплаты труда затрагивается в рамках экономической безопасности региона, страны, где наряду с большим объемом показателей (индикаторов) безопасности региона определяются показатели, характеризующие несвоевременную выплату заработной платы. Практическое применение данных теоретических разработок воплощается на различных уровнях управления.

В частности, на законодательном уровне вводятся системы мониторинга оплаты труда в бюджетной сфере, представляющие собой программные продукты, позволяющие предприятиям вводить информацию о численности и размере заработной платы по категориям работников в конкретной организации. Например, на портале госорганов Тюменской области размещены инструкции по скачиванию программы, заполнению и передаче информации о численности и заработной плате по категориям работников [4]. Данная информация поступает в соответствующие ведомства, где на основе ее анализа принимаются соответствующие управленческие решения. В основном анализируемая информация включает результаты мониторинга размера заработной платы.

Информация о несвоевременной выплате заработной платы собирается посредством системы отчетности предприятий, на основе которой формируются статистические таблицы и составляются информационно-аналитические отчеты. Основными недостатками данных систем мониторинга информации является представление на выходе информации в очень обобщенном виде и отсутствии качественной оценки данной информации. Например, в ком-

плексном информационно-аналитическом докладе, опубликованном на портале Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан, информация о несвоевременных выплатах представлена по предприятиям и организациям, не являющимися субъектами малого предпринимательства:

- динамика суммарной просроченной задолженности по оплате труда предприятий в тыс. руб. по месяцам;

- просроченная задолженность по заработной плате по видам экономической деятельности в тыс. руб.;

- численность работников, перед которыми имелась просроченная задолженность по заработной плате [5].

Вопросы оплаты труда тесно связаны с правовыми аспектами. Качественная сторона информации по несвоевременной оплате труда должна быть связана с трудовым правом. Федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий проводится мониторинг правоприменения в сфере оплаты труда [6].

Авторами предложена и рассмотрена интеграция системы мониторинга оплаты труда на предприятиях в виде общей архитектуры, которая позволяет формировать информацию по состоянию с выплатами заработной платы. Новизна данной системы заключается в объединении в единую систему (синтезе) информации данных от предприятий, работников предприятий, контролирующих и регулирующих органов с возможностью обратной связи.

В условиях перехода страны к цифровой экономике комплексный мониторинг стимулирования и оплаты труда на предприятиях предполагает применение современных цифровых технологий. Использование и обработка больших объемов информации в режиме реального времени дает возможность получения полной информации о положении на промышленных предприятиях, в том числе в сфере оп-

латы труда. В настоящее время предприятия подают бухгалтерскую и статистическую отчетность в электронном виде. Укрупненно схема передачи информации представлена на рисунке 1.

Для формирования данных и работы системы комплексного мониторинга необходимо интегрировать в используемое программное

обеспечение блоки, позволяющие собирать информацию по предприятиям в разрезе отраслей и регионов. Обобщенная схема интеграции системы мониторинга оплаты труда в общую схему передачи отчетности через интернет представлена на рис.2.

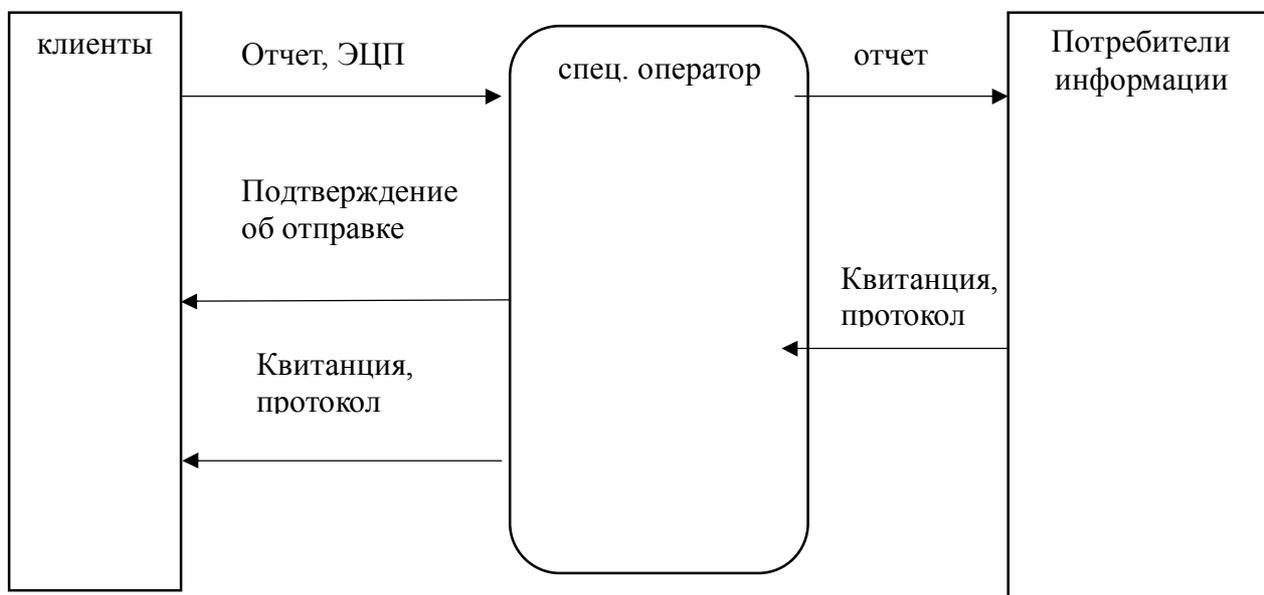

Рис. 1 – Схема передачи бухгалтерской и статистической отчетности в контролирующие органы

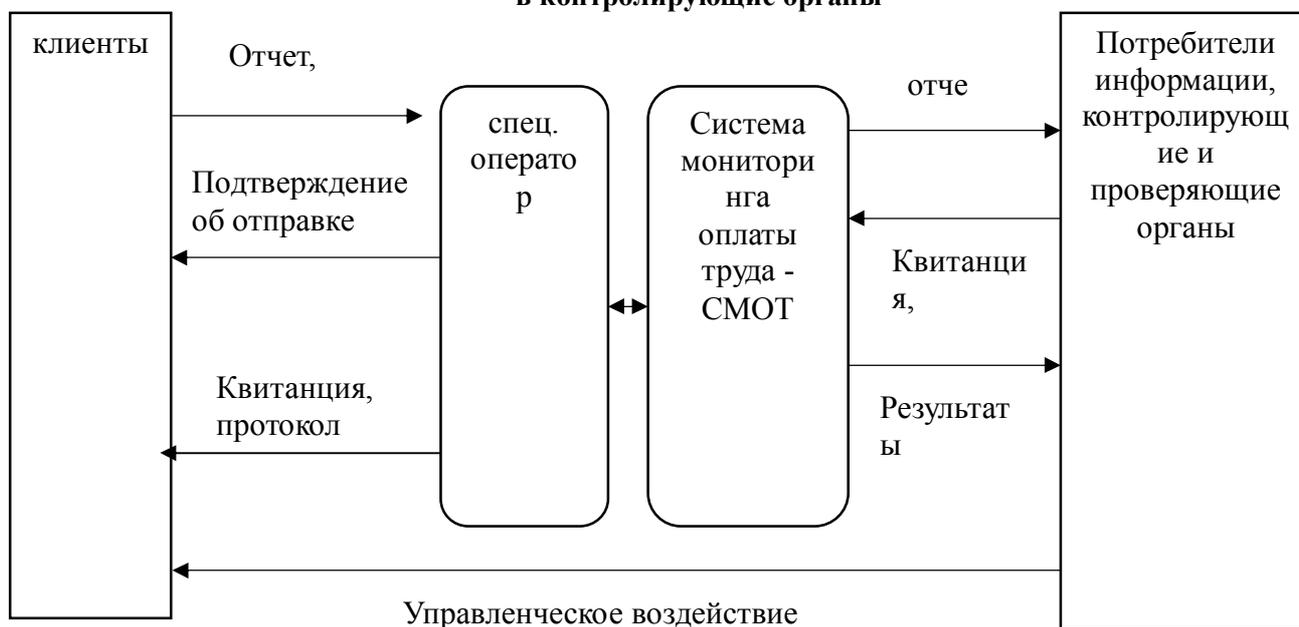

Рис. 2 – Схема интеграции системы мониторинга оплаты труда в общую схему передачи отчетности предприятий в контролирующие органы

В рамках настоящего исследования была разработана общая архитектура системы мониторинга оплаты труда, в которой используются разработанные авторами методические положения формирования показателей мониторинга. Также авторами разработаны и описаны

способы интеграции системы мониторинга оплаты труда в схему передачи отчетности в контролирующие органы.

Система мониторинга оплаты труда (СМОТ) либо встраивается в программное обеспечение контролирующих органов, либо

специальный оператор отправляет отчетность другому оператору, занимающемуся мониторингом.

Информация, формируемая в результате мониторинга, направляется всем заинтересованным лицам и используется для принятия управленческих решений соответствующих органов власти. Потребность в системе повысится, когда заинтересованные пользователи будут видеть конкретные мероприятия участников

мониторинга, соответственно повысится отдача инвестиций в данную систему. Авторами разработана и описана общая архитектура системы мониторинга оплаты труда.

Предложенная авторами система мониторинга оплаты труда предполагает взаимодействие, как пользователей, так и исполнителей процесса. В обобщенном виде архитектура системы мониторинга оплаты труда представлена в виде схемы (рис. 3).

Рис. 3 – Общая архитектура информационной системы мониторинга оплаты труда

Архитектура информационной системы (рис. 3) предполагает передачу пользователями информации по интересующим их вопросам и конкретным показателям.

В составе архитектуры системы мониторинга оплаты труда можно выделить следующие блоки:

1) Блок 1. Источники информации – обследуемые предприятия, которые через блок 3 и блок 5 получают доступ и вводят необходимую информацию в систему;

2) Блок 2. Пользователи (работники предприятий), которые через веб-интерфейс персонального компьютера или

мобильного устройства (смартфона, планшета) получают и отслеживают персональную информацию о поданных сведениях их работодателями, формируют запросы, заявления и прочее, пройдя последовательно блок 4 и блок 5.

3) Блок 3. Программный модуль, позволяющий предприятиям в лице работников, отвечающих за подачу сведений в контролирующие органы, подключаться к системе мониторинга оплаты труда.

4) Блок 4. Программный модуль, позволяющий работникам предприятий подключаться к системе мониторинга оплаты труда.

5) Блок 5. Модуль управления доступом к информации, в котором проводится проверка пользователей на уровень доступа к системе. Ответственные лица предприятий имеют право вводить и исправлять информацию. Работники предприятий могут: просматривать информацию, подаваемую работодателем (в пределах доступа); комментировать её; подавать жалобы в соответствующие органы.

6) Блок 6. Блок обработки информации, получаемой из разных источников (блока 3, блока 4, и др.), и формирования матрицы результатов мониторинга.

7) Блок 7. Блок ведения системных реестров, обработки справочников, формирования базы данных.

8) Блок 8. Программный модуль, позволяющий устанавливать связь с информационными системами потребителей информации, то есть контролирующими и регулирующими органами.

9) Блок 9. Потребители информации, которые через блок 8 и 5 получают доступ к необходимой информации на установленном для них уровне, а также вводят информацию, необходимую для формирования матрицы результатов мониторинга.

В более укрупненном виде последовательность прохождения исходной информации, ее обработка (мониторинг) и передача результатов пользователям может быть представлена в виде схемы комплексного анализа информации (рис. 4). Система комплексного анализа информации системы мониторинга оплаты труда и оценки результатов, представленная на рисунке 4, включает 4 этапа (модуля).

1. Получение информации (события). Обработка поступающей информации в виде, используемом для проведения выборки необходимой информации из подаваемой отчетности.

2. Классификация события (информации). Модуль является необходимым средством при сборе больших объемов информации, что позволяет организовать ее хранение, поиск и обработку для определения значений комплексного показателя мониторинга отплаты труда при использовании (табл.1).

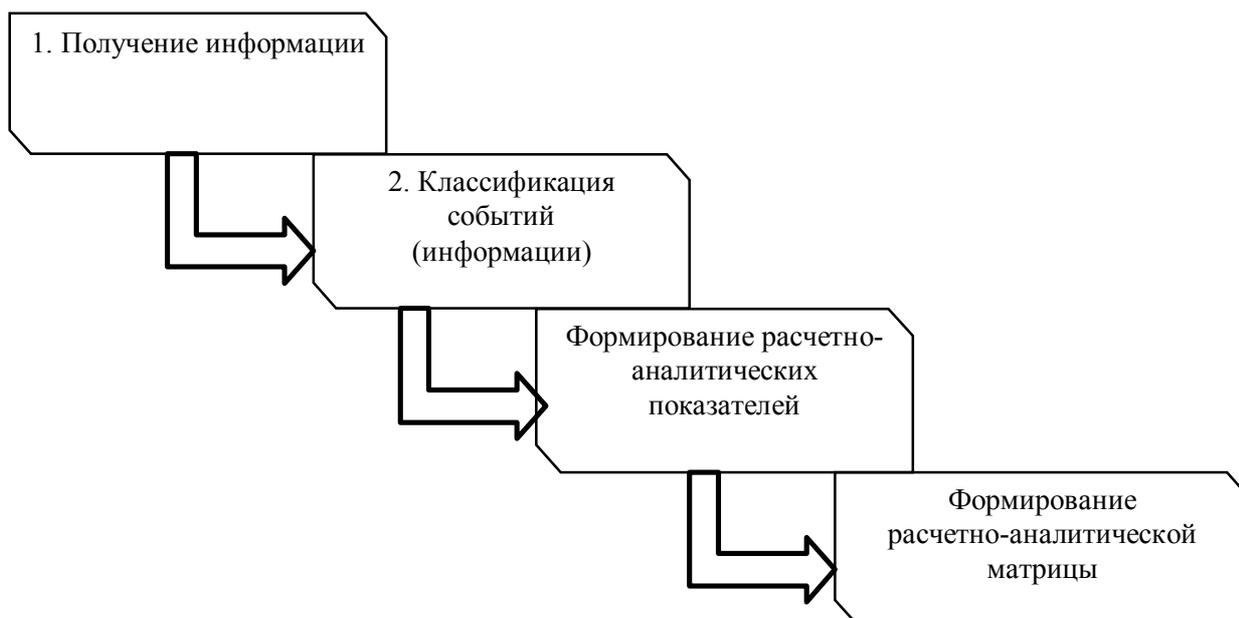

Рис. 4 – Схема комплексного анализа информации

Таблица 1 – Информация по видам событий и последовательность формирования комплексного показателя мониторинга оплаты труда

Признаки классификации событий в разрезе предприятий, отраслей деятельности, региона (субъекта) РФ (виды событий)	Этапы формирования показателей в разрезе предприятий, отраслей деятельности, региона (субъекта) РФ
Дата события	1. Сбор показателей по отдельному предприятию для определения расчетно-аналитического показателя
Источник события	2. Расчет комплексного расчетно-аналитического показателя по предприятию
Оценка события (норма или отклонение)	3. Определение уровня опасности – формирование оповещения контролирующим органам
Дополнительная информация	4. Анализ дополнительной информации

3. Формирование расчетно-аналитических показателей мониторинга оплаты труда.

4. Формирование расчетно-аналитической матрицы в платформе мониторинга оплаты труда. Объединение процесса расчета комплексного показателя на основе расчетов аналитических показателей отрасли, соответствующего региона.

Платформа мониторинга оплаты труда имеет два уровня:

- микроуровень – мониторинг оплаты труда на предприятия;
- макроуровень – мониторинг оплаты труда в отрасли, регионе, стране в целом.

На микроуровне предприятие проводит внутренний мониторинг оплаты труда, отслеживает уровень оплаты труда, выявляет нарушения в сфере оплаты труда. В случае отклонений от заданных внутренних и установленных законодательством показателей, на предприятии применяются меры регулирующего и контролирующего воздействия. Например, корректируется система мотивации персонала, что оказывает влияние на уровень заработной платы [7]. Затем определяются первичные критерии мониторинга оплаты труда, которые передаются по системам связи в центр мониторинга. В рамках мониторинга рассчитываются обобщенные первичные показатели, комплексные показатели мониторинга, формируется матрица мониторинга и определяется рейтинг предприятия в отрасли и регионе. По обратной связи предприятие может получить информацию о своем рейтинге в отрасли, регионе, а также зоне, в которую оно попадает.

Макроуровень мониторинга оплаты труда – это формирование матрицы результатов мониторинга по отраслям в разрезе регионов, а также по запросу заинтересованных и имеющих доступ пользователей. Матрица результатов мониторинга оплаты труда включает два

показателя: комплексный показатель Z_p его изменение ΔZ_p . На основании значений комплексного показателя формируется рейтинг субъектов и отраслей. Исходя из динамики комплексного показателя, формируются рекомендации по результатам мониторинга. На основе данной информации можно судить об экономическом состоянии предприятий отдельных отраслей региона и о результативности принятых ранее управленческих решений контролирующих и регулирующих органов. Динамику значения комплексного показателя отражает показатель ΔZ_p , который рассчитывается как темп роста показателя Z_p .

Таким образом, задача мониторинга оплаты труда значительно облегчает сведение информации по отдельным территориям и отраслям в единый реестр, способствует росту управляемости процессами формирования заработной платы со стороны ведомств.

Преимущества данной платформы в ее универсальности. В данную систему мониторинга можно включить дополнительные процессы, информацию, связи и другие процессы, сами объекты, субъекты бизнеса и особенности их взаимодействия.

Данная платформа является концептуальной основой для составления технического задания на создание информационной системы. Для программного продукта системы мониторинга оплаты труда необходимо определить его характеристики, описать интерфейсы, структуру хранения данных, архитектуру программного продукта.

Система мониторинга оплаты труда является системой целевого назначения, учитывающей этапы жизненного цикла разработки продукта, услуги. Для такого типа программного обеспечения обязательно наличие модуля планирования, тестирования и контроля изменений. Тип программного обеспечения определяет также формальную процедуру внедрения и доступа клиентов [8]. В связи с этим, необхо-

дима высокая проработка технического задания, а также анализ требований для его разработки.

Цель системы мониторинга и оценки оплаты труда состоит не в создании больших объемов информации о показателях работы предприятий, регионов, и оценки результатов мониторинга, а в активном использовании любой имеющейся информации в государственном управлении.

Применение предложенной авторами системы мониторинга оплаты труда с возможностью привязки к серверу гос. услуг позволит формировать комплекс мероприятий по выработке своевременных управленческих воздействий с целью снижения уровня невыплат заработной платы. Интеграция данной системы в общую платформу мониторинга позволит улучшить экономическую и правовую ситуацию в регионах, отраслях промышленности, при условии реализации соответствующих мероприятий,

сформированных на основе результатов мониторинга оплаты труда. Результаты мониторинга будут служить наглядным средством отображения ситуации с просроченной задолженностью по оплате труда. Платформа мониторинга, в свою очередь, позволит отслеживать возможные проблемы с невыплатами, выявлять причины их возникновения, быстро и адекватно реагировать соответствующим органам для устранения проблем.

Проведенные исследования в правовой области позволяют сделать вывод о необходимости поддержания тесной систематической информационной связи между органами прокуратуры, Следственного комитета РФ, федеральной службы по труду и занятости о лицах, привлеченных (привлекаемых) к административной, уголовной ответственности за невыплату заработной платы.

Литература

1. Батиевская В. Б. Сравнительная оценка национальной безопасности России на современном этапе // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2019. № 2 (26). С. 31-36.
2. Малышев М. Л., Пахомов В. Н. Мониторинг как инструмент управления социально-трудовой сферой // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2008. № 2 (58). С. 6-12.
3. Перекаренко Ю. А., Крышка В. И. Минимальная заработная плата и прожиточный минимум в российской экономике: теоретический и эмпирический анализ основных тенденций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 210-224.
4. Портал органов государственной власти Тюменской области. URL: https://admtumen.ru/ogv_ru/society/social_policy/life_level/more.htm?id=11413958%40cmsArticle (дата обращения 20.06.2020).
5. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики Республики Татарстан/. URL: http://tatstat.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/ru/publications/official (дата обращения 18.06.2020).
6. Правительство России. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/595/events/> (дата обращения 18.06.2020).
7. Надреева Л. Л., Абрамов В. А. Обеспечение сбалансированности системы мотивации как условие эффективности бизнеса // Научное обозрение: теория и практика. 2018. № 12. С. 58-66.
8. Совершенный код. Мастер-класс / Пер. с англ. М.: Издательство «Русская редакция», 2017. 896 с.

Сведения об авторах:

©**Мингалеев Газиз Фуатович** – доктор экономических наук, профессор, Казанский национальный исследовательский технический университет (КНИТУ-КАИ), Российская Федерация, Казань, e-mail: mingaleevgaziz@yandex.ru.

©**Никифоров Н. Ю.** – аспирант кафедры экономики и управления на предприятии, Казанский национальный исследовательский технический университет (КНИТУ-КАИ), Российская Федерация, Казань, e-mail: kafedra@eupkai.ru.

©**Бабушкин Виталий Михайлович** – кандидат экономических наук, доцент, Казанский национальный исследовательский технический университет (КНИТУ-КАИ), Российская Федерация, Казань, e-mail: babushkinV@yandex.ru.

©**Богоявленская Елена Евгеньвна** – старший преподаватель кафедры экономики и управления на предприятии, Казанский национальный исследовательский технический университет (КНИТУ-КАИ), Российская Федерация, Казань, e-mail: kafedra@eupkai.ru.

Information about the authors:

©**Mingaleev Gaziz Fuatovich** – Doctor of Economics, Professor, Kazan National Research Technical University (KNRTU-KAI), Russian Federation, Kazan, e-mail: mingaleevgaziz@yandex.ru.

©**Nikiforov N. Yu.** – Postgraduate student of the Department of Economics and Enterprise Management, Kazan National Research Technical University (KNRTU-KAI), Russian Federation, Kazan, e-mail: kafedra@eupkai.ru.

©**Babushkin Vitaly Mikhailovich** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Kazan National Research Technical University (KNRTU-KAI), Russian Federation, Kazan, e-mail: babushkinV@yandex.ru

©**Bogoyavlenskaya Elena Evgenvna** – Senior Lecturer, Department of Economics and Enterprise Management, Kazan National Research Technical University (KNRTU-KAI), Russian Federation, Kazan, e-mail: kafedra@eupkai.ru.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.356.4

Р. И. Зинурова

МОЛОДАЯ СЕМЬЯ В ТАТАРСТАНЕ: СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ, МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-011-00981**

Ключевые слова: социология семьи, молодая семья, социальное самочувствие, межэтнические отношения, репродуктивное поведение

В социологической науке семья рассматривается как естественная и первичная среда существования человека. Семья сохраняется и в институциональном, и в функциональном, и в ценностном аспектах. Проведенные нами исследования показывают, что среди студенчества Республики Татарстан ориентация на создания семьи выступает одной из основополагающих жизненных ценностей для 72 % молодых людей. В полиэтничной республике, коей является Татарстан, проблематика межэтнических отношений не может не влиять на социальное самочувствие молодых семей. Так почти трети не хватает уверенности, что не будет межнациональных конфликтов, правда треть считает наоборот, что ситуация в этом плане стабильна. Очень важная составляющая социального самочувствия – доверие и взаимопонимание с близкими. Исследование показало, что имеется определенный дефицит доверия и сочувственного отношения окружающих людей, что волнует молодые семьи. Демография – одна из важнейших проблем современной России. Результаты анализа демографов не позволяют рассчитывать на заметный рост количества детей в молодых семьях, учитывая, что большинство женщин в Татарстане не ориентируются на многодетность. В нашем исследовании проявилась тенденция, что не более половины молодых семей планируют заводить детей в ближайшее время. Выявлена также зависимость репродуктивных намерений молодых семей и уровня их дохода. Мониторинговые исследования индекса социального самочувствия молодых семей позволят осуществлять научно-обоснованную семейную политику и принимать более «зрячие» управленческие решения.

R. I. Zinurova

YOUNG FAMILY IN TATARSTAN: SOCIAL WELLBEING, INTER-ETHNIC RELATIONS, REPRODUCTIVE BEHAVIOR

Key words: sociology of family, young family, social well-being, inter-ethnic relations, reproductive behavior

In social sciences, the family is considered as the natural and primary environment of human existence. The family is preserved, both in its institutional, functional, and value aspects. Our research shows that among the students of the Republic of Tatarstan, family orientation is one of the fundamental values of life for 72 % of young people. In a multi-ethnic Republic, which is Tatarstan, the problems of inter-ethnic relations do affect the social well-being of young families. Almost a third of respondent feels lack of confidence that there will be no inter-ethnic conflicts, but a third believes on the contrary that the situation in this regard is stable. A very important component of social well – being is trust and mutual understanding with your loved ones. Research has shown that there is a deficit of trust and empathy among people around them, which worries young families. Demography is one of the most important problems of modern Russia. The results of the demographic analysis do not allow us to expect a noticeable increase in the number of children in young families, given that the majority of women in Tatarstan do not focus on having many children. We found out a trend that no more than half of young families plan to have children in the near future. The relationship between the reproductive intentions of young families and their income level was also revealed. A qualitative study was carried out as part of the RFBR project No. 18-011-00981 «Social mapping of ethno-confessional and migration risks of modern urban agglomeration».

В академическом и медийном дискурсах российских исследователей сложилась очень точная формулировка, отражающая сущностную характеристику семьи как важного социального института общества, «как важнейшей ячейки», образующей всю «социальную ткань» общества. Изучению различных социальных процессов, встроенных в жизнедеятельность семьи, с фокусом на гендерные и возрастные особенности, посвящены работы сотрудников нашего региона [1,2,3].

Семья рассматривается как естественная и первичная среда существования человека. Несмотря на многочисленные эксперименты за тысячелетия развития цивилизации, семья сохранилась и в институциональном, и в функциональном, и в ценностном аспектах. Социологические исследования ВЦИОМ в 2020 году показывают, что «наиболее значимыми сторонами жизни наших соотечественников остаются здоровье (их собственное и их близких) – 99 %, отношения в семье (98 %) и безопасность (97 %)» [4].

По данным Фонда «Общественное мнение» на вопрос: «Что из перечисленного на сегодняшний день для вас наиболее важно? (выберите не больше трех позиций) в 2016 году 75 % опрошенных молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет на первое место поставили «Взаимопонимание, хорошие отношения в семье», для сравнения ответ «Интересная работа, профессиональное развитие» занял четвертое место [5]. Кстати, наличие семьи занимает первое из ТОП-5 факторов счастья согласно мониторингу ВЦИОМ 2017 года [6].

Проведенные нами исследования показывают, что среди студенчества Республики Татарстан ориентация на создания семьи выступает одной из основополагающих жизненных ценностей для 72 % молодых людей (N=1000).

Молодежный возраст, хотя его границы имеют тенденцию к расширению, все же является наиболее типичным для создания семей. Сам термин молодая семья вне академического дискурса имеет в настоящее время, скорее, экономико-правовое понимание, что отражает господство функционалистско-демографического понимания «молодежи» как социальной группы, находящейся в стадии социализации и, соответственно, претендующей на различные льготы. Так, например, согласно программе льготного кредитования «**Молодая семья**» в соответствии с требованиями Сбербанка России, **молодая семья** - это семья, в которой хотя бы одному из супругов менее 35 лет [7].

Для льготной ипотеки в Татарстане участником программы «Обеспечение жильем

молодых семей в Республике Татарстан» может быть **молодая семья**, в которой возраст супругов не превышает 30 лет [8].

В Законе Республики Татарстан от 19 октября 1993 года № 1983-ХП «О молодежи и государственной молодежной политике в Республике Татарстан», отмечается, что «молодая семья – это семья в первые три года после заключения брака, зарегистрированного в соответствии с законодательством (в случае наличия в семье ребенка – вне зависимости от продолжительности брака), в которой один из супругов не достиг возраста 30 лет, а также неполные семьи с детьми, в которых мать или отец не достигли возраста 30 лет» [9].

Из приведенных данных следует, что понимание и законодателей, и «банкиров» однозначно совпадает в своей демографической и функционалистской трактовке, и ограничивает понятие «молодая семья» принадлежностью к возрастной группе, где хотя бы один из супругов моложе или достиг 30 лет или является не старше 35 лет (согласно пониманию Сбербанка РФ).

Это учитывалось нами в проведенном пилотажном исследовании (N=400), проведенном в 2019 году, в фокусе которого было социальное самочувствие молодых семей Республики Татарстан. Размер выборки не достаточно большой, но в рамках пилотажного исследования вполне допустим, и позволяет зафиксировать некоторые значимые тенденции в социальном самочувствии молодых семей. Среди параметров, которые брались во внимание на основе авторской методики расчета индексов социального самочувствия (А. Р. Тузиков, Р. И. Зинурова, С. А. Алексеев) [10] важное внимание уделялось шкалам достаточности\недостаточности того или иного фактора социального самочувствия. Применительно к теме данной статьи речь идет о межэтнических отношениях, возможности приобщения к культуре своих предков, удовлетворенностью взаимоотношениями в семье и о репродуктивных планах семьи.

Однако, несмотря на рост количества заключенных семейных союзов в Татарстане, число разводов на 1000 заключенных браков не вызывает оптимизма (по оценкам тогдашней главы республиканского ЗАГС А. Шавалеевой доля разводов в 2017 году превысила 50 %) [11]. На сохранность семей, безусловно, влияют и факторы социального самочувствия. Поэтому мониторинг социального самочувствия, прежде всего, молодых семей имеет не только научное, но и важное практическое значение.

Стабильность в межэтнических отношениях в Республике Татарстан не в последнюю

очередь обеспечивается и комплиментарными отношениями между коренными этническими группами населения республики, которые выражены, в том числе и в сложившейся практике межэтнических браков. В Республике Татарстан, по данным различных исследований, около 20 и более процентов заключенных браков являются межэтническими, но в рамках как уже отмечалось коренных этнических групп населения, а не с иностранцами (Ч. И. Ильдарханова). Согласно исследованию Центра демографии семьи АН РТ в 2020-м одобрение

и поддержку такие браки нашли у 67 процентов татарстанцев, а негативно настроены по отношению к ним 17 процентов. Оставшиеся 13 процентов полагают, что имеет значение, какие именно национальности создают семью. Более положительный настрой в отношении межнациональных браков проявляют, что интересно женщины [12].

Опрошенные нами молодые семьи характеризовались следующими показателями (рис.1):

Рис. 1 – Национальность (Этничность)

Как явствует из диаграммы, 42,3 % опрошенных молодых семей оказались смешанными в плане этнической принадлежности, доля «чисто» русских семей составила – 31 %, а доля «чисто» татарских 23,2 %.

В полиэтничной республике, коей является Татарстан, тематика межэтнических отношений не может не влиять на социальное самочувствие молодых семей. Так почти трети не хватает уверенности, что не будет межнациональных конфликтов, правда треть считает наоборот, что ситуация в этом плане стабильна. Но в любом случае, желательно чтобы доля уверенных в стабильности межэтнических отношениях росла (рис. 2).

Важное значение придается молодыми семьями взаимопониманию между людьми разных национальностей (этнической принадлежности). Почти 60 % опрошенных членов молодых семей удовлетворены нынешним состоянием взаимопонимания. Доля не удовлетворенных не превышает 15 %. Несколько настораживает сравнительно большая доля затруднившихся с однозначным ответом, что можно интерпретировать как наличие проблем, но не явно выраженных (рис.3). Для большинства (почти 60 %) хватает возможностей приобщаться к своей национальной культуре и вполне хватает возможностей для знания своего родного языка (76,1 %) (рис.4).

Рис. 2 – Межнациональные конфликты

Рис. 3 – Удовлетворенность взаимопониманием между людьми разной национально-этнической принадлежности

Рис. 4 – Удовлетворенность возможностями приобщаться к родной культуре

Сложный и приобретший политическое звучание вопрос о языках в Татарстане, согласно нашему исследованию, показывает, что для 15,5 % опрошенных молодых семей характерна неудовлетворенность знанием родного языка, и это сказывается на их социальном самочувствии. Но нельзя не отметить, что большинство – 76,1 % отмечают в этом вопросе удовлетворенность, что говорит, скорее о том, что данная проблема требует спокойного и вдумчивого от-

ношения при поиске решений, без излишней экзальтации и политизации (рис.5). Привычная формула при измерении уровня социального самочувствия в семье, ее высший показатель – это ощущение счастья. Не вдаваясь в детали трактовки понятия «счастье», мы отталкивались от идеи попытаться зафиксировать субъективные ощущения уровня «счастья» в молодых семьях Татарстана (рис. 6).

Рис. 5 – Удовлетворенность знанием родного языка

Рис. 6 – Наличие счастья в семейной жизни

Как ни парадоксально, на первый взгляд, но для 81,7 % опрошенных в их семьях «счастья» вполне хватает, а дефицит его в той или иной мере испытывают 17,7 %. Конечно, в данном вопросе требуются более детальные исследования и, главное, мониторинговые исследования, ведь уровень счастья величина переменная и колеблющаяся. В 2016 году Мониторинговое агентство NewsEffector совместно с Фондом региональных исследований «Регионы России» провело исследование «Индекс счастья российских городов», согласно которому уровень материального благосостояния является важным, но, вместе с тем, не решающим фактором, влияющим на счастье россиян. Согласно этому исследованию, Казань заняла по уровню «счастья» 3 место в России после Грозного и Тюмени [13].

Учитывая эти данные, результаты нашего исследования не должны восприниматься как слишком оптимистичные. Добавим, что мы проводили исследование в «докарантинную эпоху».

Значимость наличия любви в семье, в культуре нашей страны принято оценивать очень высоко. Исследование показало, что в большинстве молодых семей с этим все в порядке, до 84 % заявили, что с этим в их семьях проблем нет (рис. 7). Очень важная составляющая социального самочувствия – доверие и взаимопонимание с близкими. Исследование показало, что имеется определенный дефицит доверия и сочувственного отношения окружающих людей, что волнует молодые семьи (рис. 8).

Рис. 7 – Любовь в семье

Рис. 8 – Удовлетворенность уровнем доверия с окружающими

Тех, кто удовлетворен уровнем доверия в отношениях с окружающими людьми, не набирается и 50 % (44.4 %). В целом это характеризует общую ситуацию в стране, что негативно сказывается на развитии человеческого и социального капитала России. Так в 2020 году, согласно исследованию Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, четверть респондентов (26 %), заявили, что большинству людей можно

доверять. Однако 67 % высказались в пользу того, что «в отношениях с людьми следует быть осторожными» [14].

Демография – одна из важнейших проблем современной России. В этом плане именно репродуктивное поведение молодых семей играет очень большое значение. Среди опрошенных нами молодых семей 40,8 % составили семьи с 1 ребенком, 22,5 % - семьи с 2 детьми и 33,6 % - семьи, не имеющие пока детей (рис. 9).

Рис. 9 – Наличие детей в семье

Конечно, подобные цифры не могут вызывать оптимизм, особенно в свете демографических прогнозов указывающих на то, что

в «ближайшие три года значительно снизится число женщин репродуктивного возраста» [15]. Поэтому репродуктивные намерения молодой

семьи, на наш взгляд, играют крайне значимую роль для судеб страны (рис. 10). Только 50,7 % молодых семей планируют иметь детей в ближайшее время, а почти 30 % (!) не планируют, около 20 % еще не определились. Таким образом, трудно рассчитывать на заметный рост количества детей в молодых семьях, учитывая, что большинство женщин в Татарстане ориентируются на многодетность. По данным, уже

упоминавшийся Ч. И. Ильдархановой, только «третья часть женщин репродуктивного возраста считают возможным родить более чем двоих детей [15]. Исследование показало корреляцию репродуктивных намерений молодых семей и уровня их дохода. Так из Диаграммы 8 видно, что репродуктивные намерения выше у семей с доходом выше среднего, хотя доля таких семей не превышает 19 % (рис. 11).

Рис. 10 – Планирование рождения детей

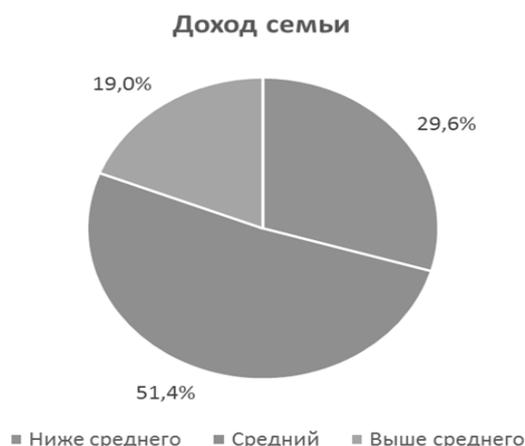

Рис. 11 – Доходы молодых семей

В основу распределения семей по уровню доходов была положена методика ВЦИОМ, фиксирующая субъективную оценку своего материального положения на основании возможностей осуществить тот или иной объем трат, покрывающих текущие потребности семьи.

Проведенные исследования подтверждают важность и необходимость мониторин-

говых исследований молодых семей, как первичных ячеек социума, от социального самочувствия, которых зависит и воспроизводство населения, и качество человеческого потенциала страны, и, в конечном счете, безопасность нашей Родины.

Литература

1. Зинурова Р. И. Этнокультурные и конфессиональные особенности репродуктивного поведения женщин как фактор устойчивого развития регионов Российской Федерации // SocioTime. Социальное время. 2016. № 4 (8). С. 64-71.
2. Зинурова Р. И. Актуальная молодежная повестка дня в Республике Татарстан // Управление устойчивым развитием. 2019. № 6 (25). С. 57-62.
3. Тузиков А. Р., Зинурова Р. И. Региональные особенности гражданской идентификации в республике Татарстан: опыт социологического исследования // Управление устойчивым развитием. 2019. № 1 (20). С. 48-54.
4. ВЦИОМ. Данные опросов. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10318> (дата обращения 20.06.2020).
5. Ориентиры и ценности молодых россиян. Что важно для молодых? URL: <https://fom.ru/TSennosti/13083> (дата обращения 10.06.2020).
6. ВЦИОМ. URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/religion-lifestyle/moral-relations/article/schaste-v-rossii-monitoring.html> (дата обращения 20.06.2020).
7. Кредит в Сбербанке. Программа «Молодая семья». URL: <https://www.ipotek.ru/sberms>.
8. <https://prav.tatarstan.ru/index.htm/faq/show/3442.htm> (дата обращения 10.06.2020).
8. Электронный ресурс. URL: prav.tatarstan.ru/index.htm/faq/show/3442.htm (дата обращения 10.06.2020).
9. О молодежи и государственной молодежной политике в Республике Татарстан (с изменениями на: 30.06.2018). URL: <http://docs.cntd.ru/document/917000266> (дата обращения 10.06.2020).
10. Саенко Л. А., Тузиков А. Р., Зинурова Р. И., Алексеев С. А. Социальное самочувствие молодежи регионов России: монография. Казань: Изд-во ф КНИТУ, 2017. 148 с.
11. Газета «Реальное время». URL: <https://realnoevremya.ru/articles/86863-v-tatarstane-rastet-chislo-brakov-i-razvodov-rozhdaemost-vniz> (дата обращения 08.06.2020).
12. Ильдарханова Ч. И. «Российские мужчины – это боль демографии». URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/474418> (дата обращения 08.06.2020).
13. Индекс счастья в Татарстане. URL: <https://vestikamaza.ru/posts/indeks-schastya-v-tatarstane> (дата обращения 08.06.2020).
14. Изменилось ли доверие в российском обществе во время пандемии? URL: <https://www.finam.ru/analysis/newsitem/izmenilos-li-doverie-v-rossiyskom-obshestve-vo-vremya-pandemii-20200524-13000> (дата обращения 08.06.2020).
15. Ильдарханова Ч. И. «Российские мужчины – это боль демографии». URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/474418> (дата обращения 08.06.2020).

Сведения об авторе:

©**Зинурова Раушания Ильшатовна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института управления инновациями, зав. каф. менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, rushazi@rambler.ru.

Information about the author:

©**Zinurova Raushanya Ilshatovna** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Institute of Innovation Management, The Head for the Department of Management and Entrepreneurship, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: rushazi@rambler.ru.

УДК 316.356.4

А. Р. Тузиков

МОЛОДАЯ СЕМЬЯ: СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-011-00981

Ключевые слова: социология семьи, молодая семья, социальное самочувствие, общественно-политические процессы

В России ценность и социальная значимость семьи, за исключением краткого периода после революции 1917 года, не подвергались и не подвергаются сомнению. Учитывая, что большая часть брачного и демографического поведения приходится на молодые семьи, которыми в официальном дискурсе считаются семьи, где один из супругов не старше 30 или 35 лет, именно молодые семьи являются предметом особого внимания со стороны государства. Молодые семьи являются получателями различных льгот и преференций. Вместе с тем, принимая во внимание значимость института семьи не только для воспроизводства, населения и его социализации, но и важности экономических, политических и культурных функций семьи, целесообразно ставить вопрос о необходимости мониторинга индекса социального самочувствия молодой семьи. Интегральный индекс социального самочувствия (ИСС), разработанный авторским коллективом (А. Р. Тузиков, Р. И. Зинурова, С. А. Алексеев) позволяет комплексно рассматривать динамику социального самочувствия молодых семей с учетом материальных, культурных, общественно-политических факторов. В данной статье приводятся результаты пилотажного исследования относительно значимости общественно-политических факторов для социального самочувствия молодых семей в Республике Татарстан. Среди общественно-политических факторов социального самочувствия по значимости лидируют «наличие стабильности в государстве и обществе» и «уверенность в том, что ситуация в стране будет улучшаться». Это значимо в среднем для 60 с лишним процентов респондентов. Политические идеалы, права человека, общие ценности, политические свободы волнуют примерно 40 % членов молодых семей. А для трети респондентов эти факторы не входят в число существенно значимых для их жизни. Но, в любом случае, исследование позволяет утверждать, что общественно-политические факторы приобрели заметное значение в социальном самочувствии семейной молодёжи.

A. R. Tuzikov

YOUNG FAMILY: SOCIAL WELL-BEING AND SOCIO-POLITICAL PROCESSES (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

Key words: sociology of family, young family, social well-being, socio-political processes

In Russia, the value and social significance of the family, with the exception of a brief period after the revolution of 1917, has not been questioned. Given that most of the marital and demographic behavior occurs in young families, which in official discourse are considered families where one of the spouses is not older than 30 or 35 years, it is young families that are the subject of special attention from the state. Young families are recipients of various benefits and preferences. At the same time, taking into account the importance of the family institution not only for reproduction, population and its socialization, but also thinking over the importance of economic, political and cultural functions of the family, it is advisable to raise the question of the need to monitor the index of social well-being of a young family. The integral index of social well-being developed by the author's team (A. R. Tuziko., R. I. Zinurova, S. A. Alekseyev) allows us to comprehensively consider the dynamics of social well-being of young families, analysing material, cultural, socio-political factors with the help of scales. This article presents the results of a pilot study on the significance of socio-political factors for the social well-being of young families in the Republic of Tatarstan. Among the socio-political factors of social well-being, the most important are «the stability in the state and society» and «confidence that the situation in the country will improve». About 40 % of young family members are concerned about political ideals, human rights, shared values, and political freedoms. A for a third of respondents, these factors are not considered essential to their lives. But in any case, the study suggests that socio-political factors have become significant in the social well-being of family youth. A qualitative study was carried out as part of the RFBR project No. 18-011-00981 «Social mapping of ethno-confessional and migration risks of modern urban agglomeration».

Семья на протяжении тысячелетий выступает как важнейший социальный институт общества, выполняющий целый ряд жизненно-необходимых функций, начиная от воспроизводства человека и его социализации до культурных, экономических и политических функций [1]. Не случайно, так популярна трактовка социальной сущности семьи в качестве «ячейки общества». В Европейских странах долгое время доминировал социально-политический подход, акцентирующий тот факт, что «семья является наиболее важной функциональной единицей общества и способом связи между поколениями» [2, С. 68]. В настоящее время под воздействием нелиберального и левацкого дискурсов в странах ЕС происходит отход от традиции, но, все же, сохраняется принцип государственной и общественной заботы о детях и гарантиях прав супругов, что в любом случае говорит о понимании социальной значимости института семьи. В странах ЕС, где сильны позиции католической церкви, семейная политика ориентирована на поддержание традиционной модели семьи и ее защиты от отрицательных влияний извне (Ирландия, Польша, Словения). Например, конституция Словении «защищает семью, материнство, отцовство, детей и юношество, а также создает для этой защиты необходимые условия (ст. 53) [3].

В России ценность и социальная значимость семьи, за исключением краткого периода после революции 1917 года, не подвергались сомнению. В Конституции СССР 1977 года защита интересов семьи была зафиксирована в ч. 1 ст. 53 [4].

В новой редакции Конституции РФ от 4 июля 2020, с поправками, которые поддержали 77,92 процента проголосовавших россиян (в Татарстане 82,8 %), в ст. 72 государство берет на себя ответственность не только за защиту «семьи, материнства, отцовства и детства», но определяет «институт брака как союза мужчины и женщины». Кроме того, в обязанность государства входит теперь и «создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях» [5]. Можно сказать, что в данном вопросе в нашем обществе наблюдается выраженный консенсус.

О ценности семейного благополучия для граждан нашей страны говорят и замеры общественного мнения. Так, в марте 2020 Фондом Общественное Мнение на репрезентативной выборке в 1500 респондентов – жителей 104 городских и сельских населенных пунктов в 53 субъектах РФ было проведено исследование ценностных ориентаций россиян. Первое

место безоговорочно принадлежит ценности **«Взаимопонимание, хорошие отношения в семье»**. Причем, что интересно это практически одинаково оценили представители всех возрастных групп - 18–30 лет (68 %), 31–45 лет (70 %), 46–60 лет (63 %), старше 60 лет (66 %) [6].

Среди ценностей студенческой молодежи в Республике Татарстан, согласно нашему исследованию 2018 года, для 69 % опрошенных на первом месте оказалась именно семья (N=1500 студентов высших учебных заведений).

Согласно данным Росстата, о числе браков и разводов за январь-декабрь 2019 года и за 2018 год по субъектам Российской Федерации, в 2019 году было заключено на 24 тыс. больше браков, чем годом ранее. Число регистраций браков достигло почти 917 тыс. Количество разводов в 2019 году уменьшилось до 528 тыс., что на 56 тыс. меньше, чем в прошлом году.

По данным заведующей лаборатории количественных методов исследования регионального развития РЭУ имени Г. В. Плеханова Е. Егоровой: «Новые семьи сейчас активно создают молодые люди в возрастной группе 25-29 лет – отголоски последнего советского бэби-бума. Этим и объясняется некоторый рост числа браков» [7].

И хотя по данным Росстата, в январе-апреле 2020 года в России произошло снижение числа браков на 12,3 % год к году: за первые четыре месяца текущего года в РФ зарегистрировано почти 190,5 тысячи браков против 217,1 тысячи за аналогичный период прошлого года. Что касается разводов, то их число в январе-апреле снизилось на 22,1 % в годовом выражении (155,8 тысячи разводов за первые четыре месяца 2020 года против 199,9 тысячи в январе-апреле 2019 года) [7].

Несмотря на не очень позитивную динамику браков/разводов в 2017-2018 гг., Татарстан оказался на девятом месте в рейтинге регионов России с самыми крепкими браками. В среднем на один развод в республике приходится 1,99 браков. Лучшим регионом по этому показателю стала Чечня – 6,73 браков на 1 развод, второе место заняла Ингушетия – 5,15 браков. В тройку рейтинга вошла республика Тыва, где на 1 развод приходится 3,99 браков [8].

Особое внимание в реализации семейной политики уделяется молодым семьям. Именно эти семьи одновременно и сами находятся в процессе социализации, и уже являют собой институт, призванный осуществлять социализирующие функции для своих детей, и являться хозяйственной и социальной единицей. Молодые семьи в Республике Татарстан (согласно

Закону Республики Татарстан от 19 октября 1993 года № 1983-ХП «О молодежи и государственной молодежной политике в Республике Татарстан», – это семьи в первые три года после заключения брака, зарегистрированного в соответствии с законодательством (в случае наличия в семье ребенка – вне зависимости от продолжительности брака), в которой один из супругов не достиг возраста 30 лет, а также неполные семьи с детьми, в которых мать или отец не достигли возраста 30 лет). В основу такого деления положен социально-демографический подход, отталкивающийся от семейного статуса и возраста. Анализ демографических параметров населения Татарстана показывает, что наряду с трудностями материального характера (жилье, доход, занятость), имеется целый ряд и объективных сложностей, связанных с половой структурой населения. Так, если посмотреть на соотношение численности мужчин и женщин, то на 1000 юношей 15-19 лет в 2015 было – 987 девушек, в 2016-984, в 2017-983, в 2018 – 982, в 2019 году уже 980. Налицо отрицательная динамика, что, безусловно, скажется при выборе брачных партнеров. В категории 20-24 года наблюдается иная картина – там женщин больше чем мужчин данного возраста на 50-40 человек. В возрасте 25-29 лет вновь наблюдается небольшой, но дефицит женщин. А если принять во внимание, что смертность среди мужчин превышает смертность среди женщин, то вполне логично выглядит идея принятия специальных мер по охране здоровья мужчин, если мы хотим демографически обеспечить рост числа молодых семей. Как справедливо отмечает известный в Татарстане социолог и демограф Ч. И. Ильдарханова: «Результаты демографического мониторинга... показали, что мужская смертность начинается еще с момента внутриутробного развития. Если смотреть младенческую смертность, то там тоже преобладает смертность мальчиков. Поскольку во всех возрастных группах смертность мужчин высокая, нужно разработать национальную стратегию в интересах мужчин, главный блок которой должен быть сосредоточен на здоровье» [9].

Надо иметь в виду, что соотношение молодых женщин и мужчин отличается в зависимости от их места проживания. Например, в городе имеется хоть и небольшой, но избыток невест в возрасте от 20-до 30 лет (в среднем на 1000 мужчин этого возраста приходится 1063 «невесты»). А в сельской местности, картина обратная и довольно тревожная. Для 1000 мужчин от 20 до 24 лет имеется 977 «невест» их возраста, для 25-29 летних уже только 737, для 30-34 летних – 784 [10]. Но большую часть мо-

лодежи в Республике Татарстан составляют те, кому 25-29 лет – 44 % [11].

Даже если ввести в «брачный оборот» профицит «городских невест» и тот факт, что в брак вступают необязательно одногодки, то все равно мы сталкиваемся с дефицитом невест в категории «молодая семья».

И все же именно молодежь в возрасте до 30 лет является основным ресурсом воспроизводства населения [12]. По данным Татстата, в 2018 году 54 % детей родилось у женщин в возрасте до 30 лет [11].

Отталкиваясь от неутешительной демографии и понимая всю социальную значимость молодой семьи, на наш взгляд, требуется регулярные мониторинговые исследования ее социального самочувствия.

Для зарубежных исследователей характерна тенденция раскрывать феномен социального самочувствия (в том числе семей) через понятие «субъективное благополучие» (Social Well-being). При этом акцент делается как на субъективное состояние общества в целом, так и на отдельные социальные группы (Э. Кэмпбелл, Ф. Андриус и С. Уитни). Среди измеряемых показателей социального самочувствия преобладают самооценки материального положения по сравнению с положением окружающих, степени удовлетворенности своим положением в обществе, анализа представлений о будущем собственном через определенное время [13,14,15].

Отечественная социологическая наука использует опыт зарубежных ученых, однако российские исследователи (Я. Н. Крупец, Н. И. Михайлова, А.Л. Стризове) акцентируют внимание на необходимости выделять больше «чисто» социальных критериев, избегая психологизации концепции «социальное самочувствие» (СС). Ими включаются такие показатели как: социальные самоощущения: идентификация; состояние комфортности; социальные ценности; уровень беспокойства и надежды на помощь; уровень гражданской активности; жизненные стратегии (выживания; развития, самореализации и т.п.) [16,17,18].

Авторским коллективом (А. Р. Тузиков, Р. И. Зинурова, С. А. Алексеев) в исследовательских целях было выработано понимание социального самочувствия как «оценочной позиции индивида к системе социальных отношений и к своему месту в этой системе» [19,20]. На основе данного понимания по модифицированной авторами методике Е. И. Головахи и Н. В. Паниной [21] был разработан интегральный индекс мониторинга социального самочувствия молодой семьи. В основу был положен метод использования шкал, позволяющий оценить

достаточность или недостаточность удовлетворения социальных потребностей молодой семьи. Пилотажное исследование было проведено в 2019 году. Выборка составила 400 человек, что в принципе позволяет говорить о статистической значимости зафиксированных трендов.

Среди социальных потребностей молодой семьи интересно рассмотреть оценки удовлетворенности общественно-политическими обстоятельствами жизни в современном рос-

сийском обществе. Авторским коллективом и ранее проводились исследования, фокусирующие внимание на социальной активности молодежи, что позволяет искать корреляции полученных результатов [22].

Несмотря на то, что мы живем в эпоху доминирования идеологии «потребительства», значительной доле молодых семей (40,8 %) не хватает ценностей, объединяющих людей в государстве и в обществе (рис. 1).

Рис. 1 – Оценка ситуации в области наличия общих ценностей

Для 21,8 % опрошенных ситуация оценивается позитивно, в том смысле, что они не испытывают в данном случае негативных эмоций и только в 7,7 % молодых семей этот вопрос не интересует и не влияет на социальное самочувствие. Почти 30 % затруднились с ответом, что видимо также можно истолковать, что особого влияния на их социальное самочувствия данная ситуация не оказывает. Но почти 41 % испытывающих нехватку общих ценностей в обществе – заметная цифра.

Проблемой является и справедливая оценка заслуг человека перед обществом. Ее не хва-

тает 48,6 % опрошенных. Удовлетворенность в этом плане испытывают только 18,3 % (рис.2). По нашему мнению, это очень тревожный показатель, ведь справедливость – одна из важнейших ценностей в российской культуре. Идея справедливости присутствует в качестве архаичного типа практически у всех коренных российских народов. Именно представления о справедливости влияют на легитимацию неравенства в обществе и на восприятие легитимности действий властей всех уровней.

Рис. 2 – Удовлетворяет ли степень справедливости в оценке заслуг человека

Отдельная тема дефицит уверенности в завтрашнем дне. Для молодых семей это осо-

бенно важно, ведь вопросы о рождении детей и возможном переезде в другое местожительство

в настоящее время, как правило, увязывается с ощущением стабильности в общественно-политической жизни и уверенностью в том, что ситуация в стране/регионе будет улучшаться. А ведь дефицит стабильности и «веры в завтрашний день» едва ли главный упрек сегодняшней социально-экономической системе и аргумент в пользу ностальгирующих по советским временам. Опрос 19-21 июня 2020 года, который проводился Фондом «Общественное мнение» показал высокий уровень тревожности за будущее в регионах Приволжского Федерального Округа, куда входит и Республика Татарстан.

Так на вопрос: «Как вам кажется, большинство ваших родных, друзей, коллег, знакомых думают о ближайшем будущем вашего региона, скорее с уверенностью, оптимизмом или с беспокойством, тревогой?» 58 % ответили, что «скорее с тревогой» и только 22 % заявили об оптимизме [23]. Эти данные ФОМ практически совпадают с нашим исследованием (рис. 3). Как видим из диаграммы, не хватает общественно-политической стабильности почти 60 % респондентов, также как и уверенности в том, что ситуация в стране будет улучшаться и что жить станет лучше (рис. 4).

Рис. 3 – Наличие стабильности в государстве и обществе

Рис. 4 – Уверенность в позитивных переменах

Это, пожалуй, едва ли не важнейший «дефицитный индикатор», влияющий на социальное самочувствие. Тем не менее, миграционные настроения молодых семей (опять-таки с оговоркой на предварительность результатов) выражены не слишком сильно (рис. 5). Не более 8,5 % респондентов выражают желание уехать за рубеж, а 7,7 % планируют переезд в Москву или другой город России. 69 % планируют жить и трудиться в Татарстане. В связи с тем, что в нашу повседневность возвращается публичная политика, проблема политические прав и свобод в структуре социального самочувствия не выглядит лишней. Исследование показало, что политические вопросы не интере-

суют явное меньшинство семей (4,9 %), тогда как 36,6 % считают, что им их не хватает, в 38,7 % затруднились с ответом (рис. 6). Также медийно раскручена тема прав человека. Согласно результатам исследования, 45,8 % семей полагают, что в республике им не хватает соблюдения прав человека. Для почти 20 % опрошенных ситуация с правами человека в регионе выглядит вполне удовлетворительно. Вновь заметно число затруднившихся с ответом – 33,1 %. На наш взгляд, это говорит скорее о том, что данная проблематика не является для них очевидно значимой и непосредственно затрагивающей их повседневность (рис. 7).

Рис. 5 – Миграционные планы семьи

Рис. 6 – Удовлетворенность уровнем политических прав и свобод

Рис. 7 – Права человека и социальное самочувствие

В настоящее время часто идут публичные обсуждения проблемы кризиса политических идеалов в рамках традиционных идеологий. Также как и с проблемой дефицита объединяющих ценностей, примерно те же 40-45 % испытывают чувство неудовлетворенности от нехватки заслуживающих доверия политических идеалов (рис. 8). Это не мало, но и здесь можно говорить о расслоении опрошенных на более «политизированные» и менее «политизированные» группы семей. Немаловажное зна-

чение имеет и трактовка населением сущности прав человека, ведь на практике одни семьи выше всего могут ценить право на справедливо оплачиваемый труд, а другие – политические права. Но данная шкала позволяет всё же зафиксировать оценочные суждения молодых семей применительно к словосочетанию «права человека». Только 12 % эта проблема не интересует совсем, а для той же «молчаливой трети» (затруднившиеся с ответом) данная проблематика не особо актуальна.

Рис. 8 – Хватает ли политических идеалов, заслуживающих доверия

Таким образом, восприятие достаточности или дефицитности политических свобод и идеалов, значимо примерно для 40 % семей (что не мало) и непосредственно влияет на их социальное самочувствие. В этом плане мы имеем дело со своеобразным расколом в региональном социуме, демонстрируемом на примере молодых семей, когда значимость общественно-политических факторов социального самочувствия выражена почти у каждой второй семьи, а для другой половины не представляет заметного интереса, по сравнению с более «приземленными» жизненными ситуациями.

Результаты нашего исследования позволяют сделать ряд предварительных выводов.

1. В последние 2 года в России наметился тренд роста числа браков, особенно, среди молодежи в возрасте до 30 лет.

2. Несмотря на ценность семьи и семейных отношений (необязательно юридически оформленных) для молодежи 20-30 лет, имеются трудности как демографического так и материального характера для укрепления института молодой семьи в нашем регионе (ожидаемый дефицит невест в сельской местности).

3. Семейная политика (в том числе региональная) поддерживает именно молодые семьи и исходит из демографического и функционального понимания сущности феномена «молодая семья».

4. На укрепление молодой семьи как социального института и «ячейки общества», помимо факторов юридического (консти-

туция и семейный кодекс) и экономического плана (льготы и программы поддержки), немаловажное значение имеет и социальное самочувствие, которое мы понимаем как оценочную позицию индивида к системе социальных отношений и к своему месту в этой системе.

5. Для более эффективной поддержки и укрепления института молодой семьи требуется регулярный мониторинг индекса социального самочувствия

6. Авторским коллективом (А. Р. Тузиков, Р. И. Зинурова и С. А. Алексеев) разработана и апробирована методика интегрального индекса социального самочувствия молодой семьи на основе оценочных шкал, характеризующих достаточность/не достаточность той или иной характеристики социальной, культурной, экономической и политической жизни.

7. Среди общественно-политических факторов социального самочувствия по значимости лидируют «наличие стабильности в государстве и обществе» и «уверенность в том, что ситуация в стране будет улучшаться». Это значимо в среднем для 60 с лишним процентов респондентов.

8. Политические идеалы, права человека, общие ценности, политические свободы волнуют примерно 40 % членов молодых семей. А для трети респондентов эти проблемы не входят в число существенно значимых. Но в любом случае исследование позволяет утверждать, что общественно-политические факторы приобрели заметное значение в социальном самочувствии семейной молодежи.

Литература

1. Парсонс Т. Системы современных обществ. URL: https://sociology.mephi.ru/docs/sociologia/html/parsons_modern_soc_systems.html (дата обращения: 18.06.2020).

2. Джалилова Б. А. Семья как объект конституционно-правового регулирования в странах европейского союза. URL: http://old.tuvsu.ru/vestnik/sites/default/files/vestnik_no1_2016_ot21marta_original.pdf (дата обращения: 18.06.2020).
3. Конституция Словении. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=109> (дата обращения: 10.06.2020).
4. Конституция СССР 1977 года. [элек. рес.] URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 18.06.2020).
5. Новый текст Конституции с поправками 2020. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 18.06.2020).
6. О благополучии. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14367> (дата обращения: 20.06.2020).
7. Число разводов в России снизилось на 56 тыс. за 2019 год. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7762723#> (дата обращения: 20.06.2020).
8. В Татарстане на два брака приходится один развод. URL: <https://inkazan.ru/news/society/11-02-2019/v-tatarstane-na-dva-braka-prihoditsya-odin-razvod> (дата обращения: 10.06.2020).
9. Ильдарханова Ч. И. «Российские мужчины – это боль демографии». URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/474418> (дата обращения: 10.06.2020).
10. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по РТ. URL: <https://tatstat.gks.ru/storage/mediabank/> (дата обращения: 08.06.2020).
11. Молодое поколение в Татарстане. URL: <https://tatstat.gks.ru/news/document/56193> (дата обращения: 08.06.2020).
12. Зинурова Р. И. Актуальная молодежная повестка дня в Республике Татарстан // Управление устойчивым развитием. 2019. № 6 (25). С. 57-62.
13. Campbell A. The sense of well-being in America: Recent patterns and trends. New York: McGraw-Hill Book Company, 1981.
14. Andrews F. M., Abbey A., Halman L. J. Stress from infertility, marriage factors, and subjective well-being of wives and husbands // Journal of Health and Social Behavior. 1991. Vol. 32. № 3. P. 238–253.
15. Andrews F. M., Withey S. B. Social indicators of well-being: America's perception of life quality. New York, 1976. P. 234.
16. Крупец Я. Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социс. 2003. № 4. С. 143-144.
17. Михайлова Л. И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социс. 2010. № 3. С. 45-49
18. Стризов А. Л. Социальное самочувствие: между реформистским проектом и здравым смыслом // Социальное самочувствие населения в современной России. Ростов н/Д, 2010. 230 с.
19. Саенко Л. А., Тузиков А. Р., Зинурова Р. И., Алексеев С. А. Социальное самочувствие молодежи регионов России: монография. Казань: Изд-во КНИТУ, 2017. 148 с.
20. Зинурова Р. И., Фатыхова Ф. Ф. Социальное самочувствие молодежи этнических групп: социологическая концептуализация // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 20. С. 260-263.
21. Головаха Е. И., Панина Н. В. Интегральный индекс социального самочувствия (ИИСС): конструирование и применение социологического теста в массовых опросах. Киев, 1997. 120 с.
22. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р., Фатхуллина Л. З., Алексеев С. А. Особенности формирования социальной активности и гражданской позиции у студенческой молодежи // Управление устойчивым развитием. 2018 №3(16). С 45-49.
23. Удовлетворенность жизнью и настроения. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14422> (дата обращения: 08.06.2020).

Сведения об авторе:

©**Тузиков Андрей Римович** – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой государственного, муниципального управления и социологии, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, an.tuzikoff@yandex.ru.

Information about the author:

©**Tuzikov Andrey Rimovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, the Head of the Department for Public Administration and Sociology, Dean of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, an.tuzikoff@yandex.ru.

УДК 316.74

Т. А. Бурганова

ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНЫЕ В СТРУКТУРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ ЭЛИТЫ: НАКОПЛЕННЫЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ключевые слова: женщины-ученые, региональное научное сообщество, научная элита, гендерная дискриминация

В статье на основе ряда конкретно-социологических исследований проанализированы как общие причины гендерной дискриминации, присущие и отечественному, и зарубежным научным сообществам, так и причины специфические, присущие региональному сообществу. Утверждается, что, в силу более поляризованного характера гендерной дифференциации в России, специфика отечественной гендерной дискриминации, прежде всего, состоит в том, что из двух моделей, предложенных зарубежными исследователями, в отечественном научном сообществе доминирует «модель дефицита». Последняя рассматривает так называемые «внешние факторы», препятствующие достижению подлинного гендерного равенства. В статье обосновывается вывод, согласно которому в основе отечественной дискриминации лежат именно социально-экономические, но не социально-психологические и социокультурные механизмы. Показано, что определяющим социально-экономическим фактором является специфическое положение женщин-исследователей как особой социально-профессиональной группы, обусловленное значительно более медленным накоплением этой группой профессионального, социального и культурного капитала. Это обусловлено исключительно тяжелым материальным положением женщин и, прежде всего, их двойной занятостью, заставляющей сочетать исследовательскую профессиональную деятельность с домашним трудом. На основе полученных эмпирических данных в статье даются определенные рекомендации по оптимизации положения женщин в составе татарстанской научной элиты. Они включают такие меры, как финансовая помощь, сокращенный рабочий день, увеличенный отпуск и т.д., а также разработку и внедрение различных систем стандартов, норм и ценностей, оценивающих профессиональную деятельность мужчин-исследователей и женщин-ученых.

Т. А. Burganova

WOMEN-SCIENTISTS IN THE STRUCTURE OF REGIONAL SCIENTIFIC ELITE: EXPERIENCE GAINED AND PROSPECTS OF INVESTIGATION

Keywords: women-scientists, regional scientific community, scientific elite, gender discrimination

Based on a number of specific sociological studies, the article analyzes both the general causes of gender discrimination inherent in both domestic and foreign scientific communities, and specific reasons inherent in the regional community. It is argued that, due to the more polarized nature of gender differentiation in Russia, the specificity of domestic gender discrimination, first of all, consists in the fact that out of the two models proposed by foreign researchers, the «deficit model» dominates in the domestic scientific community. The latter considers the so-called «external factors» that impede the achievement of true gender equality. The article substantiates the conclusion that the basis of domestic discrimination is precisely socio-economic, but not socio-psychological and sociocultural mechanisms. It is shown that the determining socio-economic factor is the specific position of women researchers as a special socio-professional group, due to a much slower accumulation of professional, social and cultural capital by this group. This is due to the extremely difficult financial situation of women and, above all, their double employment, forcing them to combine research professional activity with domestic work. On the basis of the obtained empirical data, the article gives certain recommendations for optimizing the position of women in the Tatarstan scientific elite. These include measures such as financial assistance, shorter working hours, extended vacations, etc., as well as the development and implementation of various systems of standards, norms and values that evaluate the professional performance of male researchers and female scientists.

Значительная структурная идентичность феминизированных специальностей в рамках западных и отечественного общерос-

сийского и регионального научных сообществ позволяет заключить, что существование этих феноменов обусловлено практически одними и

теми же причинами, которые рассматривались выше. Специфика же отечественного социума проявляется, как и следовало ожидать в соответствии с высказанными выше замечаниями, в том, что в России гендерная дифференциация выражена более поляризованно.

Далее, эта специфика также состоит в том, что из двух рассмотренных выше моделей, предложенных зарубежными исследователями, в отечественной науке доминирует т.н. «модель дефицита». Эта модель, как известно, рассматривает т.н. «внешние факторы» как препятствующие достижению подлинного гендерного равенства. Поэтому, с нашей точки зрения, в основе гендерной дискриминации, имевшей и имеющей место в отечественной науке, лежат все-таки социально-экономические, а не социально-психологические и социокультурные механизмы.

Определяющим фактором является специфическое положение женщин-исследователей как особой социально-профессиональной группы, обусловленное значительно *более медленным* накоплением этой группой профессионального, социального и культурного капитала. Последнее, в свою очередь, обусловлено исключительно тяжелым материальным положением женщин - их двойной занятостью, заставляющей сочетать требующую значительных затрат умственной и физической энергии исследовательскую профессиональную деятельность с изнуряющим домашним трудом. В этом плане частый выбор женщинами «феминизированных» областей может быть объяснен не только и не столько их природными качествами и склонностями, но и *спецификой разделения труда* в традиционной семье, где женщине отводится функция не только рождения детей, но и тщательного ухода за ними [1].

Сходным образом, обращаясь к феминизированным областям науки, мы можем заключить, что более предпочтительной является т.н. «модель стеклянного потолка», но только не «модель порога». Особенности поступления и в вузы, и в аспирантуру, характерные и для советской, и для (пост) перестроечной России, приводит к тому, что женщины сравнительно легко становятся членами научного сообщества. Однако это отнюдь не означает, что они так же легко попадают на верхние этажи российской академической структуры. Необходимо отметить, что сказанное выше не означает полного отказа от «модели разнообразия» и «пороговой модели» как полностью несоответствующих отечественной ситуации. С нашей точки зрения, постепенное разложение, под влиянием роста религиозного фундаментализма,

единой для мальчиков и девочек системы образования и воспитания – с одной стороны, а также растущее влияние феминистских движений и ценностей – с другой, могут привести к усилению личностных гендерных признаков и сказаться на росте гендерных составляющих человеческого и профессионального поведения.

Более полное представление о научной элите РТ могут дать результаты обстоятельного социологического исследования по теме «Женщины – ученые в структуре татарстанской научной элиты», проведенного в 2003 г. Первичная информация обрабатывалась с помощью статистического пакета SPSS, что и обеспечило получение соответствующего дескриптивного материала. Информационную базу этого исследования составил объемный справочник Академии наук Республики Татарстан, выпущенный к ее 10-летию юбилею. В нем приведены краткие библиографические данные и охарактеризованы основные направления научных исследований действительных членов и членов-корреспондентов Академии наук Республики Татарстан. Большинство являются лидерами своих академических коллективов и, как таковые, выполняют важные внутринаучные и общесоциальные функции [2, с. 96]. На них возлагаются задачи выявления приоритетных научных направлений, координации научных исследований, сохранения ценностей и норм науки, установления связей как на международном уровне, так и внутри страны, управления кадрами науки, материально-технического и финансового обеспечения научно-исследовательской деятельности. В 2002 г. в составе АН РТ находились 35 действительных членов, 65 членов-корреспондентов, 10 почетных членов. При анализе структуры АН РТ сразу же бросалось в глаза относительно незначительное участие женщин в управлении наукой. В составе АН РТ находилось всего 4 женщины: 3 действительных члена академии и 1 член-корреспондент АН РТ, что составляет всего лишь 4% от общей численности АН РТ.

Более тщательное рассмотрение проблемы предполагает анализ «второго круга» научной элиты – структуры докторов наук РТ. Сколько там женщин и как они распределены по различным научным отраслям? В каких отраслях их больше? Всего в Республике Татарстан работало 1329 докторов наук. Из них женщин - 236 человек, что составляло 17,8 % от общей численности ученых, имеющих степень доктора наук. Очевидно, что, несмотря на относительно значительную численность, в настоящее время число женщин оставалось непропорционально низким среди научной элиты республики. Рассмотрим гендерное распреде-

ление представителей научной элиты по разным отраслям науки [3]. Полученные данные убедительно свидетельствуют о том, что в распределении докторов наук по различным отраслям науки основную группу составляли доктора наук, занятые в технических науках – 21,4 %, медицинских науках – 17,2 %, физико-математических науках – 15,1 % и химических науках – 10,9 %. Очевидно, что среди научной элиты во всех отраслях науки лидировали мужчины, и даже имелись такие отрасли, где женщины не были представлены вовсе. Это – культурология, политические науки, психологические науки, науки географические и фармацевтические. Но при этом отметим высокий процент женщин среди докторов социологических наук – 62,5 %. Полученные данные убедительно свидетельствуют о том, что наибольшей популярностью среди женщин-ученых пользуются науки медицинские, биологические, химические, педагогические и филологические. Именно в этих науках заняты 75,1 % всех женщин – докторов наук. Среди мужчин наиболее популярными являются технические науки, физико-математические науки, медицинские науки и химические науки (67,5 % всех мужчин – докторов наук сосредоточены именно в этих науках). Это говорит о том, что среди татарстанской научной элиты весьма живучи стереотипы «женской» и «мужской» науки.

Определенный интерес представляет также распределение докторов наук по возрастным категориям: основная масса рассматриваемой научной элиты относится к возрастной категории **от 50 до 70 лет**, т.е. более 83 % докторов наук старше 50 лет, а практически каждый второй доктор наук старше 60 лет. Доктора наук в возрасте до 49 лет составляют всего около 16 % от всего массива информации. Тем не менее, сравнивая численность мужчин и женщин-докторов наук в соответствующих возрастных категориях, мы приходим к выводу, что женщины по своему возрастному составу моложе мужчин: 22,5 % женщин – докторов наук находится в возрасте до 49 лет, в то время как мужчины этого возраста составляют лишь 14,9 %. Но при этом женщин также несколько больше и в возрастной категории старше 70 лет. Более молодой состав женщин – докторов наук, судя по всему, объясняется преобладанием среди них лиц получивших степень доктора наук в последнее десятилетие и в 2000 году. Это косвенно свидетельствует о менее качест-

венном характере полученных женщинами докторских дипломов. Как хорошо известно, после 1991 г. требования к докторским диссертациям значительно снизились, в том числе и благодаря недальновидной научной политике тогдашнего министерства науки и технологий.

Полученные в рассматриваемом исследовании данные также свидетельствуют о том, что более половины докторов наук РТ (58,4 %) получили ученую степень в последнее десятилетие. Этот факт едва ли способен вызвать большой энтузиазм, поскольку качество современных отечественных диссертаций слишком хорошо известно. Тем не менее, сопоставив численность мужчин и женщин, получивших ученую степень доктора в последнее десятилетие, мы можем заключить, что численность женщин среди научной элиты растет все же быстрее численности мужчин. Так, в 1990-1999 гг. численность женщин-докторов составила 24,4 % от уровня 1980-1989 гг., а мужчин-докторов – 22,7 %. Данные свидетельствуют о том, что процесс интенсивной «феминизации» отечественной научной элиты пошел.

Определенный интерес представляет возраст докторов наук на момент получения ученой степени. Сопоставив численность мужчин и женщин можно заключить, что в обоих гендерных группах возрастной интервал от 40 до 59 лет для докторов наук оказался наиболее продуктивным: 79,3 % мужчин и 82,7 % женщин получили ученую степень именно в это время. Среди женщин докторов наук, защитившихся в возрасте до 40 лет, всего 12,7 %; в то же время у мужчин этот показатель несколько выше – 13,5 %. Мужчины делают свою научную карьеру чуть быстрее женщин, т.е. в более молодом возрасте. Это соответствует вышеупомянутому агрессивному «мужскому» стилю в науке.

О некотором опережении мужских результатов по отношению к женским, но также о некоторых других сходных аспектах рассматриваемой проблемы свидетельствуют следующие ниже результаты, полученные в 2013-2014 гг. [4, с. 15-19] в РТ республиканскими социологами под руководством Т. А. Бургановой. Эти данные убедительно свидетельствуют о сложности и противоречивости рассматриваемой проблемы и о настоятельной необходимости ее дальнейшего исследования и представлены на рисунках 1,2,3,4,5,6.

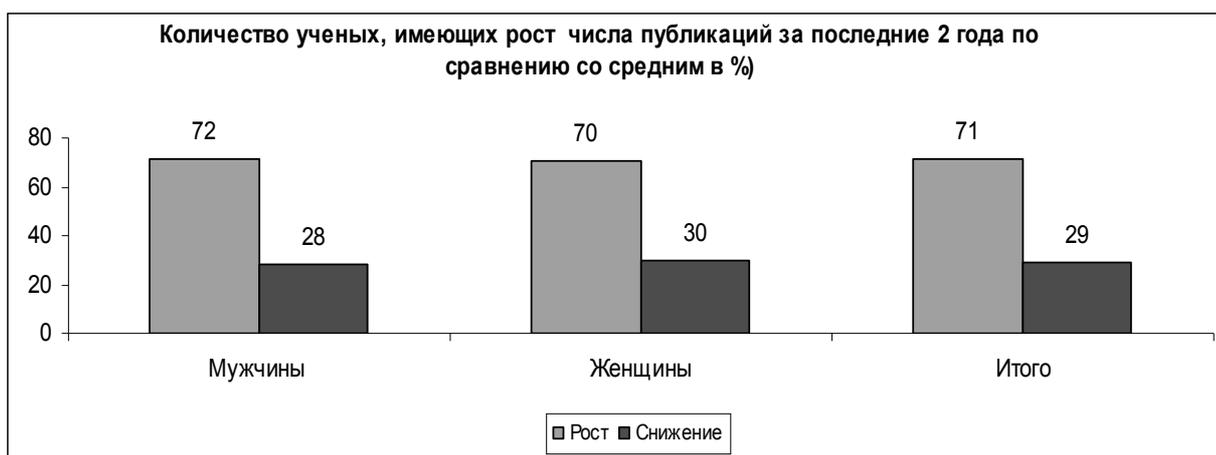

Рис. 1 – Количество ученых, имеющих рост числа публикаций за последние 2 года по сравнению со средним в %

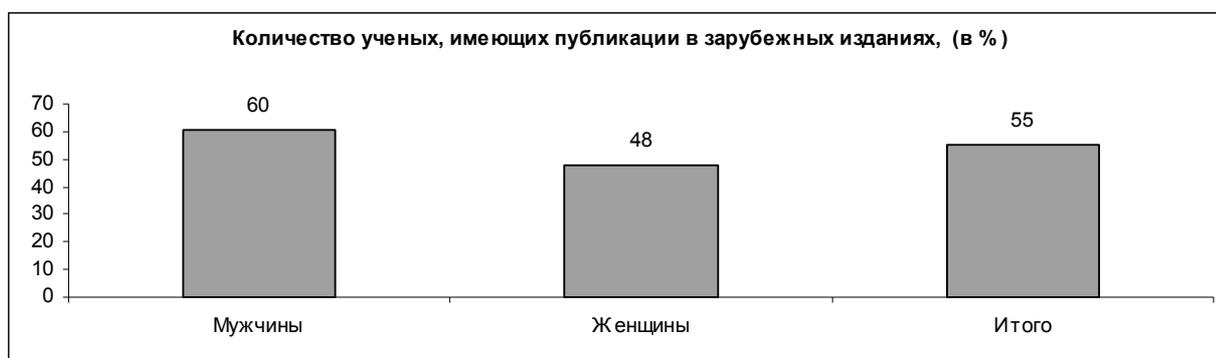

Рис. 2 – Количество ученых, имеющих публикации в зарубежных изданиях

Рис. 3 – Количество ученых, имеющих рост количества публикаций в зарубежных изданиях за последние 2 года

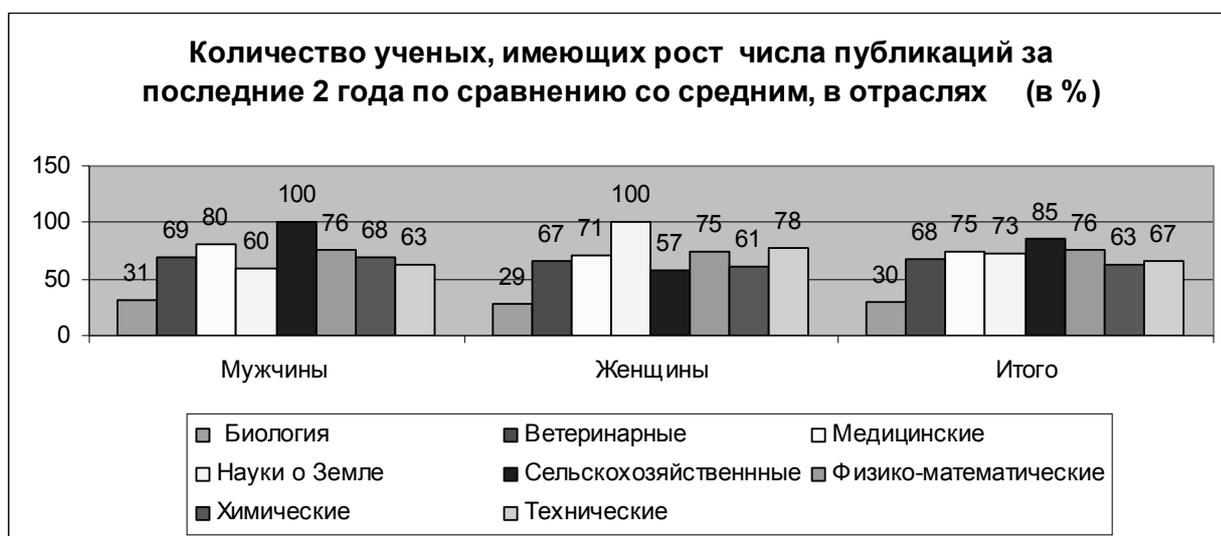

Рис. 4 – Количество ученых, имеющих рост числа публикаций за последние 2 года по сравнению со средним, в отраслях

Рис. 5 – Количество ученых, имеющих публикации в зарубежных изданиях

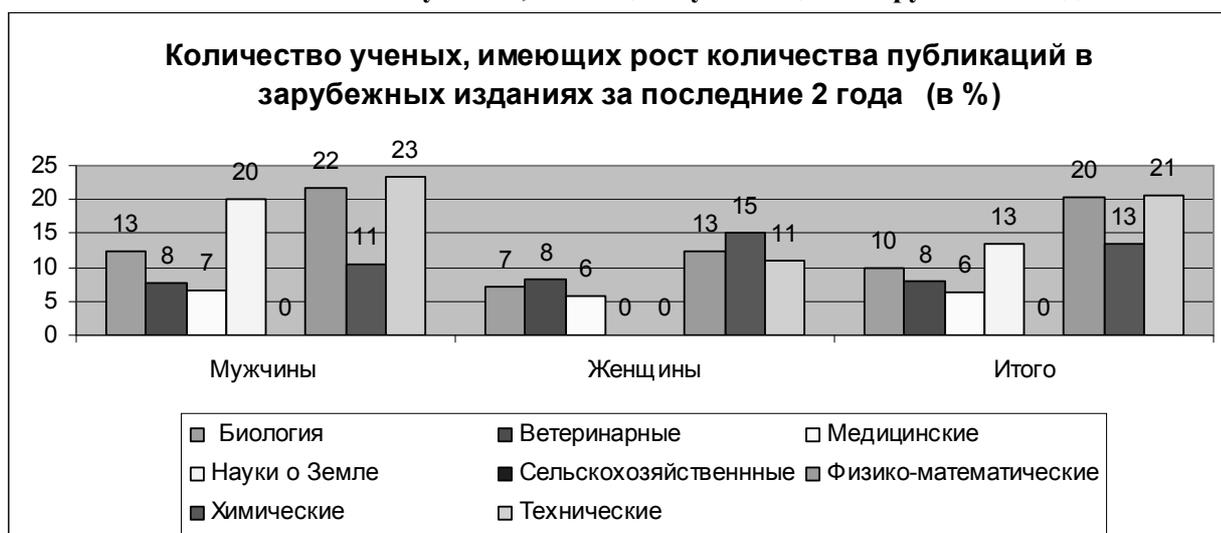

Рис. 6 – Количество ученых, имеющих рост количества публикаций в зарубежных изданиях за последние 2 года

Таким образом, представленные выше результаты позволяют прийти к следующим выводам.

1. Женщины-исследователи нашего региона, как, впрочем, и их коллеги из других регионов и стран, в большей мере склонны к т.н. «мягким наукам» - биологии, медицине, социальным и гуманитарным дисциплинам, в меньшей мере связанным с техническими навыками и математическими знаниями.

2. Полученные данные приводят к выводам, согласно которым оптимизация положения женщин в составе татарстанской научной элиты может заключаться в принятии следующих мер:

– ориентации в процессе воспитания и образования девочек и девушек на «женские» области научного знания, в которых они могут в большей степени раскрыть свои способности и природную предрасположенность;

– особые финансовые меры по поддержанию аспиранток и соискательниц – именные «женские» стипендии, увеличение срока аспирантуры для беременных женщин и женщин, имеющих детей, разного рода государственные дотации, особенно поддерживающие семьи, в которых оба супруга являются аспирантами и

соискателями, или даже просто научными работниками или работниками сферы образования;

– оптимизация также предполагает разработку мер по ослаблению дискриминации женщин в составе научной элиты РТ, мер, имеющих, прежде всего, финансовый характер – рост доплат, сокращенный рабочий день, увеличенный отпуск и т.д.

– выделении специальных «женских» мест среди разнообразных премий и грантов в РТ, выделение специальных грантов на исследование положения женщин в науке;

– разработку и внедрение существенно различных систем стандартов, оценивающих деятельность мужчин-исследователей и женщин-ученых, аналогичную тем, которые разработаны, скажем, в спорте. (Мы говорим о женском футболе, женском боксе, женском хоккее и т.д. О женских и мужских золотых, серебряных и бронзовых медалях, полученных олимпийцами; почему же мы не можем говорить о женских и мужских достижительных стандартах в биологии, медицине, физике, химии и т.д.).

Литература

1. Эльсаева З. С. Кросс-культурная специфика стратегий гендерных взаимодействий // Управление устойчивым развитием. 2020. №1. С. 71-78.
2. Дюментон Г. Г. Проблемы оценки научного лидерства: критерии, динамика и ранняя диагностика // Науковедение. 1999. № 4. С. 96.
3. Распределение численности по отраслям науки дается в соответствии с «Номенклатурой специальностей научных работников», принятой в 2001 году // Бюллетень ВАК Министерства образования РФ. 2001. Май. №3.
4. Бурганова Т. А., Бурганов Т. Ш. Изучение мнений ученых Татарстана об условиях и результатах их работы // Серия 1: Организация и методика информационной работы. 2014. № 9. С. 15-19.

Сведения об авторе:

©**Бурганова Танзиля Ахметкаримовна** – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Менеджмент», Казанский государственный энергетический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: tburganova@yandex.ru.

Information about the author:

©**Burganova Tanzilya Akhmetkarimovna** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of management, Kazan State Power Engineering University, Russian Federation, Kazan, e-mail: tburganova@yandex.ru.

УДК 316.75

Н. А. Каверина

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ

Ключевые слова: культурная политика, система ценностей, национальная идентичность, экстремизм в культуре (культурный экстремизм), профилактика культурного экстремизма

В статье рассмотрены причины возникновения экстремизма в культуре. Главными из них являются размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утрата национальной идентичности, единого культурного пространства страны. В работе представлены способы противодействия экстремизму в культурной политике: формирование, продвижение и закрепление традиционной системы ценностей российского общества. Предлагаются формы профилактики культурного экстремизма в Российской Федерации – выработка на законодательном уровне четких критериев проявления экстремизма в культуре, увеличение культурного и интеллектуального потенциала общества, качественный рост культурных и досуговых запросов граждан, развитие культурно-просветительского волонтерства, прежде всего, среди молодежи.

N. A. Kaverina

STATE CULTURAL POLICY AGAINST EXTREMISM

Keywords: cultural policy, value system, national identity, extremism in culture (cultural extremism), prevention of cultural extremism

The article discusses the causes of extremism in culture. The main ones are the erosion of traditional Russian spiritual and moral values, the loss of national identity, and a single cultural space of the country. The paper presents ways to counter extremism in cultural policy: the formation, promotion and consolidation of the traditional value system of Russian society. The forms of prevention of cultural extremism in the Russian Federation are being studied – the development at the legislative level of clear criteria for the manifestation of extremism in culture, increasing the cultural and intellectual potential of Russian society, the qualitative growth of cultural and leisure needs of citizens, the development of cultural and educational volunteering, especially among young people. The forms of prevention of cultural extremism in the Russian Federation are being studied - the development at the legislative level of clear criteria for the manifestation of extremism in culture, increasing the cultural and intellectual potential of Russian society, the qualitative growth of cultural and leisure needs of citizens, the development of cultural and educational volunteering, especially among young people.

Отказ от официальной государственной идеологии, провозглашенной в российской Конституции 1993 года, породил неопределенность социальных норм и вариативность социальных правил. В настоящее время государственная культурная политика призвана выработать в обществе единую систему нравственных ценностей, понимание сущности российской истории и культуры и тем самым создать объединяющую идеологию, основанную на традиционных культурных ценностях. Таким образом, культура становится отдельным направлением внутренней политики государства. Противодействие экстремизму невозможно без определения и защиты системы ценностей современного общества.

Экстремизм – это многогранное явление, которое имеет целый ряд трактовок в политологии, юриспруденции и социологии. Ха-

рактерной чертой экстремизма является «следование ... идеологии, содержащей идеи, угрозы и намерения, нарушающие установленные законом права и свободы граждан, общепринятые нормы национальных, конфессиональных и иных общественных отношений, установленный порядок деятельности органов власти; ведущей к совершению противоправных деяний, нарушающих права и законные интересы личности, общества, государства» [14, с. 25].

Экстремизм в культуре (культурный экстремизм) – нетипичный вид деятельности личности или социальной группы, являющийся крайним, враждебным, агрессивным по отношению к традиционным ценностям и к социокультурным нормам. Он проявляется в условиях социальной неопределенности, аномии, культурной модернизации и отражает процесс деградации и стагнации культуры как системы

ценностей и ценностных ориентаций в обществе.

Не вызывает сомнения тот факт, что экстремистское поведение характерно для общества с низким уровнем культурного развития, для общества, где существует деформация моральных и культурных ценностей. В таком случае основными факторами, провоцирующими возникновения культурного экстремизма, являются:

- «девальвация общепризнанных ценностей и искажение ценностных ориентиров, размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей»;

- «утрата национальной идентичности, единого культурного пространства страны»;

- «атомизация общества - разрыв социальных связей (дружеских, семейных, соседских), рост индивидуализма и пренебрежения к правам других»;

- «деформация исторической памяти» [12].

Система ценностей является ключевой составляющей индивидуального и общественного сознания. Ценности исследуют как

- основу этической системы,

- стержень культуры,

- выражение духовных и социальных потребностей в обществе,

- источник социальных отношений.

Отсутствие системы ценностей ведет к образованию мировоззренческого вакуума. Утратив объединяющий духовный стержень, в виде системы ценностей, общество распадается, деградирует. Этот разрушающий процесс для общества был подробно описан еще Э. Дюргеймом и назван аномией. Аномия вызывает в обществе различные формы девиантного и делинквентного поведения, в том числе и экстремизм.

В российском обществе на протяжении XX в. дважды произошла переоценка системы ценностей, когда уничтожались культурные ценности, традиции свергнутого политического строя. Речь идет о революции 1917 года и радикальных изменениях 1990-х. Трагические последствия этих переломных эпох заключаются в разрушении духовного единства общества, которое мы ощущаем и в XXI в.

Система ценностей и социальных норм личности зависит от того, с какой общностью он себя идентифицирует. Чем больше людей отождествляют себя со страной, тем более устойчивым и стабильным является государство. Преобладание идентичностей, отличающихся от общегражданских, национальных, говорит о высоких рисках социальных изменений в обществе. Размывание границ, свобода передвиже-

ния, трансформация рынков труда в регионах и системы занятости обусловили изменение в формировании идентичностей. Устойчивые наборы идентификационных кодов претерпевают серьезные трансформации, активизируя защитные механизмы культуры — усиление интереса к традиционной национальной культуре (национальным языку, истории, традициям, религии). «Социальная проблема новой российской идентичности актуализируется как возможность для всего населения, и молодых людей в том числе, позитивно идентифицировать себя со своей страной и ее историей, стоящими перед ней социально-культурными задачами, как альтернатива распаду идентификационных связей» [4, с. 157].

Мысль о появлении экстремистской идеологии в ответ на утрату национальной идентичности была высказана в выступлении В. В. Путина на заседании Совета по культуре и искусству при Президенте Российской Федерации: «Потеря собственного «культурного лица», национального культурного кода, морального стержня – все это ослабляет и разрушает общество. Обществом, в котором «растворена» культурная традиция, легко манипулировать. Теряется иммунитет к разного рода экстремистским, деструктивным и даже агрессивным идеям» [11].

Ни у кого не вызывает сомнений, что в основе национальной идентичности лежит культура, включающая традиции, историю, язык, религии, свойственные той или иной национальности. Стабильность и процветание государства определяется тем, насколько государство готово участвовать в создании гражданской национальной идентичности. А главным инструментом в этом процессе выступает именно культурная политика. В новой «культурной доктрине» государства культурная политика понимается как «действия, осуществляемые органами государственной власти Российской Федерации и общественными институтами, направленные на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей» [9].

Культурная политика в постсоветский период российской истории прошла сложный путь поиска и смены базовых ориентиров и координат. Загребин С. С. выделяет три периода развития культурной политики: «Первый период можно обозначить 1991–1999 гг., когда культура трактовалась как пространство свободы, свободы творчества, самореализации, самовыражения и т.д. Второй период можно обозначить 2000–2007 гг., когда культура стала

трактоваться как товар в системе рыночных отношений, а культурная деятельность – как сфера услуг. Третий период можно обозначить 2007 г. по настоящее время, когда культура стала пониматься как миссия и как ресурс национальной безопасности» [2, с.108].

Отправной точкой последнего периода стало утверждение в 2009 году «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». Впервые массовая, западноевропейская или англо-американская культура стала рассматриваться как угроза национальной безопасности России. Другой опасностью называли «попытки пересмотра взглядов на историю России, ее роль и место в мировой истории, пропаганда образа жизни, в основе которого — вседозволенность и насилие, расовая, национальная и религиозная нетерпимость» [13].

Впервые в документе декларировалось, что «решение задач обеспечения национальной безопасности в сфере культуры в среднесрочной и долгосрочной перспективе достигается за счет признания первостепенной роли культуры для

- возрождения и сохранения культурно-нравственных ценностей,
- укрепления духовного единства многонационального народа Российской Федерации и международного имиджа России в качестве страны с богатейшей традиционной и динамично развивающейся современной культурой,
- создания системы духовного и патриотического воспитания граждан России,
- развития общей гуманитарной и информационно-телекоммуникационной среды на пространстве государств – участников Содружества Независимых Государств и в сопредельных регионах» [13].

Таким образом, приоритет традиционной культуры и патриотического воспитания стал определять направление развития культурной политики государства. Не случайно следующим шагом стало утверждение в 2010 году Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011—2015 годы». В обществе посредством СМИ развернулась дискуссия о роли великих исторических личностей в отечественной истории, о сущности ключевых исторических событий. В 2014 году были приняты поправки к федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации». Запрещалось использование экстремистской информации и ненормативной лексики в произведениях искусства, в СМИ.

Знаковым событием стало принятие в 2014 г. «Основ государственной культурной

политики». В документе впервые было заявлено, что государство «возводит культуру в ранг национальных приоритетов и признает её

- важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений,
- залогом динамичного социально-экономического развития,
- гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России» [9].

«Основы государственной культурной политики» свидетельствуют о стремлении государства качественно изменить культурную политику, наполнить ее новыми смыслами. В преамбуле документа сказано, что культурная политика «призвана обеспечить приоритетное культурное и гуманитарное развитие как основу экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны» [9].

Основными целями государственной культурной политики являются «формирование гармонично развитой личности и укрепление единства российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития» [9]. Современное государство обязано заботиться о личностном развитии граждан, так как наивысшая ценность государства – человек, духовно богатый, творческий, социально активный. «В этом отношении миссия Россия — создать в стране условия, при которых каждый человек имел бы реальные возможности стать подобным титанам Возрождения» [15].

«Целями государственной культурной политики также являются:

- укрепление гражданской идентичности;
- создание условий для воспитания граждан;
- сохранение исторического и культурного наследия и его использование для воспитания и образования;
- передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения;
- создание условий для реализации каждым человеком его творческого потенциала;
- обеспечение доступа граждан к знаниям, информации, культурным ценностям и благам» [9].

В «Основах государственной культурной политики» культура и культурная политика рассматриваются с аксиологических и нравственно-этических позиций. В документе представлено понимание культуры как «совокупности формальных и неформальных институтов,

явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей (этических, эстетических, интеллектуальных, гражданских и т. д.)» [9]. «Культура – это сфера производства смыслов, целей и ценностей человека, значимых для него норм. Если этим процессом управляет государство, оно не может допускать, чтобы произошло то, что нанесёт ущерб стране и человеку. Задача государства — поддерживать те образцы искусства, которые утверждают человеческое в человеке, развивают и культивируют в нём начала творца и созидателя» [15].

Принципами государственной культурной политики являются:

- «территориальное и социальное равенство граждан, в том числе граждан с ограниченными возможностями здоровья, в реализации права на доступ к культурным ценностям, участие в культурной жизни и пользование организациями культуры;

- открытость и взаимодействие с другими народами и культурами, представление об отечественной культуре как о неотъемлемой части мировой культуры;

- свобода творчества и невмешательство государства в творческую деятельность» [9].

Существует тенденция считать принцип свободы творчества первичным, а право человека на привычную для него культурную среду признавать менее важными. «Свобода творчества, бесспорно, значима, но нужно отличать свободу цивилизованного человека, предполагающую принятие определённых цивилизационных запретов, от свободы дикаря, отвергающего любые запреты, нормы и ценности. Равно как нужно отличать реальное творчество, заключающееся в создании нового на основе имеющегося, от имитации творчества, выдающего за новацию разрушение созданного и пренебрежение к нему» [15].

В Конституции РФ гарантирована свобода творчества, то есть каждый художник вправе создавать произведения искусства, которые его вдохновляют. Но, согласно культурной политике, государство поддерживает только те произведения, которые отвечают традиционной системе ценностей. Они представлены, прежде всего, в культурном наследии – «совокупности предметов, явлений и произведений, имеющих историческую и культурную ценность» [9]. Материальное и нематериальное культурное наследие охраняется государством и обществом не только от физического уничтожения, но и от искажения смысла в процессе воспроизводства. При этом главное условие сохранности культурного наследия – это вовлече-

ние его объектов в культурный и научный оборот.

При этом нужно иметь в виду, что культурное наследие состоит не только из двух привычных компонентов: материального и нематериального, «но и третьего – нормативно-ценностного. То есть норм поведения, приоритетов и ценностей и, среди прочего, – чувства единства со своей страной и боли за неё. Не может существовать страна, за которую некому будет пойти на смерть. Но на смерть нельзя идти за сугубо материальное – на смерть человек идёт за то, что больше его жизни: за ценностные начала и идеальные представления» [15].

Какие ценности относятся к традиционным, исторически присущим российскому обществу? В «Основах государственной культурной политики» акцент делается на

- «утверждении в общественном сознании традиционных семейных ценностей, повышение социального статуса семьи;

- налаживании диалога между поколениями в масштабах общества» [9].

В статье «Кто не кормит свою культуру, будет кормить чужую армию» министр культуры РФ В. Р. Мединский перечисляет ценности, которые государство поощряет и субсидирует в творческой деятельности:

«Ценность созидательного труда.

Развитие личности как залог общего процветания.

Служение Отечеству.

Единство и преемственность тысячелетней истории России.

Историческое единство судеб народов России и дружественных народов, многие из которых ранее входили в состав Российской империи или СССР.

Ценности семьи и человеческого общежития, одинаково трактуемые и православием, и всеми традиционными для России религиями – начиная от уважения к старшим поколениям и заканчивая принципами воспитания детей» [7].

«Культура как система ценностей – это всегда пространство информационной и смысловой конкуренции национально-государственных, социально-экономических и социально-политических систем. Пространство борьбы за сохранение историко-идентификационного, политико-экономического и культурного суверенитета» [15].

В этом отношении задача государственной политики в сфере культуры и искусства – сохранение и защита культурного суверенитета страны.

«Культурный суверенитет страны включает в себя:

– право страны и её народа руководствоваться теми образцами, ценностями и нормами поведения, которые выработаны в ходе их истории, признаются и принимаются народом;

– принятие или непринятие народом тех или иных образцов, норм и ценностей выше признания или непризнания их внешними для данной страны субъектами;

– право страны и её народа противодействовать распространению информационной продукции, угрожающей историко-культурной самоидентификации общества и чреватой разрушением значимых для него образцов поведения, ценностей, этических, эстетических и бытовых норм;

– право народа и граждан, право и обязанность государства не допускать использования сферы культуры для нанесения ущерба национальному государственно-политическому суверенитету и территориальной целостности страны» [15].

Современная культурная политика России призвана сформировать в обществе единую систему нравственных ценностей, понимание сущности российской истории и культуры и тем самым противостоять разрушению культурного суверенитета страны [16].

Следовательно, противодействие экстремизму в культурной политике заключается в формировании, продвижении и закреплении традиционной системы ценностей российского общества: ее общественная легитимация, преемственность в формировании, актуализация и передача новым поколениям. На этих ценностях должны основываться формальные и неформальные социальные нормы и осуществляться механизмы социального контроля.

Под профилактикой культурного экстремизма следует понимать комплекс мер, призванных противостоять появлению произведений искусства, в которых порочатся традиционные для русской культуры ценности. Более четкого понимания этого понятия на данный момент не существует. Способы профилактики культурного экстремизма находятся на стадии активного обсуждения. Мы рассмотрим следующие варианты:

1. Выработка на законодательном уровне четких критериев проявления экстремизма в культуре.

2. Увеличение культурного и интеллектуального потенциала российского общества, качественный рост культурных и досуговых запросов граждан

3. Развитие культурно-просветительского волонтерства

В действующем законодательстве термин «профилактика культурного экстремизма» не закреплён, а правоприменительная практика по делам об экстремизме весьма размыта. Гипотетически работа в этом направлении предполагает, в первую очередь, выработку четких критериев проявления экстремизма в культуре. Последние также должны быть закреплены в нормативно-правовых актах, что подразумевает создание и продвижение законопроектов.

Убрать пробелы в законодательном регулировании профилактики культурного экстремизма призван новый федеральный закон «О культуре». 22 марта 2019 г. в Государственной Думе прошло обсуждение концепции закона «О культуре». В ней зафиксированы правовые основы по созданию, распространению и сохранению и популяризации культурных ценностей и общественных культурных благ. Особая миссия культуры, закреплённая в преамбуле законопроекта, предполагает не только особый статус художника, но и его особую ответственность. В правовое поле предполагается ввести термин «произведение литературы и искусства», чтобы разграничить художественные произведения с обычной «информацией».

Время показало, что запретительные меры не работают в борьбе с культурным экстремизмом. Так, возрастные ограничения для произведений литературы и искусства 6+, 12+, 16+ (закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»), приводят к абсурдным ситуациям, когда в книжном магазине подростку могут не продать произведение, входящее в школьную программу, а детский кинофильм, где однажды на пять секунд появляется бокал вина, рискует получить тэг 16+. Комитет Госдумы по культуре предложил соответствующие поправки к «Основам законодательства Российской Федерации о культуре», а также к закону «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». В частности, речь идет об отмене возрастных ограничений на классическую литературу и советское кино.

Запрет на использование нацистской символики в любой форме, привел к тому, что все фильмы, книги о Великой отечественной войне должны быть запрещены. Комитет Госдумы по культуре подготовил законопроект, призванный устранить это противоречие. Поправки вносятся в законы «О противодействии экстремистской деятельности» и «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». Из-под запрета выводится использование нацистской

атрибутики (символики) в произведениях науки, литературы, искусства, в продукции СМИ, в учебных и просветительских целях образовательными организациями. Обязательным условием при этом остается «осуждение нацизма и экстремизма и формирование негативного отношения к этой идеологии», а также отсутствие признаков ее пропаганды или оправдания [17].

Запрет на фильмы, театральные постановки, книги, клипы, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную рознь, только подогревает интерес общества к ним. Таким образом, подобного рода запреты не защищают, а, наоборот, девальвируют общественные ценности и нравственные нормы. По мнению председателя комитета Государственной думы по культуре Е. А. Ямпольской: «Запретами мы наносим ущерб и государству, и тем ценностям, за которые выступаем... Печальна участь страны, где общественную нравственность приходится регулировать вручную, причем неусыпно. Так не должно быть» [18].

Проблему распространения культурного экстремизма невозможно решить только запретительными мерами, необходима комплексная государственная культурная политика, включающая в себя профилактические воспитательные и образовательные мероприятия. В этом отношении задача государственной культурной политики – это просвещение, доведение «до масс» достижений мировой культуры и понимание значимости своей русской культуры. Поэтому основным способом профилактики культурного экстремизма является деятельность, направленная на повышение культурного уровня населения страны. Она включает в себя

формирование гармонично развитой личности посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития;

сохранение исторического и культурного наследия и его использование для воспитания и образования;

передача от поколения к поколению традиционных для российского общества ценностей, норм, традиций и обычаев;

создание условий для реализации каждым человеком его творческого потенциала;

обеспечение гражданам доступа к знаниям, информации и культурным ценностям.

С 1 января 2019 года началась реализация нацпроекта «Культура», разработанного в рамках реализации президентского указа «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». В нацпроект «Культура» включены три подраздела — федеральных проекта:

«Культурная среда», «Творческие люди» и «Цифровая культура». Утверждение национального проекта «Культура» — беспрецедентное решение. Впервые культура возведена в ранг государственного приоритета уже не только на уровне декларируемых целей, а реально предпринимаемых действий. Главная цель федерального проекта «Культурная среда» - повышение интеллектуального и культурного уровня общества за счет доступности культурных благ. В каждом регионе России предполагается произвести работу по реновации учреждений культуры, созданию центров культурного развития в малых городах, оснащению детских школ искусств и училищ, распространению сети библиотек по всей стране и многое другое. Результатом проекта станет современная инфраструктура культуры по всей России, а не только в традиционных центрах. Реализация федерального проекта «Творческие люди» призвана вдохнуть в эту инфраструктуру жизнь, так как основной капитал культуры – таланты.

Важным направлением в работе по противодействию культурному экстремизму является культурно-просветительское волонтерство – добровольческая деятельность в проектах культурной направленности, проводимых в музеях, библиотеках, домах культуры, театрах, кинотеатрах, культурных центрах, парках и т.д. По данным фонда «Общественное мнение», 76 % россиян интересуется культурными событиями, 65 % россиян считают добровольчество в сфере культуры важным направлением. В 2019 году Министерство культуры РФ включило федеральную программу «Волонтеры культуры» в национальный проект «Культура». Его цель – сформировать сообщество активных граждан, участвующих в добровольческой деятельности в сфере культуры, реализующих творческие и социокультурные инициативы. Основными направлениями деятельности волонтеров культуры станут:

- работа с учреждениями культуры,
- сохранение культурного наследия и восстановление памятников истории,
- организация волонтерских программ крупных культурных событий,
- реализация творческих и социокультурных проектов,
- организация туристических маршрутов и культурных пространств в городах.

Сегодня волонтерские корпуса созданы и активно развиваются на базе Государственного музея «Эрмитаж», Третьяковской галереи, Политехнического музея, Российской государственной библиотеки для молодежи, Государственного музея современной истории и мно-

гих других учреждений культуры. Согласно программе «Волонтеры культуры», планируется к 2024 году объединить около 100 000 волонтеров в общественное движение «Волонтеры культуры».

В современном обществе волонтерское движение является трендом и актуальной формой молодежной активности. Участие молодежи в культурно-просветительском волонтерстве формирует установки на активную гражданскую позицию и духовно-нравственные ценности.

Выводы:

1. Основными факторами, провоцирующими возникновения культурного экстремизма, являются размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и утрата национальной идентичности, единого культурного пространства страны.

2. Противодействие экстремизму в культурной политике заключается в формировании, продвижении и закреплении традиционной системы ценностей российского общества: ее общественная легитимация, преемственность в формировании, актуализация и передача новым поколениям.

3. Профилактика культурного экстремизма включает в себя выработку на законодательном уровне четких критериев проявления экстремизма в культуре, увеличение культурного и интеллектуального потенциала российского общества, качественный рост культурных и досуговых запросов граждан, развитие культурно-просветительского волонтерства, прежде всего среди молодежи.

Рекомендации:

1. Закрепить в действующем законодательстве термин «профилактика культурного экстремизма» и выработать соответствующую правоприменительную практику.

2. Создать современную инфраструктуру культуры по всей России, а не только в традиционных центрах

3. Обеспечить доступность граждан к культурным ценностям и благам

4. Создать условия для реализации каждым человеком его творческого потенциала

5. Обеспечить качественный рост культурных и досуговых запросов граждан

6. Развивать культурно-просветительское волонтерство, особенно в сфере сохранения исторического и культурного наследия.

Литература

1. Афанасьева Р. Социокультурные аспекты противодействия экстремизму в молодежной среде. //Власть. 2007. № 5. С. 51-56.
2. Загребин С. С. Культурная политика как предмет общественной дискуссии (на примере полемики вокруг фильма «Матильда») // Социум и власть. 2017. № 6 (68). С. 108 – 113.
3. Каверина Н. А. Культурная политика (глава 13)// Политология: учебник/коллектив авторов; под общ. ред. А. П. Кошкина; отв. ред. В. В. Черданцев. М.: КНОРУС, 2019. С. 337 – 364.
4. Зинурова Р. И., Алексеев С. А. Идеология экстремизма и особенности становления идентичности российской молодежи в региональном измерении // Казанский педагогический журнал. 2015, в.6, с.156-159.
- 5.Каверина Н. А. Противодействие экстремизму в культурной политике России: целевые установки и пути их реализации// Политика и практика противодействия экстремизму. Монография. М.: ООО «Белый Ветер», 2017. С. 360 – 378.
6. Курашов В. И., Тузиков А.Р., Зинурова Р. И. Научные основы развития патриотизма в современной высшей школе России [Электронный ресурс: монография. Казан. нац. исслед. технол. ун-т, В.И. Курашов. Казань: КНИТ, 2015. 197 с.
7. Мединский В. Р. Кто не кормит свою культуру, будет кормить чужую армию// «Известия», 17 июня, 2015.
8. Национальный проект «Культура». URL: <https://rounb.ru/uploads/userfiles/pdf/2018/nacionalnyi-proekt-kultura.pdf> (дата обращения 15.05.2020).
9. Основы государственной культурной политики. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706/ (дата обращения 16.05.2020).
10. Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011—2015 годы: государственная программа. URL: <https://rg.ru/2010/10/11/patrioty-site-dok.html> (дата обращения 15.05.2020).
11. Стенограмма заседания совета по культуре и искусству при Президенте Российской Федерации 03.02.2014. Президент Рос. Федерации. URL:<http://kremlin.ru/events/councils/by-council/7/16530> (дата обращения 16.05.2020).
12. Стратегия государственной культурной политики. URL: <http://government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm> (дата обращения 15.05.2020).

13. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения 20.05.2020).
14. Формы, методы и технологии профилактики и противодействия проникновению идеологии экстремизма и терроризма в образовательную среду / Под общ. ред. И.В. Бочарникова, В.Н. Ремарчука, Г.И. Семикина / Кафедра информационной аналитики и политических технологий МГТУ имени Н.Э. Баумана, Учебно-методический центр «Здоровьесберегающие технологии и профилактика наркомании в молодёжной среде» МГТУ им. Н.Э. Баумана, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2019. С. 255.
15. Черняховский С. Ф. О перспективах развития государственной политики России в области культуры. Авторский экспертный доклад Изборскому клубу. 8 августа 2016. URL: <https://izborskclub.ru/9981> (дата обращения 15.05.2020).
16. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р., Гаязова Э. Б., Алексеев С. А. Конфигурация идентичности российской молодежи: результаты социологического исследования // Управление устойчивым развитием. 2016. №6. С. 67-77.
17. Тузиков А. Р. Молодежь России: патриотическая идеология и политический активизм в региональном измерении // Управление устойчивым развитием. 2019. №6. С. 63-78.
18. Ямпольская Е. А. «Не хотят деятели культуры ходить строем – и не надо»// Культура. 2019. 24 – 30 мая.

Сведения об авторе:

©**Каверина Надежда Александровна** – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Российская Федерация, Москва, e-mail: kaverna@list.ru.

Information about the author:

©**Kaverina Nadezhda Aleksandrovna** – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Political Science and Sociology, Russian University of Economics G. V. Plekhanova, Russian Federation, Moscow, e-mail: kaverna@list.ru.

УДК 316.334.2

Н. С. Тимофеева

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РЕГИОНА

Ключевые слова: стратегическое планирование, устойчивое развитие, сельская местность, село, принципы государственного регулирования, проблемы устойчивого развития села, экономическое развитие сельской местности

В настоящее время актуальность устойчивого развития сельских территорий неоспорима. При этом проблемы, которые существуют на селе, требуют немедленного решения. Государством проведена огромная работа в этой области, но многие исследователи до сих пор обсуждают полное отсутствие устойчивого развития сельской территории. В исследовании автором проведен анализ существующих нормативно-правовых актов в области стратегического планирования развития села. В ходе исследования выявилось, что в стратегических документах существует недостаточная проработанность в области специфических особенностей развития сельской местности и комплексной направленности развития села. Оценка стратегических документов позволяет определить принципы государственного регулирования развития сельской местности. При этом особое значение имеют принципы комплексного развития и гибкого подхода к аграрной отрасли, что очень слабо отражено в стратегических документах. Современное развитие сельских территорий, оценка экономического развития села показывает о наличии множества проблема на селе. С этой целью проведен анализ развития сельских территорий Республики Бурятия и выделены современные проблемы развития сельской местности. Выделенные проблемы говорят о том, что сельские территории нуждаются в постоянной финансовой поддержке со стороны государства, главы сельских поселений не имеют финансовых возможностей для создания комплексного развития села. В основном вся система государственной поддержки направлена ликвидацию лишь только части проблем в сельской территории и дотации получают территории, имеющие потенциал и большие объемы производства продукции сельского хозяйства. Бедные сельские территории находятся на стадии исчезновения. Поэтому в заключение исследования сделан вывод, о необходимости существенного государственного финансирования сельской местности, сохранения исчезающих сельских территорий, обеспечения привлекательности села, что в совокупности позволит привлечь молодые кадры и решить проблемы на селе.

N. S. Timofeeva

STRATEGIC PLANNING OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RURAL AREAS OF THE REGION

Keywords: strategic planning, sustainable development, rural areas, rural areas, principles of state regulation, problems of sustainable rural development, rural economic development

Currently, the relevance of sustainable rural development is undeniable. At the same time, the problems that exist in the village require immediate solutions. The government has done a lot of work in this area, but many researchers are still discussing the complete absence of sustainable rural development. In the study, the author analyzed existing regulatory legal acts in the field of strategic planning for rural development. The study revealed that in the strategic documents there is insufficient elaboration in the field of specific features of rural development and the integrated orientation of rural development. Evaluation of strategic documents allows you to determine the principles of state regulation of rural development. Moreover, the principles of integrated development and a flexible approach to the agricultural sector are of particular importance, which is very poorly reflected in strategic documents. The modern development of rural areas, the assessment of the economic development of the village shows the presence of many problems in the village. To this end, an analysis of the development of rural territories of the Republic of Buryatia was carried out and modern problems of rural development were highlighted. The problems highlighted indicate that rural territories need constant financial support from the state, the heads of rural settlements do not have the financial capabilities to create a comprehensive development of the village. Basically, the entire system of state support is aimed at eliminating only part of the problems in rural areas and subsidies are received by territories that have the potential and large volumes of agricultural production. Poor rural areas are in extinction. Therefore, in conclusion of the study, it was concluded that there is a need for substantial state funding of rural areas, the preservation of endangered rural areas, and ensuring the attractiveness of the countryside, which together will attract young people and solve problems in the countryside.

Устойчивое развитие сельских территорий – это комплекс мероприятий, направленный на развитие инфраструктуры и инвестиционной привлекательности территории, а также условий проживания населения (уровень дохода, продолжительность жизни, социальные условия) на селе. При этом комплексное устойчивое развитие сельских территорий невозможно без эффективной системы стратегического планирования. Стратегическое планирование это важнейшая составляющая стратегического управления, позволяющая определять цели, задачи и будущее состояние деятельности любой отрасли [1,2]. За период рыночных преобразований государство стало акцентировать свое внимание на проблемах развития сельских территорий. Это связано с рядом причин, среди которых выделяют снижение уровня жизни сельчан, бедность сельских территорий, низкая рождаемость и высокая смертность, отток молодых и квалифицированных специалистов, а также низкую эффективность финансирования сельских территорий.

Проблемы стратегического планирования сельских территорий поднимают многие ученые, к ним относят Н. В. Банникову, К. П. Личко, А. М. Нехланову, М. Б. Туманову, А.В. Мерзлова, В. И. Трухачева, И. Г. Ушачев и других. Указанные ученые в своих исследованиях поднимают проблемы сельского хозяйства и сельских территорий, рассматривают возможности разработки стратегии развития сельского хозяйства. При этом, не в полном мере, освещены вопросы комплексного развития сельских территорий.

Для обработки первичной информации в исследовании использовались общенаучные приемы синтеза и анализа; абстрактно-логические, экономико-математические методы экономических исследований, а также использованы материалы Территориального органа Федеральной службы государственной статистики 2017 г., Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Бурятия.

Острая необходимость государственной поддержки муниципальных образований, ориентированной на развитие сельских территорий, связана с увеличением инвестиционной привлекательности территории, повышением конкурентоспособности сельского хозяйства и обеспечения продовольственной безопасности региона, созданием условий для привлечения молодых специалистов. В ходе реализации государственной поддержки сельских

территорий, необходимо отметить, что совокупность принимаемых мероприятий помогает поддержанию развитию сельских территорий, но не всегда способствует комплексному развитию муниципального образования. При всей важности вышесказанного, стоит отметить, что перед государством стоят задачи по внедрению системы мероприятий по поддержке сельских территорий с учетом региональных особенностей. Самой насущной и немаловажной областью является сельское хозяйство. Его продвижение способствует не только экономическому развитию во внешней среде, но и продовольственной безопасности государства. Поддержка данной отрасли гарантирует субъекту независимость от импортной продукции и сокращение дефицита в продовольственном секторе. Необходимость наращивания продовольственного сектора обеспечивает свободу в торговых отношениях страны, а также способствует улучшению уровня жизни сельского населения.

Стратегическое планирование устойчивого развития сельских территорий это комплексное развитие территории с учетом влияния природно-климатических факторов, так как большая часть территории России подвержена влиянию циклонов и имеет резкоконтинентальный климат, а также разработка и усовершенствование целенаправленного и активного управления аграрной политикой.

Влияние государства на рыночную экономику всегда является острой темой для обсуждения. Но роль государства в регулировании политики сельской территории остается неоспоримой. Современная практика развитых стран показывает, что для достижения экономического прогресса необходимо делегировать все доступные для этого меры и механизмы.

В настоящее время существует ряд стратегических документов в области устойчивого развития сельских территорий. Существующая нормативно-правовая база позволяет регулировать деятельность сельских территорий, в ней представлена информация о целях и задачах развития села в долгосрочной перспективе. Многие ученые в этой области по-разному относятся к существующим документам, каждый из них выделяет как ряд достоинств, так ряд и недостатков. Стратегические документы в области устойчивого развития сельских территорий представлены на рисунке 1.

Нормативно-правовые акты стратегического планирования в области устойчивого развития сельских территорий	ФЗ «О развитии сельского хозяйства» от 29.12.2006 N 264-ФЗ (с измен. от 01.07.2017 № 144-ФЗ)
	Доктрина продовольственной безопасности РФ, утвержденная Указом президента РФ от 30.01.2010 г. № 120
	Стратегия устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 г., утвержденную распоряжением Правительства РФ от 02.02.2015 г. № 151-р
	Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020г., утвержденную распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р
	Концепция устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2020 года", утвержденную распоряжением Правительства РФ от 30.11.2010 г. N 2136-р
	Федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2017 годы и на период до 2020 года", утвержденную постановлением Правительства РФ от 15 июля 2013г. N 598
	Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы, утвержденная постановлением Правительства РФ от 14 июля 2012 года № 717 (с измен. от 31.03.2017 г. № 396)
	Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства на 2017-2025 годы, утвержденная постановлением Правительства РФ от 25.08.2017 года № 996

Рис. 1 – Нормативно-правовые акты стратегического планирования в области устойчивого развития сельских территорий [3]

Существующие стратегические документы в области устойчивого развития сельских территорий затрагивают многие вопросы развития, как сельского хозяйства, так и сельской территории. Государством проведена огромная работа по разработке стратегических документов, однако во многих прослеживается узкоотраслевой подход, недостаточно освещены вопросы комплексного подхода к развитию сельской территории с учетом региональных особенностей. Особое внимание привлекает Федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2017 годы и на период до 2020 года», поскольку основной целью программы является создание благоприятных условия для сельских жителей, создание конкурентоспособности аграрной отрасли, развитие инфраструктуры и в целом направлена на формирование позитивного отношения человека к сельской местности. В документе указаны этапы реализации

стратегии, целевые показатели и индикаторы, объемы финансирования. При этом в качестве недостатков можно указать, что в первую очередь объемы финансирования очень малы и программа может быть реализована лишь в некоторых регионах или сельских территориях. Также следует отметить, что не в полной мере отражен комплексный подход, программа в первую очередь направлена на ликвидацию части проблем в селах, а не на создание комплекса мероприятий, которые позволят превратить бедную, заброшенную сельскую территорию в привлекательную местность.

Исходя из анализа стратегических документов в области устойчивого развития сельских территорий можно выделить следующие принципы государственного регулирования развития сельских территорий (табл. 1).

Перечисленные принципы ещё раз указывают, что в стратегических документах недостаточно рассмотрены вопросы

комплексности и территориально-пространственного планирования.

Нами предлагается учитывать при разработке стратегического плана развития сель-

ских территорий дополнительно следующие принципы (рис. 2).

Таблица 1 - Принципы государственного регулирования развития сельских территорий

Принцип	Экономическое обоснование
Приоритетность поддержки и регулирования развития сельских территорий	Сельские территории при формировании продовольственной корзины, является более приоритетной.
Регулирования отношений на сельскохозяйственном рынке	Деятельность сельскохозяйственных товаропроизводителей является высокзатратной и трудоемкой, по прибыльности предприятия она может уступать другим субъектам рынка.
Федерального и регионального регулирования, основанного на методике использования программно-целевого управления и ресурсной поддержки	-Регулирование развития сельских территорий должно представлять единую систему, в которой органы управления связаны и тесно взаимодействуют; -Основным инструментом поддержки выступает ряд факторов, одним из них выступает цена на основные виды сельскохозяйственных товаров, которая обеспечивает прибыльность сельскохозяйственных товаропроизводителей; - использование научных технологий производства.
Финансовой поддержки потенциальных регионов	Финансирование регионов зачастую основано на возможностях регионального бюджета, которого не хватает для решения глобальных проблем в сфере АПК. Так, финансирование из федерального бюджета, тех регионов, которые являются наиболее потенциальными в сфере развития сельского хозяйства, поможет обеспечить стабильное производство сельскохозяйственной продукции.

Рис. 2 – Принципы стратегического планирования устойчивого развития сельских территорий

Предложенные принципы стратегического планирования устойчивого развития дополняют принципы государственного регулирования сельских территорий. Использование данных принципов в совокупность позволит разрабатывать более эффективные стратегические планы развития сельских территорий.

Рассматривая основные аспекты стратегического планирования развития сельских территорий необходимо акцентировать внимание и на экономическое развитие сельских территорий. Рассмотрим развитие сельских территорий Республики Бурятия. Несмотря на то, что

доля сельского хозяйства в структуре валового регионального продукта невелика (8,9 % в 2017 г.), отрасль играет важную роль в экономике Бурятии, так как 41 % населения республики проживает в сельской местности. Однако неблагоприятные природно-климатические условия в 2015-2018 г. вновь привели к существенному изменению структуры производства сельскохозяйственной продукции, так как недополучение продукции растениеводства сопровождалось забоем скота, не обеспеченного кормами, и, следовательно, увеличением объемов производства продукции растениеводства. В

производстве сельскохозяйственной продукции в регионе заняты все категории сельских товаропроизводителей. При этом в разрезе категорий сельских товаропроизводителей сложилась определенная специализация на производстве отдельных видов сельскохозяйственной продукции.

Муниципальные образования в составе региона представляют собой сложные территориально-отраслевые формирования, существенно различающиеся между собой по географическому положению, природно-климатическим условиям, плотности населения, уровню экономического и социального развития и другим параметрам. Анализ динамики объемов производства продукции сельского хозяйства в разрезе районов показывает, что самые высокие темпы роста объемов производства за 2015-2018 гг. имеет Заиграевский район (в 2,1 раза), в основном за счет развития производственной деятельности свинокомплекса «Восточно-Сибирский», и Кяхтинский район (36 %). Темпы роста от 20 до 30 % отмечены в Баргузинском, Бичурском, Иволгинском, Хоринском районах, темпы роста от 10 до 20 % – в Еравнинском, Закаменском, Кижингинском, Муйском, Мухоршибирском, Прибайкальском, Северобайкальском, Селенгинском, Тарбагатайском, Тункинском районах. Спад объемов производства произошел в Баунтовском, Джидинском, Курумканском, Окинском районах.

Доля сельских муниципальных районов в общем объеме производства продукции сельского хозяйства значительно колеблется и зависит от природно-климатических, почвенных и социально-экономических условий конкретных районов. Лидерами в производстве продукции сельского хозяйства являются Заиграевский, Джидинский, Бичурский, Мухоршибирский, Тарбагатайский и Кяхтинский районы. Об уровне развития отраслей растениеводства и животноводства в сельских муниципальных районах республики можно судить по размерам посевных площадей и поголовью сельскохозяйственных животных. Лидерами по доле посевных площадей в общей посевной площади по республике являются Бичурский, Джидинский, Кабанский, Курумканский, Кяхтинский, Мухоршибирский и Тарбагатайский районы. Существенный прирост размеров посевных площадей за период с 2012 г. по 2014 г. среди этих районов произошел лишь в Курумканском районе – на 48,8 %. Окинский район, где произошло наибольшее увеличение посевных площадей – почти в 3 раза – напротив, является высокогорным отдаленным районом с суровым климатом и в среднем за три года имеет долю 0,4% в общей посевной площади по республи-

ке. В большинстве районов произошло сокращение посевных площадей, которое составляет в некоторых районах более 50 %.

Одним из ключевых показателей уровня развития животноводства в республике является поголовье крупного рогатого скота. Рост поголовья КРС за рассматриваемый период произошел в Бичурском, Иволгинском, Кабанском, Кяхтинском, Муйском и Тункинском районах. В остальных районах наблюдается сокращение поголовья КРС. Максимальное сокращение поголовья КРС (на 26,1%) отмечено в Прибайкальском районе, а максимальный рост (на 8,5 %) – в Кяхтинском районе.

Большая часть поголовья КРС сосредоточена в Бичурском, Джидинском, Еравнинском, Закаменском, Кяхтинском, Мухоршибирском и Тункинском районах, где содержится 55,3 % всего поголовья КРС республики.

Производства скота и птицы также развито неравномерно по районам республики. Наибольшая доля скота и птицы на убой произведена в Заиграевском районе – 21,2 %, где расположен крупнейший в республике свинокомплекс «Восточно-Сибирский». Долю производства скота и птицы на убой более 5 % обеспечивают Бичурский, Джидинский, Заиграевский, Закаменский, Мухоршибирский, Тарбагатайский и Тункинский районы. В совокупности доля этих районов составляет 58,3 %.

Максимальный прирост объемов производства произошел в Заиграевском районе за счет развития производственной деятельности свинокомплекса «Восточно-Сибирский» – в 3,2 раза. Максимальное сокращение объемов производства на 63,2 % произошло в Прибайкальском районе. Незначительный прирост объемов производства молока отмечен лишь в трех районах – Бичурском, Кижингинском и Мухоршибирском, в большинстве районов происходит сокращение объемов производства молока, что, несомненно, связано с засухами и низким уровнем обеспеченности отрасли кормами в анализируемом периоде. Максимальное сокращение объемов производства молока произошло в Баунтовском районе (на 33,3 %).

Производство яиц в основном сосредоточено на ОАО «Улан-Удэнская птицефабрика». В среднем за 2015-2018 гг. в сельских муниципальных образованиях произведено 47,6 % от общего объема производства яиц. Наиболее развито данное направление сельскохозяйственного производства в Бичурском, Джидинском, Кяхтинском, Мухоршибирском, Селенгинском районах, которые в которых в сумме произведено 18,1 % от общего объема производства яиц. Нарращивание объемов производства яиц за рассматриваемый период произош-

ло в Селенгинском (в 3,2 раза), Иволгинском (в 2,5 раза), Джидинском (на 7,7 %) и Кабанском (на 5,3 %) районах. Сокращение объемов производства яиц произошло в двенадцати районах, наиболее существенное – в Кижингинском (на 40 %), Муйском (на 33,3 %), Заиграевском (23,1 %) районах.

Результатом повторяющихся засух в рассматриваемом периоде стало резкое сокращение объемов производства зерна в целом по республике. Валовой сбор зерна в 2018 г. составил 19 % от уровня 2015 г. и лишь 4,7 % от уровня 1990 г. Наибольшая доля производства зерна приходится на Бичурский, Джидинский, Кабанский, Кяхтинский, Мухоршибирский, Тарбагатайский районы, в которых в сумме произведено 80,3 %. Указанные районы традиционно являются лидерами в производстве зерна, так как занимают территории с более благоприятными почвенными и климатическими условиями.

В производстве картофеля лидирующие позиции занимают Бичурский, Заиграевский, Иволгинский, Кабанский, Мухоршибирский, Прибайкальский, Тарбагатайский районы. В

сумме в среднем за три анализируемых года в данных районах произведено 60,3 % от общего объема производства картофеля. Рост объемов производства в 2018 г. по сравнению с 2015 г. произошел только в Иволгинском районе, в остальных сельских муниципальных районах произошло сокращение объемов производства картофеля в пределах от 3,5 до 40 % [4].

Анализ экономического состояния муниципальных образований республики показал, что на сельских территориях существуют проблемы. Одни муниципальные образования республики имеют различные объемы сельскохозяйственного производства, некоторые районы существенно отстают друг от друга по всем показателям. Все упирается в нехватке денежных средств для развития сельской территории, природно-климатические условия, низкая плодородность земель. В основном государством финансируются только лидеры в производстве. На небольшие сельскохозяйственных организации и сельские территории дотации не выделяются. Всю совокупность проблем развития сельских территорий можно представить в виде рисунка (рис.3).

Рис. 3 – Современные проблемы развития сельских территорий

Таким образом, проведенное исследование показало, что в развитии сельских территорий существует множество

проблем. При этом для устойчивого развития сельских территорий необходимо решение многих задач. Существующие стратегические

документы в области устойчивого развития сельских территорий нуждаются в дополнительной доработке. Не во всех документах прослеживаются специфические особенности развития сельской местности. В приоритете в основном у государства сельские территории, которые являются лидерами и в производстве, и в уровне развития, в основном это приближенные по территории к столице республики районы. Более отдаленные территории, многие из которых находятся за чертой бедности и в целом на грани исчезновения не могут претендовать на дотации государства, поскольку не имеют финансовых активов. Кроме этого в

стратегическом планировании устойчивого развития сельских территорий недостаточно прослеживается комплексность развития села. Поскольку для создания устойчивого развития сельской территории необходимо огромное финансирование, что не может в полной мере обеспечить государство.

Современное устойчивое развитие села должно придерживаться комплексного развития, государство должно быть заинтересовано в сохранении исчезающих сельских территорий, лишь привлекательность территории может решить проблемы и кадрового потенциала села и в целом проблемы сельской местности.

Литература

1. Тимофеева Н. С. Стратегическое планирование как важнейший элемент менеджмента устойчивого развития сельских территорий // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. № 1 (11). С. 143-148.
2. Стовба Е. В., Лукьянова М. Т., Ковшов В. А. Форсайт-прогнозирование устойчивого развития сельских территорий региона (на примере Республики Башкортостан) // Управление устойчивым развитием. 2020. №1. С. 17-24.
3. Официальный сайт «Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Бурятия». URL: <http://egov-buryatia.ru/minselhoz/> (дата обращения 05.07.2019)
4. Официальный сайт «Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия». URL: <http://burstat.gks.ru/> (дата обращения 13.06.2019)

Сведения об авторе:

© **Тимофеева Наталья Сергеевна** – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В.Р. Филиппова, Российская Федерация, Улан-Удэ, e-mail: rns-85@mail.ru.

Information about the author:

© **Timofeeva Natalia Sergeevna** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of management, Buryat State Agricultural Academy of a name V.R. Filippova, Ulan-Ude, e-mail: rns-85@mail.ru.

УДК 316.45

А. Р. Тузиков, Р. И. Зинурова, С. А. Алексеев

ОСОБЕННОСТИ СТЕРЕОТИПОВ В ОТНОШЕНИИ МИГРАНТОВ В ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЯХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-011-00981

Ключевые слова: мигранты, миграция, стереотипы, городские агломерации, семантический дифференциал

В современном мире особенно значимость приобретает процесс трудовой миграции, связанный с перемещением трудовой силы в страны с более благоприятной социально-экономической обстановкой. Российская Федерация в настоящее время входит в число таких стран и является привлекательной для мигрантов из стран постсоветского пространства. В отношении трудовых мигрантов можно говорить о формировании в общественном сознании двух типов образов. Первый тип базируется на позитивных характеристиках мигрантов и предполагает, что миграционные потоки в принимающий регион необходимы для стабильного экономического развития и не приводят к негативным тенденциям, способствуют обогащению его культуры за счет увеличения этнического разнообразия. Второй тип образов мигрантов построен на определении мигрантов как «чужих», воспринимаемых зачастую негативно, и рассматривает мигрантов как угрозу экономическому и культурному развитию региона, как источник риска. В рамках данной публикации анализируются представления населения городских агломераций о мигрантах на основе модификации семантического дифференциала, предложенного З. В. Сикевич. По полученным данным можно заключить, что наиболее негативно оценивают мигрантов респонденты, оценивающие риски, связанные с поселенческой локализацией мигрантов, как высокие. Это характерно как для Казанской, так и для Набережночелнинской агломераций. Для респондентов из Набережночелнинской агломерации, оценивающих риски, связанные с миграционной экономикой как высокие, характерна более негативная оценка мигрантов, чем для респондентов аналогичной группы Казанской агломерации. В рамках негативного отношения ведущим параметром, в первую очередь, является отсутствие ориентации на российские ценности. В группах респондентов, которые оценивают риски, связанные с мигрантами как низкие, наблюдается положительное отношение, однако оно не выражено в сильной степени.

A. R. Tuzikov, R. I. Zinurova, S. A. Alekseev

FEATURES OF STEREOTYPES WITH RESPECT TO MIGRANTS IN URBAN AGRICULTURES OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Key words: migrants, migration, stereotypes, urban agglomerations, semantic differential.

In the modern world, the process of labor migration associated with the movement of labor to countries with a more favorable socio-economic situation is becoming especially important. The Russian Federation is currently one of these countries and is attractive for migrants from the countries of the former Soviet Union. With regard to labor migrants, we can talk about the formation in the public consciousness of two types of images. The first type is based on the positive characteristics of migrants and suggests that migration flows to the host region are necessary for stable economic development and do not lead to negative trends, contribute to the enrichment of its culture by increasing ethnic diversity. The second type of images of migrants, built on the definition of migrants as «alien» perceived, is often negative and considers migrants as a threat to the economic and cultural development of the region, as a source of risk. In the framework of this publication, representations of the population of urban agglomerations by migrants are analyzed, based on a modification of the semantic differential proposed by Z. V. Sikevich. According to the data obtained, it can be concluded that the most negatively assessed by migrants are respondents who assess the risks associated with the settlement localization of migrants as high. This is characteristic of both the Kazan and Naberezhnye Chelny agglomerations. For respondents from the Naberezhnye Chelny agglomeration who assess the risks associated with the migration economy as high, a more negative assessment of migrants is characteristic than for respondents from a similar group of the Kazan agglomeration. In the framework of negative attitudes, the leading parameter in the first place is the lack of focus on Russian values. In the groups of respondents who assess the risks associated with migrants as low, a positive attitude is observed, but it is not strongly expressed.

Для современного глобализирующегося мира характерен интенсивный процесс трудовой миграции: сотни тысяч мигрантов из стран с низким уровнем социально-экономического развития отправляются в другие страны с более благоприятной социально-экономической обстановкой в поисках работы и более высоких заработков. Российская Федерация находится в числе стран, привлекательных для мигрантов. Так, с января по март 2020 года на миграционный учет в Российской Федерации встало около 3,5 млн. человек. Среди мигрантов, приехавших в Россию, преимущественно выходцы с постсоветского пространства: из Узбекистана (1 060 тыс. человек), из Таджикистана (610 тыс. человек), из Украины (292 тыс. человек), из Киргизии (244 тыс. человек), из Казахстана (168 тыс. человек), из Китая (130 тыс. человек), из Азербайджана (129 тыс. человек), из Армении (127 тыс. человек), из Белоруссии (107 тыс. человек), из Молдовы (82 тыс. человек) [1]. Среди регионов, лидирующих по количеству мигрантов, г. Москва и Московская область, г. Санкт-Петербург и Ленинградская область, Краснодарский край, Иркутская область, Свердловская область, Приморский край, Новосибирская область, Республика Татарстан, Калужская область (Рис. 1).

Следует заметить, что привлечение в Россию мигрантов осознается на государственном уровне как важная задача. В Концепции государственной миграционной политики Рос-

сийской Федерации до 2025 года, утвержденной Президентом России, подчеркивается, что привлечение иностранных работников по приоритетным профессионально-квалификационным группам в соответствии с потребностями российской экономики является необходимостью для ее дальнейшего поступательного развития, содействие обеспечению потребности экономики Российской Федерации в рабочей силе, модернизации, инновационном развитии и повышении конкурентоспособности ее отраслей провозглашается одной из целей государственной миграционной политики России [2].

Выступая на Ежегодной пресс-конференции 19 декабря 2019 года Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул, что «экономика требует притока иммигрантов, а отсутствие должного количества людей на рынке труда и должной квалификации уже сегодня является объективным фактором сдерживания экономического роста» [3]. При этом Президент РФ указал на необходимость повышенного внимания к вопросам адаптации мигрантов, по его мнению, за рубежом «нужно внедрять наши системы образования, открывать курсы по русскому языку, школы российские, филиалы наших вузов, и тогда приезжающие сюда люди будут чувствовать себя более комфортно, не будет такого раздражения у местных жителей, когда они сталкиваются с неуважением к нашей культуре и истории» [3].

Рис. 1 – Количество поставленных на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства в январе-марте 2020 года [1]

В тоже время возникает вопрос о качестве потока мигрантов. Так, Ю. Флоринская, указывает на произошедшую в последние годы трансформацию мигрантов, в результате которой современные трудовые мигранты, как правило, являются титульными национальностями стран выезда, среди которых численно преобладают мужчины, но увеличивается и доля женщин (до 30–35 %). Также среди мигрантов увеличилась доля молодых людей младше 29 лет, снизился образовательный уровень (у 40 % мигрантов отсутствует профессиональное образование), снизилось владение русским языком (около 20 % мигрантов не обладают достаточным знанием русского языка, чтобы не испытывать трудности при общении на работе) [4].

В общественном сознании в отношении мигрантов зачастую формируются стереотипы - упрощенные представления, клише, категоризирующие социальные объекты и явления, дающие им заранее запрограммированную оценку.

В целом можно говорить о формировании двух типов образов мигрантов в общественном сознании. Первый тип построен на позитивных характеристиках мигрантов, в рамках которого предполагается, что миграционные потоки в принимающий регион неизбежны и необходимы для стабильного экономического развития и не приводят к негативным тенденциям, что увеличение присутствия мигрантов в принимающем регионе обогащает его культуру за счет увеличения этнического разнообразия, необходима работа по привлечению мигрантов и их адаптации.

Второй тип образов мигрантов построен на отделении их от «своих» (жителей принимающего региона) и определяет мигрантов как «чужих», воспринимаемых схематично, менее благожелательно и более пристрастно. Такой образ определяет мигрантов как источник риска, как угрозу экономическому и культурному развитию региона и исходит из того, что приток мигрантов должен жестко контролироваться и регулироваться [5; 6, С. 115].

Так, например, Т. Г. Скребцова указывает на целый ряд негативных составляющих стереотипа, сформировавшегося в отношении мигрантов:

1) определенный регион происхождения мигрантов (в основном государства Средней Азии и Кавказа). Представители этих стран наиболее заметны в отличие от мигрантов из Белоруссии, Украины, Молдовы, что способствует тому, что негативные стереотипы в первую очередь формируются относительно них;

2) недостаточное внимание мигрантов к своему внешнему виду;

3) возможное наличие у мигрантов серьезных заболеваний, таких как туберкулез, или ВИЧ;

4) отсутствие у мигрантов достаточного уровня знаний, умений и навыков, необходимых для выполнения квалифицированной работы;

5) недостаточное владение мигрантов русским языком;

6) приверженность мигрантов правилам поведения, обычаям и культуре, свойственных региону происхождения, и отвержение правил поведения, обычаев и культуры, традиционной для региона, в который перемещается мигрант;

7) готовность мигрантов на сверхэксплуатацию, выражающуюся в согласии браться за виды работ, непривлекательных для местных жителей, согласии выполнять работу за гораздо меньшую заработную плату, чем местные жители, отказ от страховки и трудовых льгот;

8) наличие у мигрантов сплоченности, зачастую оборачивающейся фактором формирования этнических криминальных группировок, террористических групп;

9) формирование представления о мигрантах как факторе порождения социальных проблем и усложнения социально-экономической обстановке в принимающем регионе;

10) осуществление мигрантами переводов заработанных денег на свою родину, что оборачивается финансовым ущербом для России и ее регионов, возникающим из-за оттока финансов [6, С. 115].

Интерес представляет исследование, выполненное Г. И. Моревой, предпринявшей попытку выявить представления о мигрантах с помощью метода семантического дифференциала.

В качестве дескрипторов в предложенном Г. И. Моревой семантическом дифференциале выступают 43 различных параметра, которые характеризуют морально-нравственные нормы мигрантов (доброжелательность, уровень культуры, склонность к конфликтам и т.д.), готовность жертвовать собой ради удовлетворения своих потребностей (согласие на любую работу, любовь к труду и т.д.), готовность помочь и самому получать помощь, уверенность нации [7].

На основе этих характеристик Г.И. Моревой построен ряд портретов мигрантов. Так, выделенный портрет «идеального мигранта» объединяет в себе набор исключительно положительных характеристик, однако при этом

отождествления респондента с оцениваемыми мигрантами не происходит.

Портрет мигранта с Кавказа объединяет в себе исключительно отрицательные характеристики (респонденты при построении портрета выделяют такие характеристики как «читающий себя лучше других», «склонный к правонарушениям», «агрессивный»).

Портрет мигранта из Средней Азии содержит такие характеристики, как плохое знание языка, низкий уровень квалификации, низкий уровень культуры и т.п. Респонденты склонны позиционировать себя выше характеризуемых этим портретом [7].

В рамках нашего исследовательского проекта «Социальное картирование этноконфессиональных и миграционных рисков современной городской агломерации» мы также предприняли попытку анализа представлений населения городских агломераций Республики Татарстан [8, с. 76] о «мигранте из Средней Азии», «мигранте с Кавказа» на основе модификации семантического дифференциала, предложенного З. В. Сикевич в рамках разработанной ею методики по выявлению авто- и гетеростереотипов. Структура используемого семантического дифференциала представлена девятью парными дескрипторами: «Доброжелательный – недоброжелательный», «Открытый – закрытый» «Трудолюбивый – ленивый», «Инициативный – безынициативный», «Счастливы – несчастный», «Свободный – несвободный», «Ориентирующийся на российские ценности – ориентирующийся на ценности других стран», «Уважающий законы – не уважающий законы», «С чувством собственного достоинства – без чувства собственного достоинства» [9, с. 120-121; 10]. При этом мы сконцентрировались на представлениях о мигрантах, сформированных у групп респондентов как высоко, так и низко оценивающих факторы риска, связанные с мигрантами. Ранее мы на основе факторного анализа выделили 4 таких фактора риска: поселенческую локализацию, демонстрацию инокультурной символизации, миграционную экономику, криминальную и ценностную конфликтности [11, с. 80-81].

В качестве примера в таблицах 1-2 мы приводим средние значения по шкалам семантического дифференциала относительно фактора риска, связанного с поселенческой локализацией мигрантов, для двух указанных групп респондентов.

Проведенный анализ показывает, что средние значения оценок, сделанных по используемым шкалам респондентами, оценивающими риски, связанные с поселенческой локализацией мигрантов в Казанской агломерации в

отношении мигрантов из Средней Азии как высокие лежат в диапазоне от -0,6 до -2,1, причем наиболее низкие средние значения наблюдаются по параметрам «ориентация на российские ценности» (-2,1) и «чувство собственного достоинства» (-2,0). Для Набережночелнинской агломерации средние значения оценок, сделанных респондентами аналогичной группы, лежат в диапазоне от -1 до -2,3, наиболее низкие средние значения наблюдаются по параметрам «ориентация на российские ценности» (-2,3) и «счастье» (-2,0). Средние значения оценок, сделанных по используемым шкалам респондентами, оценивающими риски, связанные с поселенческой локализацией мигрантов в Казанской агломерации в отношении мигрантов из Средней Азии как низкие, лежат в диапазоне от 0,2 до 0,7, а в Набережночелнинской агломерации – в диапазоне от 0,1 до 0,4.

Средние значения оценок, сделанных по используемым шкалам респондентами, оценивающими риски, связанные с поселенческой локализацией мигрантов в Казанской агломерации в отношении мигрантов с Кавказа как высокие, лежат в диапазоне от -1,8 до -2,4, наиболее низкие средние значения наблюдаются по параметрам «доброжелательность», «ориентация на российские ценности», «чувство собственного достоинства» (-2,4). Для Набережночелнинской агломерации полученные средние значения лежат в диапазоне от -0,3 до -2,0. Наиболее низкие средние значения наблюдаются по параметрам «ориентация на российские ценности», «чувство собственного достоинства» (-2,0). Средние значения оценок, сделанных по используемым шкалам респондентами, оценивающими риски, связанные с поселенческой локализацией мигрантов в Казанской агломерации в отношении мигрантов с Кавказа как низкие, лежат в диапазоне от 0,2 до 0,6, а в Набережночелнинской агломерации – в диапазоне от 0,1 до 0,4.

Что касается средних значения оценок, сделанных по используемым шкалам респондентами, оценивающими риски, связанные с демонстрацией инокультурной символизации в Казанской агломерации в отношении мигрантов из Средней Азии как высокие, то они лежат в диапазоне от -0,8 до -1,8, причем наиболее низкое среднее значения наблюдаются по параметру «ориентация на российские ценности». Для Набережночелнинской агломерации средние значения оценок, сделанных респондентами аналогичной группы, лежат в диапазоне от -1 до -2,3, наиболее низкое среднее значение наблюдается по параметру «ориентация на российские ценности». Средние значения оценок, сделанных по используемым шкалам респон-

дентами, оценивающими риски, связанные с поселенческой локализацией мигрантов в Казанской агломерации в отношении мигрантов из Средней Азии как низкие, лежат в диапазо-

не от 0,1 до 0,6, а в Набережночелнинской агломерации – в диапазоне от 0 до 0,9.

Таблица 1 - Результаты построения семантических дифференциалов для респондентов, высоко оценивающих фактор риска, связанный с поселенческой локализацией

Параметры	Казанская агломерация		Набережночелнинская агломерация	
	Мигрант с Кавказа	Мигрант из Средней Азии	Мигрант с Кавказа	Мигрант из Средней Азии
Доброжелательный / Недоброжелательный	-2,4	-1,4	-1,0	-1,7
Открытый / Закрытый	-2,3	-1,5	-0,7	-1,3
Трудолюбивый / Ленивый	-1,9	-0,6	-0,3	-1,0
Инициативный / Безынициативный	-1,8	-1,1	-0,3	-1,0
Счастливый / Несчастный	-1,8	-1,3	-1,0	-2,0
Свободный / Несвободный	-2,0	-1,8	-1,0	-1,3
Ориентирующийся на российские ценности / Ориентирующийся на ценности других стран	-2,4	-2,1	-2,0	-2,3
Уважающий законы / Не уважающий законы	-2,3	-1,5	-0,7	-1,3
С чувством собственного достоинства / Без чувства собственного достоинства	-2,4	-2,0	-2,0	-1,7

Таблица 2 - Результаты построения семантических дифференциалов для респондентов, низко оценивающих фактор риска, связанный с поселенческой локализацией

Параметры	Казанская агломерация		Набережночелнинская агломерация	
	Мигрант с Кавказа	Мигрант из Средней Азии	Мигрант с Кавказа	Мигрант из Средней Азии
Доброжелательный / Недоброжелательный	0,4	0,6	0,3	0,0
Открытый / Закрытый	0,4	0,5	0,1	0,4
Трудолюбивый / Ленивый	0,4	0,7	0,1	0,1
Инициативный / Безынициативный	0,5	0,5	0,2	0,3
Счастливый / Несчастный	0,4	0,4	0,1	0,3
Свободный / Несвободный	0,5	0,4	0,1	0,3
Ориентирующийся на российские ценности / Ориентирующийся на ценности других стран	0,2	0,2	0,1	0,1
Уважающий законы / Не уважающий законы	0,2	0,5	0,1	0,1
С чувством собственного достоинства / Без чувства собственного достоинства	0,6	0,6	0,4	0,2

Средние значения оценок, сделанных по используемым шкалам респондентами, оценивающими риски, связанные с демонстрацией инокультурной символизации в Казанской агломерации в отношении мигрантов с Кавказа, лежат в диапазоне от -0,9 до -1,9, наиболее низкое среднее значение наблюдается по параметру «ориентация на российские ценности». Для Набережночелнинской агломерации полученные средние значения лежат в диапазоне от -0,3 до -2,0. Наиболее низкие средние значения наблюдаются по параметрам «ориентация на российские ценности», «чувство собственного достоинства». Средние значения оценок, сделанных по используемым шкалам респондентами, оценивающими риски, связанные с демонстрацией инокультурной символизации в Казанской агломерации в отношении мигрантов с Кавказа как низкие, лежат в диапазоне от 0,1 до 0,6, а в Набережночелнинской агломерации – в диапазоне от 0 до 0,8.

Средние значения оценок, сделанных по используемым шкалам респондентами, оценивающими риски, связанные с миграционной экономикой в Казанской агломерации в отношении мигрантов из Средней Азии как высокие, лежат в диапазоне от -0,6 до -1,5, причем, наиболее низкие средние значения наблюдаются по параметрам «ориентация на российский ценности» (-1,5) и «свобода» (-1,4). Для Набережночелнинской агломерации средние значения оценок, сделанных респондентами аналогичной группы, лежат в диапазоне от -0,5 до -1,8, наиболее низкие средние значения наблюдаются по параметрам «счастье» (-1,8), «ориентация на российские ценности» (-1,7). Средние значения оценок, сделанных по используемым шкалам респондентами, оценивающими риски, связанные с миграционной экономикой в Казанской агломерации в отношении мигрантов из Средней Азии как низкие, находятся в диапазоне от 0,2 до 0,7, а в Набережночелнинской агломерации – в диапазоне от 0 до 0,9.

Средние значения оценок, сделанных по используемым шкалам респондентами, оценивающими риски, связанные с миграционной экономикой в Казанской агломерации в отношении мигрантов с Кавказа, лежат в диапазоне от -0,8 до -1,9, наиболее низкие средние значения наблюдаются по параметрам «добродетельность» (-1,9), «открытость», «ориентация на российские ценности», «уважение к закону» (-1,7). Для Набережночелнинской агломерации полученные средние значения лежат в диапазоне от -1,0 до -2,0. Наиболее низкое среднее значение наблюдается по параметру «ориентация на российские ценности». Средние значения оценок, сделанных по используемым шкалам

респондентами, оценивающими риски, связанные с миграционной экономикой в Казанской агломерации в отношении мигрантов с Кавказа как низкие, лежат в диапазоне от 0,2 до 0,6, а в Набережночелнинской агломерации – в диапазоне от 0 до 0,8.

Средние значения оценок, сделанных по используемым шкалам респондентами, оценивающими риски, связанные с криминальной и ценностной конфликтогенностью в Казанской агломерации в отношении мигрантов из Средней Азии как высокие, лежат в диапазоне от -0,4 до -1,4, причем наиболее низкие средние значения наблюдаются по параметрам «ориентация на российский ценности» (-1,4), «свобода» (-1,3). Для Набережночелнинской агломерации средние значения оценок, сделанных респондентами аналогичной группы, лежат в диапазоне от -0,4 до -2,0, наиболее низкое среднее значение наблюдается по параметру «ориентация на российские ценности». Средние значения оценок, сделанных по используемым шкалам респондентами, оценивающими риски, связанные с криминальной и ценностной конфликтогенностью в Казанской агломерации в отношении мигрантов из Средней Азии как низкие, лежат в диапазоне от 0,2 до 0,6, а в Набережночелнинской агломерации – в диапазоне от 0 до 0,9.

Средние значения оценок, сделанных по используемым шкалам респондентами, оценивающими риски, связанные с криминальной и ценностной конфликтогенностью в Казанской агломерации в отношении мигрантов с Кавказа, лежат в диапазоне от -0,6 до -1,7, наиболее низкие средние значения наблюдаются по параметрам «ориентация на российские ценности» и «добродетельность». Для Набережночелнинской агломерации полученные средние значения лежат в диапазоне от -0,2 до -1,8. Наиболее низкое среднее значение наблюдается по параметру «ориентация на российские ценности». Средние значения оценок, сделанных по используемым шкалам респондентами, оценивающими риски, связанные с криминальной и ценностной конфликтогенностью в Казанской агломерации в отношении мигрантов с Кавказа как низкие, лежат в диапазоне от 0,2 до 0,6, а в Набережночелнинской агломерации – в диапазоне от 0,1 до 0,7.

В целом можно заключить, что наиболее негативно оценивают мигрантов респонденты, оценивающие риски, связанные с поселенческой локализацией мигрантов, как высокие. Это характерно как для Казанской, так и для Набережночелнинской агломераций. Для респондентов из Набережночелнинской агломерации, оценивающих риски, связанные с ми-

грационной экономикой как высокие, характерна более негативная оценка мигрантов, чем для респондентов аналогичной группы Казанской агломерации. В рамках негативного отношения ведущим параметром в первую очередь является отсутствие ориентации на российские ценности. В группах респондентов, которые оценивают риски, связанные с мигрантами как низкие, наблюдается положительное отноше-

ние, однако оно не выражено в сильной степени.

В целом полученные данные о стереотипах в отношении мигрантов могут быть полезны при разработке программ, направленных на формирование позитивного отношения к мигрантам, на их успешную адаптацию в российском обществе.

Литература

1. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь - март 2020 года с распределением по странам и регионам. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/20020743/> (дата обращения: 30.05.2020).
2. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> (дата обращения: 30.05.2020).
3. Официальный сайт Президента Российской Федерации. Большая пресс-конференция Владимира Путина. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62366> (дата обращения: 30.05.2020).
4. Коллегия миграционных экспертов «Новый гражданин». Умарова И. Ко дню мигранта: «Портрет» современного трудового мигранта в зеркале СМИ. URL: <http://migron.info/ko-dnu-migranta-portret-sovremenno-go-trudovogo-migranta-v-zerkale-smi/> (дата обращения: 30.05.2020).
5. Федюкина К. А. Образ мигранта в массовом сознании жителей Красноярского края // V Международная научно-практическая конференция «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы», сборник материалов. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2015. URL: <http://conf.sfu-kras.ru/ethnic-migration2015/participant/13902> (дата обращения: 30.05.2020).
6. Скребцова Т. Г. Образ мигранта в современных российских СМИ // Политическая лингвистика. 2007. № 23. С. 115-118.
7. Морева Г. И. ИмPLICITНЫЕ представления русского населения о различных видах мигрантов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 37. С. 136-140. URL: <http://e-koncept.ru/2015/95650.htm> (дата обращения: 30.05.2020).
8. Тузиков А. Р., Зинурова Р. И., Алексеев С. А. Структура этноконфессиональных и миграционных рисков в городских агломерациях Республики Татарстан // Управление устойчивым развитием. 2019. № 5 (24). С. 74-79.
9. Сикевич З. В. Метод семантического дифференциала в социологическом исследовании (опыт применения) // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2016. № 3. С. 118-128.
10. Алексеев С. А., Ильясова Ф. Ф. Особенности отношения к мигрантам в агломерациях Республики Татарстан // LVIII Международные научные чтения (памяти Б. Г. Галеркина): Сборник статей Международной научно-практической конференции (2 ноя бря 2019 г., г. Москва). Москва: ЕФИР, 2019. С. 95-97.
11. Тузиков А. Р., Зинурова Р. И., Алексеев С. А. Особенности структуры этноконфессиональных и миграционных рисков // Управление устойчивым развитием. 2019. № 4 (23). С. 77-83.

Сведения об авторах:

©**Тузиков Андрей Римович** – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой государственного, муниципального управления и социологии, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, an.tuzikoff@yandex.ru.

©**Зинурова Раушания Ильшатовна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института управления инновациями, зав. каф. менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, rushazi@rambler.ru.

©**Алексеев Сергей Анатольевич** – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и социологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: alekseyev75@mail.ru.

Information about the authors:

©**Tuzikov Andrey Rimovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, the Head of the Department for Public Administration and Sociology, Dean of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, an.tuzikoff@yandex.ru.

©**Zinurova Raushanya Ilshatovna** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Institute of Innovation Management, The Head for the Department of Management and Entrepreneurship, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: rushazi@rambler.ru.

©**Alekseev Sergey Anatolevich** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department Public Administration and Sociology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail:alekseyev75@mail.ru.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378.14

А. А. Карташова, О. М. Лаврова

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЛОДЕЖИ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И ПРАКТИКООРИЕНТИРОВАННЫХ ПРОЕКТОВ

Ключевые слова: исследование, молодежь, проект, технология, компетенция, образовательный курс, предприятие, инфраструктура, инновации

В статье описана актуальность организации исследовательской деятельности в учебный процесс на разных стадиях обучения. Так как исследовательская деятельность является неотъемлемой частью любого проекта, то образовательные, практикоориентированные работы требуют обоснование актуальности темы, описание общего состояния вопроса, исследование аналогов и конкурентов, описание проблемной ситуации и путей ее решения. Исследовательская деятельность является инструментом для производства новых знаний, которые могут быть заложены в основу проектной деятельности. Вне зависимости от направленности проекта, проведение изысканий способствует активизации мышления, формированию личной позиции, осознанию личного вклада в работу. Формирования навыков в ходе практической деятельности. Актуальной задачей, требующей приоритетного решения, является создание доступного и современного курса по знакомству с основами исследовательской деятельности. Проведена связь прорывных компетенций с практикой проведения исследовательских работ в проектной деятельности. Отмечена недостаточность информации по основам организации исследований как инструмента среди молодежи. Предложено решение на основе курса «Код исследователя: как стать настоящим ученым и изменить мир», разрабатываемого в рамках временного научно-исследовательского коллектива «Золотой стандарт развития ребенка 2.0» АНО «КОУТ 2.0». Для успешной организации исследовательской деятельности необходимы теоретические и прикладные знания. Теоретическая часть курса строится на теориях генерации идей, решения изобретательских задач, особенностях инженерного мышления, форсайта, перспективных трендах. Прикладная часть курса заключается в обзоре научных школ, объектов инновационной инфраструктуры и методах их работы, обзоре цифровых решений для исследователей, передаче механизмов для поиска необходимой команды и оборудования. Практическая часть курса заключается в тестировании профессиональных способностей, технической понятливости и пространственного мышления, а также выполнении конкретных исследовательских задач с использованием различных методов и технологий

А. А. Kartashova, O. M. Lavrova

RESEARCH ACTIVITY OF YOUTH AS A TOOL FOR THE IMPLEMENTATION IN EDUCATIONAL AND PRACTICE-ORIENTED PROJECTS

Keywords: research, youth, project, technology, competence, educational course, enterprise, infrastructure, innovation

The article describes the relevance of the organization research activities in the educational process at different stages of training. . Since research is an integral part of any project. then educational, practice-oriented work requires substantiation of the relevance of the topic, a description of the general status of the issue, a study of peers and competitors, a description of the problem situation and ways to solve it. Research activity is a tool for the production of new knowledge that can be laid in the foundation of project activities. Regardless of the direction of the project, conducting research helps to activate thinking, the formation of a personal position, and the awareness of personal contribution to the work. Formation of skills in the course of practical activity. An urgent task requiring a priority solution is the creation of an accessible and modern course on acquaintance with the basics of research .Communication of breakthrough competences with practice of carrying out research works in project activity is observed. There is a lack of information on the basics of the organization of research as a tool among young people. The solution is proposed on the basis of the course «Researcher Code: how to become a real scientist and change the world», developed within the framework of the temporary research team «Gold standard of child development 2.0» in University of Talents in Republic of Tatarstan». For the successful organization of research activities, theoretical and applied knowledge is re-

quired. The theoretical part of the course is based on theories of generating ideas, solving inventive problems, features of engineering thinking, foresight, and promising trends. The applied part of the course is a review of scientific schools, objects of innovative infrastructure and methods of their work, a review of digital solutions for researchers, transmission of mechanisms to find the necessary teams and equipment. The practical part of the course is to test professional abilities, technical understanding and spatial thinking, as well as Making a specific research problems using a variety of methods and technologies.

Исследовательская деятельность молодежи является важной составляющей в построении образовательного процесса и реализации проектного подхода. Приемы и методы проведения исследований начинают преподаваться с дошкольного возраста, активно внедряются в рамках общего образования, являются основой дипломного проектирования в высшей школе. Это позволяет существенно повысить качество процесса обучения, стимулировать развитие компетенций, формирует самостоятельную проактивную позицию, влияет на самооценку и постановку в рефлексивную позицию.

Исследование в той или иной форме является неотъемлемой частью любого проекта. Как образовательные, так и практикоориентированные работы требуют обоснование актуальности темы, описание общего состояния вопроса, исследование аналогов и конкурентов, описание проблемной ситуации и путей ее решения. Зачастую приемы научных и практических исследований основываются на технологии теории решения изобретательских задач, таких как:

- систематизация знаний и навыков,
- выделение существенных и второстепенных признаков,
- работа с противоречиями,
- постановка проблемы и пр.

Каждый из приемов направлен на активизацию мыслительного процесса, развитие познавательных качеств, а также развитие креативных способностей по созданию новых объектов [1-4].

Наличие опыта исследовательской деятельности напрямую влияет на освоение прорывных компетенций Университета Талантов, которые описаны в Государственной программе «Стратегическое управление талантами в республике Татарстан на 2015-2020 годы», а именно когнитивность (в умении перерабатывать большие объемы информации и находить новые знания на основе уже имеющихся фактов), открытость инициативность и предприимчивость (в части генерации экспериментальной работы, применения нестандартных методов и приемов, использования неочевидной логики для построения выводов), управление проектом под результат (как обобщающий навык для создания, разработки, развития, упаковки и

презентации исследования), видение и лидерство (при планировании экспериментальной части, предположении гипотез, самостоятельном поиске и выборе источников информации), командность и эффективность сотрудничества (особенно в вопросах работы в научном или исследовательском коллективе) [5].

Исследовательская деятельность является инструментом для производства новых знаний, которые могут быть заложены в основу проектной деятельности. Вне зависимости от направленности проекта, проведение изысканий способствует активизации мышления, формированию личной позиции, осознанию личного вклада в работу. Формирования навыков в ходе практической деятельности.

Несмотря на безусловную актуальность этой деятельности, нужно отметить, что общая концепция построения и организации системной исследовательской работы в понимании молодых людей отсутствует. На практике чаще всего встречается отрывочное понимание того, как организован процесс проведения исследований, как он может быть усовершенствован и за счет каких средств и партнеров.

Для решения этой задачи на базе Университета Талантов в рамках временного научно-исследовательского коллектива «Золотой стандарт развития ребенка 2.0» была организована деятельность по созданию ряда образовательных, развивающих модулей по направлению одаренности и группам компетенций для студентов АНО «КОУТ 2.0» в сфере основ исследовательской деятельности.

Актуальной задачей, требующей приоритетного решения, является создание доступного и современного курса по знакомству с основами исследовательской деятельности. Несмотря на важность данной работы, информации о принципах построения исследований среди молодежи недостаточно. Часто одаренные дети самостоятельно начинают научно-исследовательскую работу без поддержки, что в корне неправильно при проведении серьезных работ. С другой стороны, важно знать и понимать возможности взаимодействия с имеющимися объектами инфраструктуры, созданными при вузах, профильных организациях, лабораториях и инжиниринговых центрах. Кроме того, в настоящее время не сформирована культура использования открытых информацион-

ных реестров для обеспечения исследовательской деятельности.

В рамках разрабатываемого курса «Код исследователя: как стать настоящим ученым и изменить мир» предпринята попытка решения задачи развития способностей и формирования компетенций по организации научно-исследовательской деятельности, выстраивания траектории сопровождения одаренных (талантливых) детей и молодежи, создания привлекательных условий для закрепления в Республике Татарстан для последующей работы в инновационной сфере, а организации научно-исследовательской работы, с одаренными (талантливыми) детьми и молодежью.

Также обеспечена популяризация возможностей интеллектуально-творческого развития и развитие конкурентоспособного научно-внедренческого молодежного сообщества и сети проектно-изыскательских площадок.

Среди вызовов при организации исследовательской деятельности молодежи в образовательных и практикоориентированных проектах обозначены следующие:

– Многие начинающие исследователи не знают принципов организации научно-исследовательской работы (развитие компетенций, внедрение моделей работы с талантом).

– Необходимо связать «прорывные компетенции» с практикой в исследовательской деятельности (внедрение лучших моделей развития прорывных компетенций).

– Кто такой современный ученый-исследователь? Каковы перспективы? (создание траектории и кадрового резерва).

– Системная работа с исследованиями студентов Университета Талантов требует создание специализированного образовательного контента (продюсерская поддержка).

– Существующие меры поддержки Университета Талантов разрознены и молодые исследователи не понимают, каким образом они могут быть полезны в исследовательских проектах (создание привлекательных условий для закрепления).

– Подавляющее большинство исследователей не знают, какими возможностями, оборудованием, контактами они могут воспользоваться (расширение сети, создание сообществ).

Для успешной организации исследовательской деятельности необходимы теоретические и прикладные знания. Теоретическая часть курса строится на теориях генерации идей, решения изобретательских задач, особенностях инженерного мышления, форсайта, перспективных трендах.

Прикладная часть курса заключается в обзоре научных школ, объектов инновационной

инфраструктуры и методах их работы, обзоре цифровых решений для исследователей, передаче механизмов для поиска необходимой команды и оборудования.

Практическая часть курса заключается в тестировании профессиональных способностей, технической понятливости и пространственного мышления, а также выполнения конкретных исследовательских задач с использованием различных методов и технологий.

Структура подачи материала состоит из двух теоретических модулей:

– «Теоретические основы организации исследовательской деятельности» направлен на описание организационных основ построения серьезной исследовательской деятельности;

– «Практические основы организации исследовательской деятельности» более практикоориентирован и направлен на раскрытие возможностей и потенциала развития исследовательской деятельности.

В рамках первого модуля студенту предлагается информация о том, как организованы научные и практические исследования на высоком уровне. Выделены наиболее важные аспекты выполнения работ по данному направлению:

– даются определения исследовательской деятельности, а также других важных терминов, которые вы можете найти в словаре данного навигатора;

– обсуждаются вопросы роли и поиска научного руководителя;

– приводятся рекомендации по выбору тематики будущей работы;

– рассматривается вопрос проведения исследования в научном коллективе;

– закрепляются общие сведения о том, как начать исследовательский проект.

Кроме того, приводятся дополнительные материалы для наставника, которые помогут более глубоко изучить материал вместе со студентом в случае наличия в нем заинтересованности и предрасположенности. Помните, что согласно официальной статистике, только 15-17% людей на планете склонны к занятию исследовательской деятельностью.

Задача второго модуля – показать возможности для практического совершенствования и разработки исследований на базе инфраструктуры, созданной в Республике Татарстан. В модуле обсуждаются общие принципы поиска возможностей, которые можно применить для более широкой географии самостоятельно.

В рамках модуля обсуждаются следующие вопросы:

– На базе какой инновационной инфраструктуры можно проводить исследования?

– Где найти перечень имеющегося оборудования и как выйти на интересующую лабораторию?

– Как действовать юному исследователю при выполнении фундаментальной работы?

– Каким образом проводятся научно-практические исследования совместно с индустриальными партнерами?

– На каких площадках можно презентовать полученные результаты и является ли вообще эффективным механизм выполнения исследований для личной самореализации?

Практическая часть курса заключается в тестировании профессиональных способностей, технической понятливости и пространственного мышления, а также выполнения конкретных исследовательских задач с использованием различных методов и технологий: STEM (Science, Technology, Engineering, Mathematics) [6], перевернутый класс, реальные и игровые методы, кейсы – решение исследовательских практических задач от реального сектора экономики.

В процессе освоения программы планируется, что каждый ее участник:

– на основе анализа литературных данных сможет составить гипотезу, цель исследования и конкретные задачи для ее достижения;

– обретет навыки экспериментальной работы;

– научится интерпретировать результаты эксперимента, проводить коррекцию условий и анализировать изменения;

– оформит материал исследования или проекта в виде отчета и презентации под руководством наставника, который впоследствии будет представлен на конкурсы РТ

По данным опросов вузов Татарстана, лишь 30% всех проводимых исследований являются практикоориентированными. В связи с этим возникает запрос на расширение исследовательских работ, которые позволяют получить инновационный продукт и внедрить его в реальную экономику.

Данный учебный комплекс ориентирован на студентов Университета Талантов в возрасте от 14 до 30 лет, которые интересуются или уже проводят исследовательские работы.

Основная цель представленной информации – подарить вдохновение и технологии для выполнения научно-исследовательской работы на высоком современном уровне.

Материал дополняется методическим пособием для наставников «Навигатор для работников сферы по развитию талантов в Республике Татарстан: сборник занятий и дополнительные материалы» а также рабочей тетрадью с заданиями для студентов.

Для работы с интерактивной составляющей курса предложено дополнять материал видео лекциями в традиционном и современном формате. К числу последних предложено отнести:

– Интервью с экспертом;

– Мастер-классы (по работе с электронными площадками и исследовательским оборудованием);

– Блоги (о мероприятиях и мнениях участников их разных сфер).

Место исследованию можно найти в любой сфере: искусстве, науке, спорте, предпринимательстве, проектной или социальной деятельности. Тем важнее уметь грамотно выстроить этот процесс, найти единомышленников, быть в курсе последних разработок, чтобы «не изобретать велосипед». Это невозможно без формирования специального круга общения, учета основных трендов современной экономики, в также специфики Республики Татарстан и ее инфраструктуры поддержки исследовательской деятельности.

Несмотря на актуальность поставленной задачи, в настоящее время в открытом доступе недостаточно материалов для молодежи по указанной тематике. В связи с этим, создание материалов по организации исследовательской деятельности молодежи как инструмент реализации образовательных и практикоориентированных проектов является возможностью для расширения форматов и направлений работы с талантливой молодежью в Университете Талантов, в том числе в рамках Лаборатории проектного творчества, Проектной олимпиады, Продюсерской поддержки и при составлении Индивидуальных планов развития студентов.

Литература

1. Гин С. И. Занятия по ТРИЗ. Пособие для педагогов дошкольных учреждений. 4-е изд. Минск: ИВЦ Минфина, 2008. 112 с.
2. Гасанов А. И., Бубенцов В. Ю., Евсюков С. А., Кудрявцев А. В., Ревенков А. В. Учебник по ТРИЗ. М.: ФОРУМ, 2008. 189 с.
3. Нарбут Н. Н., Нарбут А. Ф. Учебник и сборник задач по ТРИЗ. Запорожье-Сеул, 2004. 213 с.

4. Зарипова Т. Ю., Туктамышева С. Ф. Казанский открытый университет Талантов 2.0: технология формирования прорывных компетенций как инструмент развития интеллектуального и инновационного потенциалов региона / Вестник Университета Талантов. №2. 2017. С. 47 – 50.
5. Зинурова Р. И. Актуальная молодежная повестка дня в Республике Татарстан // Управление устойчивым развитием. 2019. №6. С. 57-62.
6. STEAM образование как универсальный инструмент преподавания. URL: https://digis.ru/news/market_news/steam_obrazovanie_kak_universalnyy_instrument_prepodavaniya/ (дата обращения 15.06.2020).

Сведения об авторах

©**Карташова Александра Андреевна** – кандидат технических наук, руководитель службы развития инноваций Ассоциации «НП «КИТПК», Российская Федерация, e-mail: kitpk@list.ru.

©**Лаврова Оксана Мударисовна** – кандидат химических наук, доцент кафедры органической химии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, email: LavrovaOM@yandex.ru.

Information about authors

©**Kartashova Aleksandra Andreyevna** – Candidate of Technical Sciences, Head of the Innovation Development Service of the Association «NP KITPK», Russian Federation, e-mail: kitpk@list.ru.

©**Lavrova Oksana Mudarisovna** – Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor of the Department of Organic Chemistry, Kazan National Research Technological University, Kazan, Russian Federation, e-mail: LavrovaOM@yandex.ru.

УДК 378

А. Б. Пичугин

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПАТРИОТИЗМА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Ключевые слова: государство, образование, патриотизм, патриотическое воспитание, социум, студенческая среда, высшая школа, Новое время, Новейшее время, Россия

Статья освещает проблемы российского образования в студенческой среде Высшей школы и констатирует, что главным залогом успеха в формировании «здоровой» молодежной политики является патриотизм. В настоящее время с патриотизмом тесно связана молодежная среда, в частности студенчество, которое по мнению автора является главным двигателем социально-политического климата в стране. Автором статьи был проведен историографический анализ ряда статей с 2001 по 2019 гг., в которых были затронуты аспекты и особенности формирования патриотизма в молодежной среде Высшей школы. В результате исследования выявлены основные тенденции и особенности понимания патриотического воспитания, присущие только определенному историческому периоду и региону на постсоветском пространстве. В результате развала СССР устои патриотизма в обществе несколько изменились. Если патриотизм в Советском Союзе являлся сателлитом идеологии для более чем 289 млн. советских граждан, то на пост советском пространстве эта тенденция изменилась. Демократизация постсоветского общества обнажила его проблемность в первую очередь на уровне Высшей школы как в преподавательской, так и в студенческой среде. В связи с этим автором статьи сделаны выводы о ключевой роли дальнейшего развития патриотического воспитания студентов педагогами и преподавателями России и Казахстана. Проанализированы его проблемные точки, которым преподавателю высшей школы в дальнейшем необходимо уделять особое внимание.

А. В. Pichugin

CHARACTERISTIC FEATURES OF PATRIOTISM DEVELOPMENT IN THE FORMER SOVIET UNION AND ITS INFLUENCE ON STUDENTS IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY

Keywords: state, education, patriotism, patriotic education, society, student environment, higher education institutions, modern times, contemporary times, Russia

The paper highlights the problems of Russian education among university students and states patriotism to be the key recipe for success in the formation of a sound youth policy. Currently, patriotism is closely connected with the youth environment, in particular the student community, which, according to the author, is the main driver of the socio-political climate in the country. The author has made a historiographic analysis of a number of articles published in 2001 to 2019, which touch upon the aspects and features of the formation of patriotism in the university youth environment. The study revealed the key trends and characteristics of the concept of patriotic education, which are specific only to a certain historical period and region in the post-Soviet territory. The collapse of the USSR resulted in some changes in the foundations of patriotism in the society. While patriotism in the Soviet Union used to be a satellite of ideology for more than 289 million Soviet people, in the post-Soviet countries this has changed. The democratization of the post-Soviet society has exposed its problematic nature, primarily at the university level, both among the faculty and the students. In this regard, the author draws conclusions about the key role of further development of patriotic education of students by Russian and Kazakhstan teachers. The paper provides the analysis of the issues to be addressed, to which university teachers should pay special attention in the future.

Сегодня в России проблема патриотического воспитания является насущной и вызывает много вопросов. Такая тенденция связана как с мировой геополитической обстановкой, так и с внутривнутриполитическими аспектами жизни российского общества [1, с. 4.] Все

больше в научном сообществе возникает полемика, связанных с самим понятием термина «патриотизм». Ведь не секрет, что патриотизм в разные периоды истории понимался по-разному, а, следовательно, и развитие общества шло по разным траекториям. Так, слово «пат-

риот» (в буквальном смысле греч. patriotes – земляк), изначально понималось как «земляк», «соотечественник». Позже, патриотами стали называть людей, которые на передний план ставили заботу о процветании своего отечества, а «землякам» и «соотечественникам» дали похожее слово – *компатриот*. До XVIII века в Европе при Старом порядке понятия «государство» и «отечество» были неразрывными и соответствовали преданности монарху, а значит и отечеству. Всем известна одна крылатая фраза Людовика XIV, сказанная им на одном из заседаний парламента в 1655 г. «Государство – это Я». В XVIII в. происходят глобальные изменения во внутривластной жизни Европы. Абсолютные монархии ряда европейских государств начинают трещать «по швам», а интересы отечества ставятся в противоречие с интересами власть предержащих. Так, нестабильная внутривластная обстановка в Англии первой половины XVIII в. спровоцировала «подковерную борьбу» парламентской оппозиции с премьер-министром. Оппозиционеры стали именовать себя «патриотами», а своих противников, в числе которых был премьер-министр «придворными». М. Одесский и Д. Фельдман замечают, что такое противопоставление характерно в дальнейшем для идеологов революций в США (Т. Джефферсон говорил, что «Древо свободы должно время от времени освежаться кровью патриотов и тиранов»), Франции (один из самых известных лозунгов Великой французской революции – «Отечество в опасности!») [2, с. 252]. Таким образом, конец XVIII в. кардинально изменил содержание моральных и нравственных ценностей в обществе.

В России слово «патриот» начали вводить в словарный оборот во второй половине XVIII в. Екатерина II прибегла к этому слову в борьбе за престол, где патриотами называла своих сторонников, помогающих ей свергнуть Петра III предавшего интересы Отечества. Но разница «патриотизма» Екатерины от «патриотизма» Великой французской революции очевидна, т.к., в сущности, своей это понятие преследовало совсем другие цели, ведущие к усилению роли абсолютной монархии в России. Постепенно «патриот» в русском понимании переосмысливается в русле идеологических установок эпохи. Так, при Николае I слово «патриот» было переосмыслено – им стали называть верноподданных, приближенных к монарху. Поэтому в либеральной среде это слово постоянно высмеивалось. В конце XIX в. патриотизм в России воспринимался неоднозначно. Так, интеллектуальная элита, состоящая в большей степени из интеллигенции либеральной направленности, стала противопоставлять-

ся «патриотам». В данном случае, официальный патриотизм стал использоваться как средство борьбы с инакомыслием, в связи, с чем это направление негласно стали называть «казенным патриотизмом». Впоследствии к «патриотам» в либеральных кругах стали приписывать радикалов различного толка: черносотенцев, погромщиков, ксенофобов. Лишь в годы Первой мировой войны в России понятие «патриот» себя реабилитировало и стало синонимом защитника Отечества. Эта же тенденция прослеживается на заре Первой мировой войны в Европейских странах [3, с. 258; 4, с. 207]. Дальнейшая трансформация этого понятия в России происходит на исходе 1917 г. в годы Октябрьской революции, когда первая политическая волна русской эмиграции, нахлынувшая в Европу и на Дальний Восток, состоящая в большинстве своем из русских офицеров стала называть себя «русскими патриотами». Таким образом, и «те» и «эти» считали себя патриотами своей Родины. Молодое советское правительство постепенно начинает сглаживать противопоставление интернационального национальному [2, с. 252]. В итоге Советская Россия в 30-е гг. начинает отождествлять себя с «истинным отечеством всех трудящихся». В годы Великой отечественной войны в СССР происходит переосмысление общенациональных ценностей, где на главные позиции выходит тождество «русского патриотизма» с «советским патриотизмом». Можем вспомнить, например, как на переломе Великой Отечественной войны советское правительство вводит в военный устав целый ряд традиционных для русской армии знаков различия (погоны, ордена Кутузова, Суворова, Александра Невского, Орден Славы, который имел георгиевскую ленту).

Послевоенное развитие советской идеологии к концу 40-х – началу 50-х гг. встречало неизбежные угрозы от капиталистического Запада. Тогда советскому правительству стало необходимо прибегнуть к старой проверенной идеологии «русского патриотизма» на основе «русского национализма». В это время в СССР происходит выдвижение русского приоритета, где например иностранные названия товаров народного потребления: приборы, кондитерские изделия, одежда, обувь и т.д. заменялись на русские. С хрущевской оттепелью произошло и изменение морально-идеологических ориентиров в стране. Либерализм чувствовался во всем: в поэзии, в театральном искусстве, живописи. И снова наступала пора двойственного понятия этого слова. С одной стороны слово «патриот» ассоциировалось с прошедшей военной эпохой, а с другой стороны ассоциировалось с преданностью

советской номенклатуре. На заре «перестройки» эти тенденции лишь усилились: либералы и противники советской системы под соусом гласности и свободы уже в открытую высмеивали образ патриота и сам патриотизм. Такая ситуация очень схожа с дореволюционным периодом русской истории. Об это мы писали выше.

Актуальность вопроса формирования патриотизма в студенческой среде в настоящее время бесспорна. На наш взгляд, патриотическое воспитание молодого поколения в России просто необходимо, т.к. российское самосознание на протяжении столетий возвращало это качество на особом, присущем только российской действительности подсознательном уровне. Имея сильный многонациональный компонент, где мирно живут более 150 национальностей, Россия должна иметь сильный патриотический стержень, где бы затрагивались интересы граждан всех социальных групп. Студенчество – особая группа, возможно, самая главная, которая и формирует общероссийский социально-политический климат в стране. Понимание проблемы патриотического воспитания в студенческой среде на постсоветском пространстве в целом видится одинаковым. Но есть и свои особенности, которые показывают со временем, некоторые различия в понимании преподавателями решений проблем патриотизма у студента высшей школы.

Так, самая ранняя нами исследуемая публикация относится к 2002 г. В ней, известный российский социолог и историк В. М. Козьменко затрагивает проблемные аспекты конца 90-х начала 2000-х гг., где на передний план автор ставит плохую ситуацию с преподаванием истории в высшей школе. «Многоликость» учебников по истории в начале 2000-х, по словам автора, било все рекорды, что не могло не повлиять как на качество материала, так и на международный престиж России. Этим были подорваны базовые устои изучения отечественной истории и истории отечественной культуры как базового компонента для формирования патриотизма и активной гражданской позиции [5, с. 13]. Автор видит в подрыве престижа России так же «заслуги» западных историков, развивающих противоречивую и порой фальсифицированную информацию, посредством различных диверсионных программ направленных против СССР. Автор в заключительной части статьи надеется на улучшение системы исторического образования в учебных заведениях России, и констатирует, что отечественная история как предмет должен быть главным инструментом в формировании моло-

дого поколения на лучших традициях русского народа, патриотизма и любви к Родине.

В 2008 г. исследователи Н. В. Григорьев и О. В. Петунин в рассуждениях о принципах воспитания патриотизма у студентов технических вузов страны, разделяют данную проблему на «теоретичность» и «практичность» патриотического воспитания [6, с. 277]. В теории одно, а на практике совсем другое. Авторы статьи ищут баланс между этими принципами, что бы не получился «уход в утилитаризм». Сбалансированность, таким образом должна быть достигнута по всем направлениям воспитательного образовательного процесса в вузе, где сам педагогический процесс воспитания представляет собой организацию условий от одних конкретных целей студента, к его собственной внутренней – балансом «своего» и «общего» или даже конкретнее – «индивидуализма» и «коллективизма». Таким образом, авторы к основополагающим принципам воспитания патриотизма относят *принцип сбалансированности абстрактных и конкретных идеалов, принцип уважения личности, принцип комплексности, согласованности и преемственности* в процессе патриотического воспитания, *принцип коллективизма*. Как можно заметить, принципы патриотического воспитания в интерпретации авторов статьи захватывают широкий спектр методов воспитания – от индивидуалистского (либерального) до коллективистского (классического).

В это же время выходит очень содержательная статья исследователей М. П. Одесского и Д. М. Фельдмана затрагивающая историографию понятия «патриотизм», на каких принципах оно зарождалось и как в дальнейшем трансформировалось [7, с.109 – 123]. Авторами подчеркивается, что слово «патриот» понималось сообразно времени по-разному и как показывает история, «патриотизм» в истинном смысле осознавался и возрождался в ходе противостояний внутривнутриполитических или внешнеполитических. Со временем понятие «патриот» видоизменилось и стало наиболее мягкой формой традиционных пропагандистских технологий. Патриотизм стал пониматься двойственно: как ассоциация с ксенофобскими компаниями и как военная ассоциация. Слово «патриот» в Новое и Новейшее время, по словам авторов статьи, стало систематически эксплуатироваться политиками [7, с. 123].

Рассматривая решения проблемы патриотического воспитания в студенческой среде ближнего зарубежья, выделяется актуальная статья наших Казахстанских коллег в лице В. В. Сергеевой [8, с. 214 – 221]. В своей статье Валерия Викторовна затронула важную про-

блему степени эффективности педагогической подготовки студента через формирование культуры патриотизма. Так, по мнению автора, важной составляющей нашего современного общества является принятие общечеловеческих и возрождение национальных ценностей. Исследователь замечает, что в современном мире, большинству молодежи Казахстана всё же чужды такие явления, как гражданский долг, патриотизм, ответственность. В стране наблюдается низкий уровень культуры даже у наиболее образованной части населения. Для воспитательной работы в образовательных учреждениях присущи формализм, неопределённость в совершенствовании воспитания личности. Причину такой атмосферы автор видит в том, что патриотическое воспитание молодой личности рассматривается как сопутствующий образованию процесс [8 с. 214]. В. В. Сергеева считает, что наряду с необходимостью развивать в будущих педагогах профессиональные компетенции, необходимо так же развивать высокий уровень патриотической культуры. Проведенный исследователем социологический анализ по выявлению уровня патриотической культуры в студенческой среде показал, что учащиеся начальных курсов ставят патриотизм, духовное богатство и духовную культуру лишь на десятое место из пятнадцати. Ситуация с почти сформировавшимися педагогами (студенты 4 курса) еще куда хуже: духовные, культурные качества и патриотизм был у них на двенадцатом месте из пятнадцати. Ответы на вопрос о героических событиях страны констатировали, что 70 % будущих педагогов не способны отделить героические события от исторических, 18 % дали ответ «не знаю» и только 12 % назвали героев страны.

В. В. Сергеева делает вывод, что чувство патриотизма в студенческой среде находится в пассивном состоянии. Вина здесь лежит, прежде всего, на администрации вуза и преподавателях, которые не до конца осознают важность и актуальность культурной среды вузов в процессе воспитания, а если и осознают, то не владеют целеполаганиями; гуманитарные и специализированные дисциплины не всегда наполнены проблемами патриотизма; культурная среда вузов в большинстве своем не несет в себе патриотической составляющей. Решение проблемы автор видит в новом пути формирования патриотической культуры студентов, в котором патриотизм будет направлен из *качества в убеждение*, сделав его оплотом жизнедеятельности. Автор подчеркивает, что педагог является главным субъектом в среде развития общества. По результатам социологического опроса 358 студентов России и Казахстана бы-

ло выделено три группы, в которых 19,8 % составили яркие индивидуалисты, 55,8 % не достаточно определившиеся индивиды, у которых не чувства сопричастности к судьбе страны и 24,4 % молодых людей - коллективистов, с социально-активной жизненной позицией. Исследователь, в связи с этим делает вывод, «что высшая педагогическая школа должна взять за основу процесс всестороннего развития личности, который представлен единством воспитания и образования...» [8, с. 217].

Заслуживают внимания статьи воспитательно-патриотической направленности в кризисный для России период с 2014 г. по настоящее время. Этот кризисный период, если его так можно назвать, пестрит статьями воспитательно-патриотической направленности. Это и понятно: России сегодня как никогда нужен – просто необходим культурно - патриотический скачок. Так, в очередном номере журнала «Изборский клуб. Русские стратегии» авторами В. А. Шамаховым и Н. М. Межевичем была четко сформулирована тенденция развития социальной структуры Российского общества. В частности они констатируют, что «Социальная структура российского общества в первые полтора десятилетия XXI века характеризовалась относительной устойчивостью, притом, что в Европе разрушение традиционной занятости и жизненных стратегий началось еще в конце XX века. Турбулентность в обстановку может внести ухудшение социального положения большинства населения. События 2018 года показали, что запас прочности социальной структуры российского общества заканчивается. Аналогичные, а точнее, даже более масштабные проблемы не могут служить оправданием нашей пассивности» [9, с. 62]. Причиной тому, по мнению авторов, является нарастающее и набирающее обороты такое явление, как молодежный прекариат. Так, для студентов 23-24 лет, проблемой является неполная и нестабильная занятость. Такая ситуация подрывает авторитет системы высшего образования, и требует он нее соответствия потребностям будущего [9, с.63]. Похожих точек зрения придерживается, и профессор А. Р. Тузиков, выдвигая тезис о современном образовании как о мощнейшем инструменте обеспечения единства и преемственности идентификаций [10, с. 78], которое должно быть направлено в русло Smart консерватизма, обеспечивающего принцип «не навреди». В связи с этим в настоящее время правительствами Российской Федерации разрабатываются и реализуются многочисленные программы, связанные с патриотическим воспитанием молодежи.

Интересный подход к проблеме патриотического воспитания видится в статье Г. И. Ильмушкина [11, с. 184-190]. На примере исторических основоположений Российского государства, автор приходит к предпочтениям традиционных ценностей в русской армии и Русской Православной Церкви, советского патриотизма в годы Великой Отечественной войны. Рассматривая исторический контекст проблемы, Г. И. Ильмушкин подчеркивает особое, отличное от других, российское патриотическое сознание, накопленное в ходе многовековых изменений. В связи с этим автор констатирует, что патриотическое воспитание представляет собой сложное явление, направленное на передачу жизненного опыта от поколения к поколению. По мнению автора, *казацкий компонент* в воспитании патриотизма у молодежи может способствовать здоровому образу жизни, усилению статуса армии в их глазах, развитию профессионализма в будущей профессии. Главная национальная идея России, по его мнению – это патриотизм. Он является стратегической задачей, которая может решить такие жизненно-важные аспекты жизни российского общества, как национальная безопасность и процветание государства [11, с. 190].

А. С. Нефедова в своей статье «Патриотическое воспитание студентов в современном вузе» [12, с. 71-76] дает краткую педагогическую оценку происходящему. Автор замечает снижение воспитательного потенциала высшей школы, которое привело к некачественным изменениям в отношении духовно-нравственных ценностей, деградации патриотического сознания значительной доли молодых студентов. Решение проблемы Анна Сергеевна видит в преподавателе, который может грамотно корректировать воспитательный процесс, а реализация внедрения в студенческую среду духа патриотизма видится в решении таких социальных задач, как:

- 1) Изучение студентами приобретенных ценностей (основ духовно-нравственного развития личности)
- 2) Обогащение эмоционально-ценностной сферы личности и развитие патриотических чувств.
- 3) Систематическое накопление обогащения опыта на благо общества и государства в целом.

Проведенное автором статьи социологическое исследование показало, что основные духовно-нравственные ценности студентов сформированы слабо. Роль патриотизма в жизни недооценивается студентами. На первое место молодые люди ставят материальные ценности, гораздо ниже оценивают роль духовной

культуры (литература, наука и т.д.), всей сложности и противоречивости процессов настоящего времени, не доверяют роли общественно-политической деятельности. Исследователь видит решение этой проблемы в военно-патриотическом воспитании студентов через проведение различных мероприятий: военно-спортивных игр, студенческие объединения поисковой деятельности, дружины, спартакиады, уроки мужества и т.д. Именно в студенческой среде, по словам А. С. Нефедовой, человек начинает осознавать себя личностью, пробует нести ответственность не только за себя, но и за других во благо Отечества [12, с. 74]. Таким образом, А. С. Нефедова делает вывод, что патриотическое воспитание студентов вуза должно формироваться под влиянием социального заказа общества.

Некоторые исследователи решение проблемы патриотического воспитания студентов высшей школы видят в контексте условий поликультурной образовательной среды [13, с. 80-83]. Патриотизм может восприниматься через призму понимания других культур, признания и принятия аспектов культурного разнообразия. Этот подход у автора является двигателем процесса развития поликультурной образовательной среды, где усиление роли этнического компонента согласуется с методологической установкой на воспитание будущего представителя социума. В ключе социально насыщенной поликультурной образовательной среды, целенаправленно воспитывается патриотизм и гражданская позиция, происходит выработка социального поведения. Таким образом, эффективность такой модели авторы видят в активном включении студентов в различные проекты, где бы показывалась ценность различных национальных культур, многообразие языков и традиций России.

Несколько другой подход видят в решении проблемы патриотического воспитания в студенческой среде В. Л. Крайник и М. А. Прищепа [14, с.208-210]. Они подтверждают устоявшийся тезис о значимости современного вуза в воспитании молодежи и подчеркивают, что студенчество - самая ответственная пора для развития в личности общественно значимых ценностей, гражданственности и патриотизма. Авторы так же заостряют внимание на такой интересной детали, как интеллигенция, к которой студенчество как класс стоит ближе всех. А интеллигенция, как известно, всегда являлась «интеллектуальным портфелем» интеллектуального труда.

Формировании молодого патриота, по словам авторов, учувствуют такие принципы, как:

принцип сбалансированности абстрактных и конкретных идеалов патриотизма.

принцип уважения личности

принцип комплексности, согласованности и преемственности воспитательных воздействий

принцип коллективизма

Авторы так же констатируют, что вуз в настоящее время продолжает оставаться специально созданной средой, нацеленной на качественную социализацию студента, где воспитывают не только специалистов отдельных специальностей, но и граждан-патриотов.

Таким образом, проблема воспитания патриотизма в образовательной среде высшей школы, в разные периоды времени воспринималась по-разному. Прежде всего, это связано со временем, которое диктует нам тенденцию в развитии. 2002 год для России был, если можно так сказать, начальным этапом формирования новой социально-политической доктрины. Это было время, когда после «лихих» 90-х, научное сообщество, высшая школа стали по крупинкам собирать потерянные, но давным-давно обретенные качества гражданской ответственности, национальной гордости, любви к своему Отечеству, патриотизма. К сожалению, с 2014 г. Россия очередной раз принимает масштабный

вызов от западного мира, и это не могло не сказаться на характере общественной гражданской позиции. Сегодня этот процесс идет полным ходом – этой проблемой занимаются в высших эшелонах власти, создаются соответствующие молодежные организации, проводятся всероссийские и международные конференции, развиваются некогда забытые спортивные программы студенческого спорта и т.д.

Сегодня вопрос патриотического воспитания социально ответственного молодого поколения стоит наиболее остро, более того, он стал стратегически важным [15, с. 65]. Высшее учебное заведение для студенческой среды должно быть не только «храмом науки», но и местом приобщения к общечеловеческим ценностям, направленным на формирование грамотной корпоративной культуры [16, с. 294]. И в связи с этим искренне хочется надеяться, что формирование патриотизма в студенческой вузовской среде благотворно повлияет на характер высшего образования, а предметы гуманитарного плана, такие, как «Отечественная история», которые непосредственно участвуют в формировании здоровой гражданской позиции, станут если не главнейшими в учебном процессе, то хотя бы основными.

Литература

1. Савина Н. В. Гражданско-патриотическое воспитание студентов вуза: государственный заказ или реальность // Гуманитарный трактат. 2016. № 1 (1). С. 4–9.
2. Одесский М. П., Фельдман Д. М. Поэтика власти: Тираноборничество. Революция. Террор. М.: Российская полит. Энциклопедия, 2012. 263 с.
3. Крайсман Н. В., Пичугин А. Б., Мигнот Л. Россия – Франция: Исторические параллели в формировании патриотизма и общечеловеческих нравственных ценностей / Социально-ориентированное проектирование системы формирования гражданской идентичности учащейся молодежи в поликультурном образовательном пространстве: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Т. I. Казань, 2018. 276 с.
4. Пичугин А. Б., Крайсман Н. В. Исторический опыт деятельности образовательных учреждений дореволюционной России в свете современных социокультурных условий формирования гражданской идентичности // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5. С. 206.
5. Кузьменко В. М. Трудности и надежды вузовского курса отечественной истории // Вестник РУДН. №1. М., 2002. С. 8–5.
6. Григорьева Н. В., Петунин О. В. Принципы воспитания патриотизма студентов технического вуза // Сибирский педагогический журнал. 2008. №2. С. 274–279.
7. Одесский М. П., Фельдман Д. М. Идеологема «патриот» в русской, советской и постсоветской культуре // Общественные науки и современность. 2008. №1. С. 109–123.
8. Сергеева В. В. Повышение эффективности профессионально-педагогической подготовки будущих педагогов через формирование патриотической культуры // Педагогическое образование в России. 2013. №2. С. 214 – 221.
9. Шамахов В. А., Межевич Н. М. «Дивный новый мир» и его вызовы для российской молодежи // Изборский клуб. Русские стратегии. 2019. № 2(68). С. 56 – 65.
10. Тузиков А. Р. Высшее образование и очарование идеологического «реформизма» // Изборский клуб. Русские стратегии. 2019. №2(68). С. 76 – 83.

11. Ильмушкин Г. И. Моделирование системы воспитания патриотизма у студентов в образовательном пространстве вуза с казачьим компонентом // Самарский научный вестник. 2016. - №4. С. 184 -191.
12. Нефедова А. С. Патриотическое воспитание студентов в современном вузе / А. С. Нефедова // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2018. Т. 13. №5. С. 71 – 76.
13. Омаров О. Н., Закарьяева С. З. Поликультурная образовательная среда вуза как условие формирования гражданско-патриотической позиции студента // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т.8. №2(27). С. 80 – 83.
14. Крайник В. Л., Прищепа М.А. К вопросу о патриотическом воспитании студентов в современном вузе // Мир науки, культуры, образования. 2019. №2(75). С. 208 – 210.
15. Тузиков А. Р. Высшее образование: Идеологемы реформ и практика имитаций // Управление устойчивым развитием. 2020. №1 (26). С. 60 – 65.
16. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р. Дискурсы академического капитализма и традиции образования: контексты взаимодействия в исследовательских университетах // Вестник Казанского технологического университета. 2012. №.15. С. 293 – 294.

Сведения об авторе:

©**Пичугин Андрей Борисович** – аспирант КФУ, ассистент кафедры государственного, муниципального управления и социологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: p_andre76@mail.ru.

Information about the author:

©**Pichugin Andrey Borisovich** – postgraduate student of Kazan Federal University, assistant of the department of state, municipal administration and sociology, Kazan National Research Technological University, Kazan, Russian Federation, e-mail: p_andre76@mail.ru.

УДК 378.14

Г. И. Шевченко, А. И. Калашникова

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПОДГОТОВКЕ ОНЛАЙН-ТьюТОРА

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровая компетентность, инновационные технологии и средства обучения, образовательный процесс, онлайн-тьютор, онлайн-обучение, онлайн-пространство

В статье проведен обзор и анализ цифровых технологий, используемых в образовании для подготовки онлайн-тьютора в высшей школе, в рамках дисциплин по выбору или дисциплин, формируемых участниками образовательных отношений. Сегодня, чтобы стать эффективным онлайн-тьютором необходимо приобрести новые компетенции, освоить новые форматы общения, обеспечивающие широкое распространение знаний и информации за счёт их трансформации в цифровые образовательные продукты. Использование онлайн-обучения способствует созданию комфортных условий для разного рода коммуникации, образования и творчества на протяжении всей жизни в удобных формах и в удобное время. Для осуществления функций онлайн-тьютора педагогическими работниками образовательных организаций и подготовки онлайн-тьютора в высшей школе, необходимо создать цифровой кейс, который позволит не только провести обзор цифровых технологий, используемых в подготовке онлайн-тьютора, но и составить сравнительную характеристику бесплатных сервисов для определения наиболее оптимального.

G. I. Shevchenko, A. I. Kalashnikova

DIGITAL TECHNOLOGY IN THE PREPARATION OF THE ONLINE-TUTOR

Keywords: digital technologies, digital competence, innovative technologies and learning tools, educational process, online tutor, online learning, online space

The article provides an overview and analysis of digital technologies used in education to train an online tutor in higher education, within the framework of elective disciplines or disciplines formed by participants in educational relations. Today, to become an effective online tutor, you need to acquire new competencies, master new communication formats that ensure the wide dissemination of knowledge and information through their transformation into digital educational products. The use of online learning contributes to the creation of comfortable conditions for various types of communication, education and creativity throughout life in convenient forms and at convenient times. To perform the functions of an online tutor by teaching staff of educational organizations and to train an online tutor in higher education, it is necessary to create a digital case that will allow not only to review the digital technologies used in the training of an online tutor, but also to compile a comparative description of free services to determine the most optimal.

Модернизация современного образования невозможна без овладения цифровыми технологиями, которые помогут обучающимся лучше ориентироваться в информационном мире. В связи с этим, новые задачи высшей школы требуют совершенствования образовательной практики [1]. Сегодня обучение, воспитание и развитие обучающихся должно осуществляться с учетом социальных, возрастных, психофизических и индивидуальных особенностей, в том числе особых образовательных потребностей. Одним из путей достижения этого является интенсивное применение цифровых технологий в образовательном процессе, поскольку они, способствуя организации современной образовательной среды, обуславливают необходимость изменения подходов к обуче-

нию, разработке и внедрению инновационных технологий и средств обучения, базирующихся на использовании компьютерной техники с применением активных методов обучения во всем их разнообразии и комплексности. По этой причине возникает потребность в новом специалисте, способном проектировать индивидуальные образовательные маршруты обучающихся, а также осуществлять онлайн-поддержку и контроль в процессе освоения нового материала [2]. Таким специалистом может стать онлайн-тьютор.

Для осуществления функций онлайн-тьютора педагогическими работниками образовательных организаций и подготовки онлайн-тьютора в высшей школе, необходимо создать цифровой кейс, который позволит не только

провести обзор цифровых технологий, используемых в подготовке онлайн-тьютора, но и составить сравнительную характеристику бесплатных сервисов для определения наиболее оптимального.

Онлайн-тьютор – это организатор, преподаватель-консультант и личный наставник в онлайн-обучении. Он настраивает обучаемого на позитивный лад, на то, чтобы тот самостоятельно был способен повысить эффективность своей деятельности [3].

Сегодня, чтобы педагогу стать эффективным онлайн-тьютором необходимо приобрести новые компетенции, а также адаптировать имеющиеся компетенции к новому контексту. Одной из первых задач, которую должен уметь решать онлайн-тьютор – это подбирать, применять и разрабатывать учебные материалы, используя быстро развивающиеся технологии, в том числе и цифровые. Однако, в настоящее время формированию профессиональной готовности будущих педагогов к онлайн-тьюторству уделяется недостаточно внимания. Возникает вопрос, какие из умений можно перенести в новую реальность, как это сделать, как формировать и приобретать новые компетенции, которые можно использовать в подготовке онлайн-тьютора, освоив которые он сможет применять их в своей профессиональной деятельности [4].

С целью изучения готовности педагогов к онлайн-тьюторству, нами проведено анонимное онлайн-анкетирование работников образовательных организаций [4]. Данное исследование показало, что только 17 % учителей готовы к реализации функций онлайн-тьютора. В связи с пандемией педагогам пришлось стремительно переместиться в онлайн-пространство. К чему педагоги были совершенно не готовы.

На смену традиционной форме общения приходит формат видеоконференции. Онлайн-тьютору для осуществления своей деятельности необходимо обзавестись надежным и доступным видеоконференцсервисом. Найти достойный вариант для проведения видеоконференций непросто, но еще труднее найти действительно бесплатный. Правильное решение зависит от следующих факторов:

- среднее количество участников;
- продолжительность видеоконференции;

- возможность демонстрации экрана;
- возможность поделиться файлами.

Рассмотрим некоторые видеоконференцсервисы, которые, на наш взгляд, обеспечивают наибольшее количество возможностей в бесплатном тарифном плане.

1. Skype – самая популярная программа для общения онлайн в реальном времени. Приложение позволяет совершать аудио- и видеоконференции, объединяющие сразу до 50 пользователей. Skype предоставляет такие возможности как: запись звонков, демонстрация экрана, чат для передачи текстовых сообщений и для обмена файлами, отправка мгновенной реакции на происходящее. Преимущество Skype заключается в том, что основными функциями можно пользоваться совершенно бесплатно, за исключением звонков со Skype на мобильные или стационарные телефоны [5].

2. Zoom – сервис для проведения аудио- и видеоконференций и создания чатов для совместной работы нескольких пользователей. В бесплатном тарифном плане позволяет объединять до 100 пользователей. Zoom накладывает ограничения по времени общения и записи – максимум 40 минут, хотя один на один можно общаться безлимитно. К полезным функциям можно отнести: выключение и включение микрофона, запрос включения видео у всех участников видеоконференции, совместное использование экрана, запись звонков, обмен файлами, работа с «Google Диск». Преимущество Zoom – встроенная интерактивная доска, позволяющая легко и быстро переключаться на демонстрацию экрана [6].

3. FreeConferenceCall.com – абсолютно бесплатный сервис (размер оплаты за использование сервиса пользователь определяет самостоятельно) для проведения аудио- и видеоконференций и совместной работы. Каждая учетная запись включает в себя бесплатные онлайн-встречи, наполненные интуитивно понятными функциями: отображение до пяти одновременных каналов во время видеочата, дистанционное управление и инструменты для рисования. Обеспечивает возможность записи аудиовизуальных презентаций для прямой трансляции [7].

В таблице 1 представлена сравнительная характеристика видеоконференцсервисов.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика видеоконференцсервисов

Сервис	Skype	Zoom	FreeConferenceCall.com
Количество участников	До 50	До 100	До 1000
Продолжительность видеоконференции	Неограниченно	40 минут	6 часов
Демонстрация экрана	+	+	+
Видеозапись	+	+	+
Чат	+	+	+
Хранилище файлов	+	+	-

Как известно, учителя трудно представить без школьной доски. Поскольку деятельность онлайн-тьютора заключается в онлайн-пространстве, то на смену школьной доске приходят интерактивные онлайн-доски, которые позволяют дистанционно работать в режиме реального времени большому количеству участников.

Онлайн-доски являются инструментом визуализации учебного материала. Они хорошо подходят для совместной работы с обучающимися, в том числе во время видеоконференций.

Рисовать на пространстве онлайн-доски можно разными цветами, выбирать толщину линий, добавлять заметки, как с помощью мышки, так и пальцем на планшете или мобильном телефоне. Все изменения участники видят в реальном времени, с небольшой задержкой в секунду или две. Существует огромное множество сервисов, которые можно использовать для совместной работы. Выбор сервиса обуславливается потребностями и возможностями педагога. Большинство сервисов предоставляют полный спектр возможностей за абонентскую плату. Рассмотрим некоторые сервисы, которые позволяют работать с основными функциями бесплатно:

1. Twiddla – англоязычный сервис, предназначенный для совместной работы. Рабочее поле представляет собой белый лист, на котором можно размещать текст, изображения, математические формулы и документы. Также, в Twiddla, доступен совместный просмотр веб-сайтов в режиме онлайн, с возможностью создания заметок, которые будут видны тем, кто совместно работает на интерактивной доске. Участники могут общаться при помощи чата, в том числе и голосового. Общение в режиме конференции доступно на платном тарифе. Работать в сервисе можно без регистрации. Доступ к интерактивной доске Twiddla осуществляется по ссылке, его можно ограничить, защитив паролем. Созданный в сервисе документ можно сохранять в виде графического файла. Пожалуй, единственным минусом бесплатной

версии является ограничение по времени (20 минут для одной рабочей сессии) [8].

2. NoteBookCast – абсолютно бесплатная многопользовательская доска в режиме реального времени. Интерфейс доски на английском языке, но, тем не менее, он интуитивно понятен. Одновременно допустима работа 10 пользователей. Основные инструменты: карандаш, ластик, линия, круг, прямоугольник, текст. Также пользователям доступна функция загрузки изображения и возможность изменения фона доски (в клетку, в линию, белый лист). В NoteBookCast предусмотрен лазерный указатель, указывающий в реальном времени на любой элемент интерактивной доски. Для удобства, цвета указателей пользователей отличаются. В любой момент можно сделать скриншот онлайн-доски и загрузить его. Онлайн-доска сохраняется автоматически. Присоединиться к доске можно по ссылке. Для общения пользователей предусмотрен текстовый чат [9].

3. Whiteboard Fox – скромная и абсолютно бесплатная интерактивная онлайн-доска, представляющая собой безграничный лист в клетку. Сервис не требует регистрации, рабочее поле становится сразу доступным по ссылке на сайте. Whiteboard Fox поддерживает только основные функции – рисование, стирание, добавление текста и изображения, навигация и отмена нарисованного. Функционал не большой, но рисунок получается естественным и точным. Отличительной особенностью данного сервиса является распределение ролей: возможность редактирования только одному или всем пользователям. Поделиться своей доской и пригласить пользователей для участия или просто наблюдения – можно благодаря сгенерированной ссылке [10]. Интерактивные онлайн-доски можно использовать для организации среды для совместного общения и обсуждения, разъяснения учебного материала, размещения домашнего задания, коллективной работы над проектом, организации мозгового штурма, опроса участников и т.д. Сравнительная характеристика рассмотренных выше интерактивных онлайн-досок представлена в таблице 2.

Таблица 2 – Сравнительная характеристика интерактивных онлайн-досок

Сервис	Twiddla	NoteBookCast	Whiteboard Fox
Количество участников	10	10	Неограниченно
Продолжительность работы	20 минут	Неограниченно	Неограниченно
Чат	+	+	-
Инструменты	Карандаш, ластик, формы, текст, блокнот, изображение, документ	Карандаш, ластик, формы, изображение, лазерная указка, захват доски, текст	Карандаш, ластик, текст, изображение, скриншот
Совместный просмотр веб-страниц	+	-	-
Совместное редактирование	+	+	+
Доступ	По ссылке	По ссылке	По ссылке
Сохранение доски для дальнейшего пользования	-	+	-

Обеспечение образовательного процесса по новым принципам означает самостоятельность, совместную работу, интерактивность, новаторство. Реализация таких изменений во многом зависит от готовности и инициативы педагогов работать с разнообразными техническими средствами. Рассмотрим некоторые бесплатные платформы, которые можно использовать для осуществления контроля за усвоением учебного материала:

1. Мастер-Тест – интуитивно понятный интернет сервис, позволяющий создавать тесты и проводить онлайн-тестирование. Автоматическая проверка работ, экономит время педагога и облегчает процесс контроля. Тесты, созданные в Мастер-Тест можно скачать и проходить тест без подключения к интернету. К основным возможностям сервиса Мастер-Тест можно отнести [11]:

- неограниченное количество вопросов и вариантов ответов;
- добавление графического, аудио- и видео- контента;
- определение источников информации, указывающих студенту, что ему стоит изучить или какой учебный материал повторить по результатам онлайн тестирования;
- установление для каждого вопроса шкалу баллов (от 1 до 10);
- обзор подробного результата;
- установка периода и времени сдачи теста;
- возможность вставить готовый тест в свой сайт или блог с помощью html-кода;
- на страницах сервиса нет информации, которая отвлекала бы от прохождения теста.

2. Steppik.org – некоммерческий проект, российская образовательная платформа в совокупности с конструктором бесплатных открытых онлайн-курсов и уроков. Проект предоставляет возможность создания зарегистрированным пользователям интерактивных бесплатных открытых онлайн курсов и уроков, содержанием которых могут быть тексты, видео и различные задачи с автоматической проверкой и обратной связью. Процесс обучения в проекте предусматривает обсуждение вопросов на форуме как между участниками, так и с преподавателем.

Компоненты разработанного открытого онлайн курса представляют собой набор файлов небольшого размера, объединенных навигационной системой с интерактивными элементами. Простота и доступность пользовательского интерфейса не требуют специальной подготовки, что позволяет сконцентрироваться на содержании предлагаемого материала.

Steppik.org поддерживает возможность использования 20 типов заданий – тесты, числовые задачи и на программирование, задания с формулами, уравнениями и т.д.

Уроки на Steppik.org бывают 2 типов: открытыми и закрытыми. Открытые уроки доступны всем желающим, а закрытые – только автору урока и тем, кому автор вышлет приглашение.

Авторы разработанных материалов могут хранить их, встраивать на другие сайты и образовательные платформы, использовать без ограничений в виде курсов или отдельных уроков, а также для самостоятельной подготовки студентов, следить за статистикой и прогрессом студентов [12].

3. Learningapps.org – сервис для создания интерактивных упражнений с обратной связью, прост в использовании, не требует знаний специальной подготовки, имеет удобную

навигацию, возможность получать текстовые ссылки и отправлять их по электронной почте или код для вставки в блог или сайт [13].

Таблица 3 – Сравнительная характеристика бесплатных платформ, используемых для осуществления контроля

Сервис	Мастер-Тест	Steppik.org	Learningapps.org
Ограничение по времени выполнения	+	-	-
Отслеживание статистики и процесса обучения	+	+	-
Типы заданий	с выбором правильного ответа; без использования готовых вариантов ответа; на установление соответствия; на конструирование правильной последовательности по одному или нескольким параметрам	тест; программирование; задачи: численная, текстовая, на сопоставление, математическая, на сортировку, табличная, со случайной генерацией условия, химическая; свободный ответ; пропуски; sql challenge; и др.	Выбор: викторина с выбором правильного ответа; слова из букв; и др. Распределение: найти на карте; найти пару; классификация; сортировка картинок; таблица соответствия игра «парочки»; и др. Последовательность: хронологическая линейка; расставить по порядку. Заполнение: викторина с выводом текста; виселица; заполнить пропуски; кроссворд; заполнить таблицу. Он-лайн игры: вызов; скачки; оцените; Multi-User-Quiz и др.
Коллекция созданных заданий	+	+	+
Группировка уроков в курс	-	+	-
Чат	+	+	+

Выбор видеоконференцсервиса обуславливается потребностями педагога. Например, если необходимо провести урок в одном классе или учебное занятие в СУЗе или ВУЗе для одной группы, с обеспечением передачи файлов, то отличным выбором будет Skype. В случае, если онлайн-тьютору необходимо провести учебное занятие в нескольких группах, то выбор следует остановить на Zoom. Для проведения конференции лучше всего подойдет FreeConferenceCall.com.

Для того, чтобы выбрать онлайн-доску необходимо определить какие задачи требуется решить. Например, совместный просмотр веб-страниц для осуществления консультативной

помощи доступен в сервисе Twiddla. Для продолжительной работы над проектом лучше всего подходит сервис NoteBookCast, так как позволяет сохранять доски для дальнейшего пользования. При необходимости задействовать большую учебную группу лучше остановить выбор на сервисе Whiteboard Fox.

Наиболее эффективным средством для осуществления тестирования, на наш взгляд, является сервис МастерТест, так как позволяет ограничивать по времени проведения и отслеживать статистику обучающегося. Для создания онлайн-курса хорошим выбором будет сервис Steppik.org. А для проведения учебного занятия в игровой форме подойдет сервис

Learningapps.org, оснащенный большим выбором интерактивных упражнений.

Отличительной чертой образования 21 века является перенос образовательной деятельности в онлайн-пространство. Этот перенос сопровождается бурным использованием цифровых технологий, ресурсов и сервисов. В подготовке онлайн-тьютора важная роль отводится формированию цифровой компетентности, по-

зволяющей решать актуальные задачи, и цифровой культуры будущего педагога. Правильный выбор цифровых ресурсов для подготовки онлайн-тьютора в высшей школе будет способствовать не только эффективному обучению, но и возможности проектировать траектории своего профессионального роста и личностного развития.

Литература

1. Гаязова Э. Б., Зинурова Р. И., Берман С. С. Менеджмент образования в России: методологический аспект // Управление устойчивым развитием. 2016. №1. С. 59-64.
2. Шевченко Г. И. Средства методического сопровождения учебной деятельности студентов в электронной информационно-образовательной среде // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 3 (52). С. 195-197.
3. Калашникова А. И. Истоки и перспективы развития онлайн-тьюторства // Научные разработки: евразийский регион: материалы международной научной конференции теоретических и прикладных разработок (г. Москва, 14 февраля 2019 г.). / отв. ред. Д.Р. Хисматуллин. Москва: Изд-во Инфинити, 2019. 260 с.
4. Калашникова А. И. Структура, критерии и уровни готовности педагогов к реализации функций онлайн-тьютора // Современные социально-гуманитарные исследования: теоретико-методологические и прикладные аспекты: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 ноября 2019 г. : в 2-х ч. / Под общ. ред. Е. П. Ткачевой. Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2019. Часть II. 144 с.
5. Знакомство с возможностями Скайпа. URL: <https://www.skype.com/ru/features/> (дата обращения: 05.06.2020).
6. Конференции и чат Zoom. URL: <https://zoom.us/ru-ru/meetings.html> (дата обращения: 05.06.2020).
7. Функции Freeconferencecall.com. URL: <https://www.freeconferencecall.com/ru/ru/features> (дата обращения: 05.06.2020).
8. Онлайн доска Twiddla. URL: <https://www.twiddla.com/> (дата обращения: 08.06.2020).
9. Многопользовательская доска в реальном времени NoteBookCast. URL: <https://www.notebookcast.com/en/features> (дата обращения: 06.06.2020).
10. Онлайн доска Whiteboard Fox. URL <https://whiteboardfox.com/> (дата обращения: 08.06.2020).
11. Сервис для педагогов Мастер-Тест. URL: http://wiki.master-test.net/ru/index.php?title=Заглавная_страница (дата обращения: 05.06.2020).
12. О Sterik.org. URL: <https://welcome.stepik.org/ru/about> (дата обращения: 08.06.2020).
13. Что такое LearningApps.org? URL: <https://learningapps.org/about.php>. (дата обращения: 05.06.2020).

Сведения об авторах:

©Шевченко Галина Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры информатики, Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация, Ставрополь, e-mail: shgaiv@ya.ru

©Калашникова Анна Игоревна – аспирант кафедры информатики, Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация, Ставрополь, e-mail: voronko_anna@bk.ru

Information about the authors:

©Shevchenko Galina Ivanovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Informatics, North Caucasus Federal University, Russian Federation, Stavropol, e-mail: shgaiv@ya.ru

©Kalashnikova Anna Igorevna – postgraduate student of the Department of Informatics, North Caucasus Federal University, Russian Federation, Stavropol, e-mail: voronko_anna@bk.ru

ВЛИЯНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ НА УСПЕШНОСТЬ АДАПТАЦИИ ПЕРВОКУРСНИКОВ К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ

Ключевые слова: индивидуально-ориентированное обучение, адаптация первокурсников, программа довузовской подготовки, дисперсионный анализ, корреляционный анализ

Рассматривается влияние внедрения индивидуально-ориентированного обучения на успешность адаптации первокурсников к обучению в вузе в соответствии с новыми взглядами на высшее образование, готовящее молодых людей к решению постоянно возникающих новых задач в постиндустриальном обществе. Приведены примеры проводимых вузами мероприятий профориентационного характера, направленных на осознанный выбор профессии. С позиции анализа собственного практического опыта авторов описана модель взаимодействия вуза со школами и колледжами, обеспечивающая удовлетворение познавательных потребностей обучающихся. Обоснованы причины низкой адаптации первокурсников, вызванные содержанием учебного материала, его объемом, методами преподавания и недостаточным уровнем подготовленности абитуриентов к обучению. Представлены различные подходы к преодолению адаптационных затруднений студентов в отечественной и зарубежной научно-исследовательской литературе. Обосновывается необходимость использования возможностей учебно-образовательного процесса вуза в решении проблемы адаптации первокурсников. Подчеркивается, что успешность обучения в высшей школе определяется технологией обучения, направленной на познание логики изучаемой науки и имеющихся навыков самообразования у студентов. В рамках данной статьи приведена характеристика технологии индивидуально-ориентированного обучения в виде описания четырех ее составляющих: дифференциации обучающихся, детализации содержания обучения, активизации обучения и создания эффективной системы контроля. Выделенные составляющие индивидуально-ориентированного обучения легли в основу управления самообразовательной учебно-познавательной деятельностью студентов. Авторами рассмотрен вопрос проявления связи между участием студентов в программе довузовской подготовки и степенью влияния индивидуально-ориентированного обучения (ИОО) на успешность адаптации первокурсников к обучению в вузе. На основе двухфакторного дисперсионного анализа с повторениями и корреляционного анализа проведена математико-статистическая обработка результатов исследования факторов, влияющих на адаптацию студентов-первокурсников. Выявлено, что наиболее существенным фактором, влияющим на успешность адаптации первокурсников к обучению в вузе, является внедрение индивидуально-ориентированного обучения.

E. V. Yakovleva, T. G. Makuseva

INFLUENCE OF INDIVIDUAL-ORIENTED TEACHING ON THE SUCCESS OF ADAPTATION OF FIRST-YEAR STUDENTS TO UNIVERSITY STUDY

Keywords: individual-oriented teaching, first-year students' adaptation, pre-university preparation program, two-way analysis of variance, correlation analysis

The article deals with the study of the influence of introducing individual-oriented teaching on the successful adaptation of first-year university students to the university study in accordance with contemporary views on higher education, training young people to solve new emerging tasks in postindustrial society. The examples of profession-oriented activities aimed at the conscious choice of profession are given in the article. Taking into consideration their practical experience the authors describe the model of interaction between the university and schools and colleges providing the satisfaction of students' cognitive needs. The article reveals the reasons for the low-level adaptation of first-year students caused by the content of the educational material, its volume, teaching methods and the low level of applicants' preparedness to university study. Different approaches to overcoming students' adaptation difficulties suggested by Russian and foreign scholars are considered in the article. The authors give reasons for the necessity of using the possibilities of the university educational process in solving first-year students' adaptation problems. It is emphasized that the academic success depends on the training technology aimed at learning the logic of the studied science and students' skills

of self-education. The article contains the characteristics of the technology of individual-oriented teaching including students' differentiation, teaching material detalization, teaching activation and creating the effective control system. These components of individual-oriented teaching form the basis for management of students' self-education and cognitive activities. The authors try to identify the connection between students' participation in the pre-university preparation program and the degree of the influence of individual-oriented teaching (IOT) on the successful adaptation of first-year university students. Two-way replicate analysis of variance and correlation analysis were used for mathematical and statistical processing of the obtained results of researching the factors that influence first-year students' adaptation. The research results show that the introduction of individual-oriented teaching is the most significant factor influencing successful first-year students' adaptation.

Экономическое развитие первой четверти XXI века, становление постиндустриального общества и цифровой экономики требуют переоценки всех составных частей учебного процесса в высшей школе. Новые интеллектуальные технологии привели к радикальным изменениям не только в промышленном секторе, но и подтолкнули ученых-педагогов к признанию того, что высшее образование должно подготовить молодежь к жизни и решению постоянно возникающих новых или пока еще полностью не определённых задач. Принципиально новая мировая экономика требует, чтобы человек постоянно переучивался, а образование на всех уровнях перестраивалось под реальные экономические потребности. Такая тенденция характерна для всех развитых стран, в которых подготовка высококвалифицированных инженеров является важной составляющей, обеспечивающей практическое внедрение научных разработок [1]. Именно поэтому необходимо научить молодых людей учиться, учиться всю жизнь. Они должны быть гибкими и понимать, где и как получить необходимые знания, а государство должно создать условия для эффективного их взаимодействия с вузами, внедряющими инновационные образовательные программы. Такое концептуальное отношение к высшему образованию требует трансформации всей вузовской системы, чтобы учебный процесс в вузе сосредотачивался на способах овладения знаниями. Мы глубоко убеждены в том, что «новая инновационная система образования потребует изменения содержания образования, иных методик обучения и воспитания, введения в университетах и институтах новых технологий ведения учебного процесса, чтобы будущие выпускники вузов оказались способными адекватно справиться с проблемами середины XXI века» [2, с.163]. Однако, на практике образование пока в поиске адаптированной к новым условиям модели: разрабатывается новое семейство стандартов и учебных планов, в которых акцент все больше смещается на сокращение аудиторных часов при попытке сохранения общего объёма содержания образования и стиму-

ляции познавательной активности самих студентов.

В настоящее время основополагающим направлением, отвечающим требованиям социального заказа и позволяющим удовлетворять возрастающие образовательные потребности обучающихся, становится взаимодействие между школами и высшими учебными заведениями. В работах преподавателей российских вузов представлена конкретизация отдельных подходов к осуществлению профориентационной деятельности (К. А.Ререкин [3], Р. Г. Стронгин [4], Л.З. Фатхуллина [5]), а довузовская подготовка рассматривается как средство упреждающей адаптации. Так, в Казанском национальном исследовательском технологическом университете реализуется инновационная практика довузовской инженерной подготовки, учитывающая потребности нефтегазового комплекса в Республике Татарстан [6]. В Сибирском федеральном университете проводятся профориентационные курсы «Инженерия» горно-металлургического профиля на основе идеологии CDIO [7]. На филологическом факультете Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева функционирует школа филолога «Логос» [8].

С позиции анализа проводимых вузами мероприятий профориентационного характера и собственного опыта участия авторов в профориентационной работе Нижнекамского химико-технологического института следует отметить, что довузовская подготовка школьников имеет особое значение для осознанного выбора профессии, что отчасти может способствовать их адаптации к обучению в вузе. Совместная деятельность вуза и школы, с одной стороны, обеспечивает преемственность обучения, а, с другой, создает оптимальные условия для удовлетворения познавательных потребностей учащихся, что позволяет раскрыть их потенциальные способности. Модель сетевого взаимодействия вуза со школами и колледжами осуществляется за счёт внутренних ресурсов вузов и включает в себя проведение профессорско-преподавательским составом: 1) занятий по

элективным курсам на базе вуза; 2) предметных олимпиад, конкурсов и научно-практических конференций школьников; 3) мероприятий профориентационного характера; 4) научно-методического консультирования школьных учителей-предметников по подготовке учащихся к ЕГЭ и работе с одарёнными детьми. Работа преподавателей вуза положительным образом отражается в ходе итоговой аттестации выпускников школ и их поступлении в вузы по выбранному профилю. Однако с каждым годом становится всё более очевидным, что «борьба» многих столичных вузов за контингент абитуриентов и, как следствие, отток одарённой и наиболее подготовленной молодежи из региона, сводят практически на нет работу профессорско-преподавательского состава в ходе довузовской подготовки в конкретном региональном вузе. В итоге региональные вузы вынуждены иногда зачислять на первый курс абитуриентов с недостаточно высоким уровнем готовности к обучению в вузе. Кроме того, даже отлично окончившие школу первокурсники не редко ощущают возникающее противоречие между характером учебного материала в вузе, его содержанием, объёмом, методами преподавания и имеющимися недостатками навыка самообразования, необходимого для выполнения увеличившегося объёма самостоятельной работы по дисциплине, которые не удается компенсировать усидчивостью. Эти причины субъективно-психологического характера не редко становятся источником дидактического барьера между участниками учебно-образовательного процесса в вузе, что связано с низкой адаптацией студентов, которая в большинстве случаев протекает медленно и стихийным образом.

В последние два десятилетия в работах отечественных педагогов и психологов рассмотрен ряд подходов, направленных на преодоление адаптивных затруднений студентов, базирующихся на определенном комплексе общекогнитивных и личностных механизмов и наиболее активно использующих понятия: «адаптация студентов к условиям обучения в вузе» [9; 10]; «адаптация первокурсников к учебно-воспитательному процессу» [11]; «взаимосвязь личностных особенностей и успешности адаптации первокурсников» [12]. Эти понятия позволяют выделить два аспекта: профессиональную адаптацию и социально-психологическую адаптацию. Наиболее удачной, по нашему мнению, является анализ понятия адаптации с точки зрения психолого-педагогической науки проведённый Е.В. Приходько [13], рассматривающий адаптацию студента как взаимодействие личности студента, ответственной за ее успех, и образовательной

среды вуза.

За рубежом адаптационной проблематикой в вузе занимались (R. Dyson [14]; Ø. Helgesen [15]; J. L. Kobrin [16]; O. Lopez-Fernandez [17]; P. G. Taylor [18]; J. S. Warren [19]). Вузовскую адаптацию они рассматривали как первичный этап квазипрофессиональной адаптации, характеризующийся вхождением студента в образовательную среду вуза.

Приступая к обучению первокурсников, каждый преподаватель сталкивается с вопросом: как помочь студентам адаптироваться в вузе и, соответственно, повысить их успеваемость? Ответ на подобный вопрос можно получить, оценив: уровень уже имеющихся мыслительных способностей и уровень их потенциального развития. Разница между этими уровнями позволяет выявить мыслительные операции, которые пока не освоены, но студенты могут с ними справиться самостоятельно или с помощью преподавателя. Адаптация первокурсников является процессом динамичным, зависящим от специфических особенностей конкретного вуза, формы обучения, имеющихся образовательных компетенций, сформированных на предыдущей ступени образования, а также личностных особенностей студентов, которые опосредованно влияют на их успеваемость. Успешность обучения в вузе во многом определяются видами, методами и формами обучения, направленными не на заучивание учебного материала, а на познание логики изучаемой науки, обучение студентов умению разделять главное и второстепенное.

Вследствие этого назрела необходимость исследования проблемы: использование каких технологий создает благоприятные возможности для оптимального адаптационного процесса первокурсников к условиям обучения в вузе, обеспечивающие их успешную учебно-образовательную деятельность?

Одной из таких технологий мы считаем индивидуально-ориентированное обучение (ИОО), влияющее на успешность адаптации первокурсников к обучению в вузе и являющееся предметом нашего исследования. Процесс учения принимает осознанный характер за счет погружения студентов в личностно-значимую самообразовательную деятельность, а приобретаемые знания расцениваются ими как средство необходимое для адаптации в сфере будущей профессиональной деятельности [20]. Рассмотрим четыре составляющих ИОО: 1) дифференциация обучающихся; 2) детализация содержания обучения; 3) активизация обучения; 4) создание системы эффективного контроля. Дифференциация в нашем исследовании позволяет реализовать управленче-

ский подход к процессу обучения. Она включает в себя проверку уровня: усвоенных знаний по дисциплине; готовности к самообразовательной деятельности; обучаемости как относительно устойчивого свойства личности. Детализация отбора содержания обучения по дисциплине представлена нами в таблице 1.

Активизация процесса обучения проис-

Таблица 1 – Детализация отбора содержания обучения по дисциплине

Номер шага	Содержание
Первый шаг	Обоснование целей обучения. Четкая постановка целей способствует созданию прогностической модели обучения данной дисциплине, что, в свою очередь, связано с решением следующих задач: выявление и описание общих требований, предъявляемых к результатам обучения по дисциплине; изучение текущего состояния и изменений в требованиях к данной дисциплине согласно ФГОС; исследование структуры и содержания учебной дисциплины, которую планируется изучать. Решение этих задач дает возможность определить прогнозируемое содержание обучения и отразить перспективные требования подготовки обучающегося по данной дисциплине.
Второй шаг	Классификация содержания учебного материала. Выделение относительно стабильной части учебной информации и динамичной учебной информации. Определение коэффициентов важности каждого учебного элемента предмета. Первичный синтез учебного материала. Выделение комплексных межпредметных связей, которые отражают взаимосвязь учебных дисциплин, теории и практики. Построение модели компетенций, «отражающей общеобязательные для данной дисциплины стандарты, ожидаемые после завершения обучения, заданные в форме требований к уровню знаний, умений, навыков» [21].
Третий шаг	Структурирование учебного материала, интеграция учебной дисциплины в блоки, определение состава блоков, изменение характера учебного материала. Построение структуры интегрированного содержания.
Четвертый шаг	Составление информационной матрицы усвоения учебных элементов учебной дисциплины
Пятый шаг	Расчёт времени для изучения отдельных учебных элементов по дисциплине. Анализ результатов расчётного времени. Составление рабочей учебной программы учебной дисциплины.
Шестой шаг	Оперативная корректировка учебно-программной документации.
Седьмой шаг	Работа по экспериментальной программе. насыщение учебного процесса дидактическими и методическими средствами, ТСО и т.п. Экспериментальная оценка усвоения учебного материала обучающимися. Составление диагностической матрицы усвоения учебных элементов учебной дисциплины. Анализ сравнения полученных результатов.
Восьмой шаг	Расчет оптимальной учебной программы изучения отдельной дисциплины.
Девятый шаг	Внедрение учебной программы в учебно-воспитательный процесс вуза.

Таблица 2 – Система контроля

Контроль обучаемого	Контроль обучающегося	Контроль со стороны обучающегося
Изучение уровня профессиональных затруднений педагогов	Входной; текущий; заключительный; контроль за использованием приобретённых знаний	Текущий самоконтроль; взаимоконтроль

Важно, что внедрение индивидуально-ориентированного обучения в учебный процесс не сводится к кардинальной перестройке существующей отечественной системы образования, а лишь частично её модернизирует.

Цель работы заключается в определении влияния индивидуально-ориентированного обучения на успешность адаптации первокурсников к обучению в вузе.

Исследование проводилось на протяжении пяти лет с 2013 года в Нижнекамском химико-технологическом институте. Общее количество участников составило 487 человек. В ходе исследования использовались следующие методики:

1. Двухфакторный дисперсионный анализ с повторениями, позволяющий определить наличие влияния индивидуально-ориентированного обучения и участия в программе довузовской подготовки на результаты эксперимента.

2. Корреляционный анализ, с помощью которого выявлена зависимость успеваемости студентов, а также их адаптации от рассматриваемых в исследовании факторов: индивидуально-ориентированного обучения и участия в программе довузовской подготовки.

В ходе исследования проводилось входное диагностическое тестирование по отдельной дисциплине. Конечные контрольные точки контролирующего этапа формирующего эксперимента проводились в конце каждого семестра в течение первых двух лет обучения. Промежуточный контроль проводился в течение

каждого семестра в зависимости от дисциплины и изучаемого её раздела.

Проверяемые гипотезы:

Комплект 1: влияние фактора У (участие в программе довузовской подготовки).

H_0 : Различия средних результатов тестирования между участвовавшими в программе и не принимавшими в ней участие отсутствуют.

H_1 : Имеется достоверное различие в средних результатах тестирования между участвовавшими в программе и не принимавшими в ней участие.

Комплект 2: Влияние фактора Х (наличие ИОО или его отсутствие).

H_0 : Различия средних результатов тестирования между обучающимися по программе ИОО и в традиционной форме отсутствуют.

H_1 : Имеются достоверные различия в средних результатах тестирования между обучающимися по программе ИОО и в традиционной форме.

Комплект 3: Совместное влияние факторов Х и У.

H_0 : Влияние фактора У на средние результаты тестирования одинаково для обучающихся по программе ИОО и по традиционной форме, и наоборот.

H_1 : Влияние фактора У на средние результаты тестирования различно для обучающихся по программе ИОО и по традиционной форме, и наоборот.

Приведём полученные результаты в данном исследовании в виде скриншота, рис. 1.

Фактор X		Двухфакторный дисперсионный анализ с повторениями							
	X1 ИОО	X2 трад							
У1 с курсами	3,8	3,4	ИТОГИ	X1 ИОО	X2 трад	Итого			
	3,5	4	У1 с курсами						
	4,6	4	Среднее	4,32	3,65	3,985			
	5	2,3	Дисперсия	0,281778	0,593889	0,532921			
	4,7	3,3							
У2 без курсов	3,9	4	У2 без курсов						
	3,9	2,5	Счет	10	10	20			
	5	4,7	Сумма	43,9	37,5	81,4			
	4,3	4	Среднее	4,39	3,75	4,07			
	5	3,8	Дисперсия	0,296556	0,271667	0,376947			
	3,6	3,3							
	4,6	2,8	Итого						
	5	4,6	Счет	20	20				
	3,8	3,6	Сумма	87,1	74				
	3,6	3,3	Среднее	4,355	3,7				
4,5	4,1	Дисперсия	0,275237	0,412632					
4,7	3,8								
4,8	4,2								
			Дисперсионный анализ						
			Источник вариации	SS	df	MS	F	P-значение	F критическое
			Выборка	0,07225	1	0,07225	0,200154	0,6572771	4,113165219
			Столбцы	4,29025	1	4,29025	11,88526	0,0014571	4,113165219
			Взаимодейс	0,00225	1	0,00225	0,006233	0,9375093	4,113165219
			Внутри	12,995	36	0,360972			
			Итого	17,35975	39				

Рис.1 – Сравнительные результаты двухфакторного дисперсионного анализа

Полученные данные позволяют сделать соответствующие выводы.

По гипотезам *комплекта 1* (влияние фактора У, участие или не участие в программе довузовской подготовки): $F_{\text{экс}} = 0,2$, $F_{\text{кр}} = 4,113$; $F_{\text{экс}} < F_{\text{кр}}$, следовательно, принимается гипотеза H_0 – различия в успеваемости между участвовавшими в программе довузовской подготовки и не принимавшими в ней участие отсутствуют.

По гипотезам *комплекта 2* (влияние фактора Х, обучение по программе ИОО и по традиционной форме): $F_{\text{экс}} = 11,885$, $F_{\text{кр}} = 4,113$, $F_{\text{экс}} > F_{\text{кр}}$ – принимается гипотеза H_1 – достоверным является влияние фактора Х на средние результаты тестирования. Обучающиеся по программе ИОО имеют лучшие результаты по сравнению с обучающимися по традиционной форме обучения.

По гипотезам *комплекта 3* (совместное влияние факторов Х и У на результаты тестирования). $F_{\text{экс}} = 0,006$, $F_{\text{кр}} = 4,113$. $F_{\text{экс}} < F_{\text{кр}}$ – принимается гипотеза H_0 – участие в программе довузовской подготовки не оказывает существенного влияния на результаты тестирования для обучающихся по программам ИОО и по традиционной форме обучения. Средний результат тестирования для обучающихся по программе ИОО составил 4,32 для участвовавших в программе довузовской подготовки и 4,39 – для не принимавших в ней участие. В группе студентов, обучающихся по традиционной форме, средний результат составил 3,65 с дову-

зовской подготовкой и 3,75 – без довузовской подготовки. Большого различия в средних значениях полученных результатов в данном случае не наблюдается. Взаимодействие участия в программе довузовской подготовки и формы обучения не существенно.

Применение дисперсионного анализа позволило определить зависимость результатов тестирования от внедрения индивидуально-ориентированного обучения.

В ходе применения метода корреляционного анализа для оценки зависимости академической адаптации первокурсников от участия их в программе довузовской подготовки был получен коэффициент корреляции $r = 0,47$. Полученный коэффициент корреляции невысок, сила связи умеренная. Это даёт достаточное основание для утверждения того, что участие в программе довузовской подготовки не оказывают сильного влияния на адаптированность студентов к обучению в вузе, а, соответственно, и на их успеваемость.

Коэффициент корреляции, показывающий влияние внедрения индивидуально-ориентированного обучения на успеваемость в нашем исследовании равен 0,96. Это значит, что внедрение ИОО оказывает наиболее сильное влияние на успешную адаптацию первокурсников и, соответственно, на их успеваемость даже в том случае, если старшеклассники целенаправленно не участвовали в программе довузовской подготовки.

Литература

1. Wespel J., Orr D., and Jaeger M. Implications of Excellence in Research and Teaching // International higher education. 2015. № 72. Pp. 13-15.
2. Яковлева Е. В. Современные подходы к организации обучения студентов в вузе // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2018. Вып. (197). С.163-168.
3. Ререкин К. А., Симоненкова А. П., Бузueva Ю. Г. Механизм реализации профориентационной деятельности в вузе // Высшее образование в России. 2016. № 2 (198). С. 96-100.
4. Стронгин Р. Г., Чупрунов Е. В. Университет как центр сети профориентации и социализации личности // Высшее образование в России. 2017. № 2 (209). С. 5-14.
5. Фатхуллина Л. З. Оптимизация профессиональной ориентации на основе междисциплинарного подхода // Управление устойчивым развитием. 2016. №1. С. 71-76.
6. Журавлёва М. В., Овсиенко Л. В., Башкирцева Н. Ю., Ибрашева Л. Р., Емельянова О. П. Довузовская инженерная подготовка в международном контексте // Высшее образование в России. 2018. № 1 (219). С. 54-60.
7. Лях В. И., Рудницкий Э. А. Проектирование довузовской подготовки на основе идеологии CDIO // Высшее образование в России. 2016. № 2 (198). С. 68-74.
8. Василькина Л. В., Бирюкова О. И. Преемственность школы и педвуза в профессиональной подготовке учителя-словесника // Высшее образование в России. 2016. № 10 (205). С. 125-129.
9. Дарьенкова Н. Н. Результаты апробации модели «Адаптация студентов первого курса к обучению в техническом вузе в условиях информатизации образования» в учебно-воспитательном процессе техни-

ческого вуза // Наука, образование, общество. 2016. №1 (7). С. 44-54.

10. Тарасова Л. Е. Психолого-педагогические условия формирования адаптационной готовности в вузе // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 4. URL: <https://science-education.ru/article/view?id=24999> (дата обращения 23.05.2020).

11. Гебель Е. С. Адаптация первокурсников к учебно-воспитательному процессу // Высшее образование в России. 2016. № 10 (205). С.144-147.

12. Шклярова А. А. Взаимосвязь личностных особенностей и адаптации студентов-первокурсников к обучению в высшей школе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 12. С.120-124.

13. Приходько Е. В. Адаптация как объект научного исследования: психолого - педагогический анализ // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 2. С.534-536.

14. Dyson R. Freshmen adaptation to university life: depressive symptoms, stress, and coping // Journal of Clinical Psychology. 2006. Vol. 62, Issue 10. P. 1231–1244.

15. Helgesen Ø. What accounts for students' loyalty? Some field study evidence // International Journal of Educational Management. 2007. Vol. 21, Issue 2. P. 126–143.

16. Kobrin J. L., Patterson B. F., Shaw E. J. et al. Validity of the SAT^R for Predicting First-Year College Grade Point Average // College Board Research Report. 2008 № 5. URL: https://www.researchgate.net/publication/267954770_Validity_of_the_SAT_R_for_Predicting_First-Year_College_Grade_Point_Average (дата обращения 25.05.2020).

17. Lopez-Fernandez O. & Rodriguez-Illera J.L. Investigating university students' adaptation to a digital learner course portfolio // Computers & Education. 2009. Vol.52, Issue 3. P. 608-616.

18. Taylor P. G. Exploring student adaptation to new learning environments: some unexpected outcomes // International Journal of Learning Technology. 2004. Vol. 1, No1. P. 100-110.

19. Warren J. S. Social support provisions as differential predictors of adaptive outcomes in young adolescents // Journal of Community Psychology. 2009. Vol. 37. № 1. P. 106–121.

20. Makuseva T. G. General cultural component as a way to form engineering competencies // International Conference on Interactive Collaborative Learning (ICL) 2013. Kazan. 25 - 27 September 2013. P. 513-514. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/xpl/mostRecentIssue.jsp?punumber=6630248>

21. Макусева Т. Г. Методология, теория и практика индивидуально-ориентированного обучения в вузе: монография. Нижнекамск: Нижнекамский хим.-технологический ин-т (фил.) ФГБОУ ВПО «КНИТУ». 2013. 199 с.

Сведения об авторах:

© **Яковлева Елена Владимировна** – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры физики Нижнекамский химико-технологического институт (филиал) Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Нижнекамск, E-mail: YakovlevaEV@inbox.ru

© **Макусева Татьяна Гавриловна** - кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой математики, Нижнекамский химико-технологический институт (филиал) Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Нижнекамск, E-mail: makuseva2008@yandex.ru.

Information about the authors:

© **Yakovleva Elena Vladimirovna** – Doctor of Pedagogical Science, assistant professor of the chair, professor of the chair of physics Nizhnekamsk Institute of Chemical Engineering and Technology (branch of) Federal State Budget Institution of Higher Education «Kazan National Research University of Technology», Russian Federation, Republic of Tatarstan, Nizhnekamsk, E-mail: YakovlevaEV@inbox.ru.

© **Makuseva Tatiana Gavrilovna** – Candidate of Pedagogical Science, reader of chair of mathematic and mathematic teaching method, head of the department of mathematics Nizhnekamsk Institute of Chemical Technology (branch of) Federal State Budget Institution of Higher Education «Kazan National Research University of Technology», Russian Federation, Republic of Tatarstan, Nizhnekamsk, e-mail: makuseva2008@yandex.ru.

Все статьи поступили до 25.06.2020

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ

2020 №3 (28)

май-июнь

Ответственный за выпуск и оригинал-макет – Л. З. Фатхуллина

Свободная цена

Подписано в печать 30.06.2020

Формат 60×84 1/8

Бумага офсетная
15,0 уч.-изд. л.

Печать ризографическая
Тираж 200 экз.

14,75 усл. печ. л.
Заказ 1708/1

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Вестфалика» (ИП Колесов В.Н.)
420111, г. Казань, ул. Московская, 22. Тел.: 292-98-92, e-mail: westfalika@inbox.ru